КЕН АЛИБЕК
СТИВЕН ХЕНДЕЛЬМАН

ОСТОРОЖНО! БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ!

SHOUT
IT
SHARE

Annotation

Впервые публикуемая на русском языке книга Канатжана Алибекова рассказывает о том, как разрабатывалось наступательное биологическое оружие в бывшем СССР, о различных болезнетворных бактериях, загадочной эпидемии сибирской язвы в Свердловске, о засекреченых лабораториях, создающих яды для совершения политических убийств, о применении биологического оружия во время Второй мировой войны и войны в Афганистане.

Пугающая, но истинная история крупнейшей в мире программы по разработке и производству биологического оружия, рассказанная очевидцем — тем самым человеком, который ее создал.

Канатжан Алибеков в соавторстве со Стивеном Хендельманом

- Кен Алибек, Стивен Хендельман
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
  - ○ ВСТУПЛЕНИЕ
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
  - ○ ТАЙНЫ И ЛОЖЬ
    - ■ 11
    - ■ 12
    - ■ 13
    - ■ 14
    - ■ 15
    - ■ 16
  - ○ НЕПРИСТУПНАЯ АМЕРИКА
    - ■ 17
    - ■ 18
    - ■ 19
    - ■ 20
    - ■ 21

- ПРИЛОЖЕНИЕ
- ОБ АВТОРАХ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

Кен Алибек, Стивен Хендельман
Осторожно! Биологическое оружие!

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Ради блага всего человечества мы взяли на себя задачу исключить возможность использования токсинов и бактериологических средств в качестве оружия.

Мы совершенно убеждены, что это в корне противоречит всем моральным нормам, принятым в человеческом обществе, поэтому должно быть сделано все возможное и невозможное, чтобы такого никогда не случилось…

(Из Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении)

Книга начинается со слов о том, что не может быть никакого оправдания использованию болезнетворных микроорганизмов в качестве оружия, даже для защиты своей страны. Хотя история знает примеры, когда некоторые страны, проводя разработку биологического оружия и исследования в этой области, обосновывали свои действия тем, что существует угроза применения врагом этого вида оружия. Когда-то я сам поверил в это. Во времена Советского Союза я был военным врачом и потратил семнадцать лет своей жизни на подобные исследования, потому что, как и мои коллеги, верил в необходимость противостояния Америке, где, как нам говорили, занимаются такими же разработками.

Я ошибался. И в книге рассказывается о том долгом и трудном пути, который привел меня к этому заключению. После первого выхода в свет книги «Биологическая угроза» в Америке она была издана во многих странах: Великобритании, Японии, Франции, Германии, Венгрии, Гонконге, Польше и др. Для меня имеет особое значение тот факт, что мое произведение,

переведенное на русский язык издательством «Городец», теперь доступно и россиянам. Некоторые из моих бывших сослуживцев назвали меня «предателем», потому что я переехал в США, где теперь и живу, и потому что одним из первых разоблачил существование программы по созданию биологического оружия, в которой мы принимали участие. Я искренне надеюсь, что они изменили свое мнение, после того как российские и американские ученые начали трудиться вместе над тем, чтобы устранить угрозу, исходящую от этого оружия. Но в любом случае мне нет нужды оправдываться. Я — врач и меня учили сохранять жизнь людям, а не отнимать ее. Через душевную боль и горький опыт я пришел к осознанию, что ничто не может заменить этого призвания — ни любовь к Родине, ни любовь к семье.

Хочется верить, дорогие читатели, что прочитав эти страницы, вы, как и я, обретете надежду. Большинство россиян до сих пор не знает правды о том, что мы делали. Но американцы также не подозревали, какую опасность представляют собой программы по созданию биологического оружия. Один выдающийся американский критик назвал эту книгу «взглядом в ужасающий мир, относительно которого мы находимся в блаженном неведении». В начале совместной работы над книгой со Стивеном Хендельманом, мы хотели дать понять, что затронутая проблема является не сугубо российской, а мировой. Все страны столкнулись с громадной проблемой биологического оружия и недавние события показали, что его угроза не исчезнет. Но я уверен, что во всем мире осознают необходимость контроля и ограничений разработок в этой области, необходимость сделать «прозрачной» деятельность лабораторий. Я искренне надеюсь, что российское руководство и российский народ присоединятся к этим усилиям. И я верю, что перед молодыми учеными и врачами никогда не встанет трудный выбор, с которым столкнулся я.

Что касается меня, я наконец-то обрел спокойствие и счастье в принявшей меня стране. Я руковожу несколькими группами ученых, занимающихся исследованиями в области медицинской защиты от биологического оружия и в сфере лечения раковых заболеваний. Кроме того мы проводим фундаментальные исследования механизмов старения и предупреждения заболеваний, которыми страдают пожилые люди. На страницах этой книги рассказывается о закрытой главе моей жизни, а также о периоде недоверия и страха, который, я надеюсь, никогда не повторится в стране, которой я до сих пор дорожу и о которой постоянно думаю.

Канатжан Алибеков

ВСТУПЛЕНИЕ

На унылом, открытом всем ветрам островке у берегов Аральского моря сидят около сотни обезьян, которые привязаны к столбам, вытянувшимся длинными параллельными рядами чуть ли не до самого горизонта. Глухой хлопок нарушает тишину. Вдалеке взмывает в небо небольшой металлический шар, падает, вращаясь, пока не разлетается на осколки от последовавшего взрыва.

Над островом в точке взрыва на высоте примерно двадцати метров появляется густое облако дыма горчичного цвета. Прямо на глазах оно начинает расплываться, угрожающе подбираясь к тому месту, где находятся обезьяны. Увидев облако, животные в испуге начинают пронзительно кричать и метаться, натягивая удерживающие их привязи. Обезьяны пытаются спастись, прикрывая голову, пряча нос и рот. Но они уже обречены: вскоре они умрут.

На другом конце острова группа людей в специальных костюмах биологической защиты следит за происходящим в бинокли, делая записи. По прошествии нескольких часов они соберут обезьян, лежащих на земле и еще подающих признаки жизни, и отнесут их в клетки. Несколько дней за животными будут внимательно наблюдать, пока обезьяны не погибнут одна за другой: кто от сибирской язвы, кто от туляремии или лихорадки Ку, бруцеллеза, сапа или чумы.

Я был одним из руководителей, отвечавших за проведение таких или подобных испытаний в 80-х и в начале 90-х годов. Именно они и легли в основу программы по созданию биологического оружия, в будущем ставшей настоящим достижением Советского Союза.

С 1988 по 1992 годя занимал пост первого заместителя руководителя «Биопрепарата»[1] — советского государственного фармацевтического комплекса, разрабатывавшего и производившего оружие, изготовленное на основе самых опасных и сильнодействующих вирусов, токсинов и бактерий, которые только были известны человечеству. Это была целая империя, в которую входили многие исследовательские, опытные и производственные учреждения, находившиеся более чем в сорока городах на территории СССР. Тогда чуть ли не каждое хоть сколько-нибудь значимое государственное учреждение играло свою роль в программе создания биологического оружия: это Министерство обороны, Министерство сельского хозяйства, Академия наук СССР, Министерство здравоохранения, ЦК КПСС

и, конечно же, КГБ. Система, как часто называли для краткости «Биопрепарат», оказалась настолько успешной и эффективной, что Кремль не скрывал своей радости.

За 20 лет, начиная (как ни парадоксально это звучит) с 1972 года, когда Москва присоединилась к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов биологического и токсинного оружия, в Советском Союзе была создана самая развитая в мире система средств биологического вооружения. Мы были среди ста сорока государств, подписавших Конвенцию и взявших на себя обязательство «не разрабатывать, не производить, не приобретать и не иметь запасов» биологических веществ для использования в военных целях. И в то же самое время в соответствии с секретной программой прямо под Москвой и в других российских городах накапливались колоссальные запасы оружия массового поражения, включавшие в себя сотни тонн смертоносных биологических веществ на основе бактерий сибирской язвы, чумы и вирусов оспы, которые предполагалось использовать против США и их западных союзников.

Все происходящее за стенами институтов и лабораторий «Биопрепарата» было тщательно засекречено.

До того как стать специалистом в области биологического оружия, я получил медицинское образование. Но государство, которому я служил, не видело никаких противоречий в том, что врач, дающий клятву делать все ради спасения человеческой жизни, может одновременно создавать и средства для уничтожения людей. Впрочем, должен признаться, что долгое время я также не задумывался над этим.

Более десяти лет назад я был полковником Советской Армии, отмеченным различными наградами, и принимал участие в самой престижной советской военной программе. Если бы я остался в России, то был бы уже генерал-майором, но, скорее всего, читатели этой книги никогда не узнали бы о моем существовании. Но случилось так, что в 1992 году, проработав к тому времени в «Биопрепарате» без малого семнадцать лет, я вышел в отставку и вместе с семьей уехал в Соединенные Штаты. Большая часть из того, что я передал официальным лицам в США, никогда не была широко известна. Эта информация позволила им получить более полное представление о деятельности по созданию биологического оружия в СССР.

Угроза, которую представляли наши разработки в области биологического вооружения, с распадом Советского Союза уменьшилась. Руководители «Биопрепарата» публично заявили, что больше не занимаются разработкой и созданием средств массового поражения и даже готовы полностью уничтожить

запасы вирусов и болезнетворных бактерий. Однако опасность биологического удара не исчезла, напротив, даже стала больше, поскольку те знания и открытия о смертельно опасных микробах, что в свое время были сделаны учеными в лабораториях, перестали быть секретными и, что самое страшное, стали доступны террористам и тоталитарным режимам. В настоящее время биологическое оружие уже не является сдерживающим и запугивающим фактором, как во времена «холодной войны». Более того, оно стало дешевым и доступным, его легко изготовить и на редкость просто использовать. И в самом ближайшем будущем именно это станет наибольшей опасностью для всего человечества.

С тех пор как я уехал из Москвы, мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что люди упорно игнорируют все, что касается биологического оружия. Некоторые из наиболее выдающихся западных ученых, с которыми я беседовал, утверждали, что невозможно изменить генетический код вируса в лабораторных условиях таким образом, чтобы на его основе можно было бы создать достаточно надежное средство массового поражения. Точно так же они отрицали всякую возможность накопления болезнетворных микроорганизмов в больших количествах для использования их в стратегических целях, а также возможность транспортировки их таким способом, который гарантировал бы максимальное сохранение их поражающей способности. Но знания и опыт подсказывают мне, что они заблуждаются. Эта книга написана именно для того, чтобы объяснить, в чем состоит их ошибка.

Многие считают, что обсуждение данного вопроса не принесет ничего, кроме ненужной паники. Но все существующие в настоящее время средства защиты бессильны против такого оружия, и, если когда-нибудь перед человечеством возникнет угроза бактериологической войны или биологического терроризма (а я убежден в том, что это может произойти), неведение будет стоить нам слишком дорого. И первый шаг, который мы должны сделать для того, чтобы защитить себя, как раз и состоит в том, чтобы узнать, что из себя представляет имеющееся в настоящее время биологическое оружие и как оно действует. А иначе мы будем так же беззащитны и беспомощны, как те несчастные обезьянки на островке в Аральском море.

1
ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ МОСКВА, 1988 ГОД

В самом конце зимы 1988 года меня пригласили на совещание, которое должно было состояться в здании Министерства обороны. Судя по переданному мне сообщению, проигнорировать приглашение я не мог.

— Мы приготовили для вас специальную комнату, полковник, — звучал в трубке резкий голос.

У тротуара меня поджидала черная «Волга» начальника нашего Управления. Двое охранников, которым было поручено доставить меня на секретное совещание, топтались возле машины. Один открыл мне дверь, затем сел со мной на заднее сидение. Я попросил водителя ехать быстрее.

Обычно от здания, где находился мой кабинет, до управления на машине можно было добраться за полчаса, но в то утро свежевыпавший снег превратил московские улицы в настоящий ад. Колеса машин буксовали, а водители отчаянно ругались. Пару раз синяя мигалка нашей «Волги» привлекала внимание регулировщиков, и они старались освободить нам дорогу.

Прошло, наверное, не меньше часа, прежде чем наша машина остановилась возле парадного входа сурового гранитного здания на Арбате, в котором размещалось Министерство обороны. Войдя через боковую дверь, я потопал ногами, стряхивая снег с ботинок. Младший офицер провел меня в небольшое служебное помещение, где мне выдали пропуск, а после этого проводил к проходной. Молоденький солдат долго разглядывал мой пропуск, потом меня и, наконец, махнул рукой, разрешая пройти.

Тот же офицер провел меня вверх по лестнице, и мы оказались у тяжелой металлической двери с кодовым замком. Набрав код, он толкнул дверь, и мы вошли в коридор, вдоль которого тянулись кабинеты, занимаемые сотрудниками 15-го Управления Минобороны[2] — того самого, которое занималось разработкой биологического оружия.

Сняв пальто, я попытался расслабиться.

Хотя я был полковником, но форму никогда не носил. Как и все остальные военные в «Биопрепарате», я работал под прикрытием — как самый заурядный научный работник. Мне выдали два документа. В трудовой книжке я значился

гражданским служащим «Биопрепарата», а в удостоверении личности офицера было указано мое воинское звание.

В 1987 году, согласившись занять предложенный мне пост в руководстве «Биопрепарата», я переехал в Москву вместе с женой Леной и тремя детьми. Переезд в столицу после унылой жизни в провинции стал восхитительной переменой в нашем существовании.

Тринадцать лет работы в различных секретных лабораториях и научно-исследовательских институтах, разбросанных по самым отдаленным уголкам Советского Союза, никак не подготовили меня к ошеломляющему размаху моей новой работы. Каждую неделю проводилось одно совещание за другим: в Министерстве обороны, в Кремле, в ЦК КПСС, включая «оперативки» в научно-исследовательских институтах, задействованных в данной программе. Все это привело к тому, что весной 1988 года, когда я занял пост первого заместителя директора «Биопрепарата», мне пришлось обратиться к врачу из-за нервного истощения.

Начальник 15-го Управления генерал-лейтенант Владимир Андреевич Лебединский встретил меня укоризненным взглядом, едва я переступил порог кабинета. Он оживленно разговаривал с тремя полковниками, которых до того дня я никогда не видел.

— Давно пора, — резко бросил он.

Я принялся было оправдываться, ссылаясь на снежные заносы и бесчисленные пробки на дорогах, но он отмахнулся, приказывая мне молчать.

С Лебединским, которого меньше всего мне хотелось заставлять ждать, мы впервые встретились в лаборатории в Омутнинске, расположенном в девятистах километрах к востоку от Москвы. После окончания института, получив специальность военного врача, я проработал там несколько лет. Лебединский принимал в моей карьере поистине отеческое участие. Тогда ему было уже за шестьдесят. На закате своей блестящей военной карьеры он был одним из немногих старших офицеров, кого не раздражала моя молодость. Хотя мне было тогда всего тридцать восемь лет, я поднялся по служебной лестнице выше многих куда более опытных ученых и стал самым молодым первым заместителем директора. Многие ученые, которые прежде работали со мной, не скрывали своей обиды и разочарования.

Лебединский обернулся к нам.

— Все готовы? — спросил он.

Все кивнули, и генерал провел нас в соседний кабинет со звуконепроницаемыми стенами. На длинном письменном столе напротив каждого стула лежали блокноты для заметок.

Дежурный внес в кабинет поднос, на котором стояли четыре

стакана с горячим чаем. Дождавшись, пока он выйдет, Лебединский плотно запер дверь.

— Я не останусь, — сказал он, перехватив на лету мой взгляд, который я бросил на поднос с четырьмя стаканами.

Полковники были из биологического отдела Оперативного управления Генштаба, в их задачи входил выбор оружия, разработкой которого мы как раз и занимались, для оснащения бомб и ракет, а также определение целей, по которым будут наноситься удары. Тогда я впервые встретился с представителями этой службы. В то время «Биопрепарат» выпускал каждый год новый вид биологического оружия. Большая часть нашего времени была посвящена научно-исследовательской работе, и мы не уделяли много внимания вопросам применения этого оружия.

Лебединский кратко объяснил нам цель данного секретного совещания. На самом высоком уровне, заявил он, было принято решение оснастить стратегические ракеты биологическими боеприпасами.

— Нам нужно подсчитать, сколько времени потребуется для того, чтобы подготовить ракеты к запуску. Я очень рассчитываю, что вы сможете нам помочь.

Я кивнул с таким видом, будто считал это совершенно обоснованным требованием. Но, честно говоря, был застигнут врасплох. Гигантские ракеты типа СС-18 обладают десятью ядерными боеголовками мощностью около пятисот килотонн каждая и имеют дальность полета до десяти тысяч километров. Никто никогда не рассматривал возможность размещения на них средств биологического нападения.

После того, как в 20-х годах в Советском Союзе впервые начались работы по созданию биологического оружия, наши ученые изобрели для самолетов специальные устройства — распылители. Это было неудачным решением, так как встречный ветер мог распространить бактерии в нежелательном направлении. Начало «холодной войны» подстегнуло ученых к разработке оружия, обладающего гораздо большей разрушительной силой. К началу 70-х годов нам удалось приспособить межконтинентальные баллистические ракеты с одной боеголовкой для доставки биологического оружия. Нужно было работать дальше, чтобы сделать то же самое с ракетами, в которых имелось несколько боеголовок. Мы производили недостаточное количество вирусов и бактерий, чтобы оснастить биологической начинкой сотни боеголовок одновременно.

Вероятно, разработка оружия на основе возбудителя сибирской язвы, которой я занимался раньше, привлекла внимание кого-то из высших чинов. В результате проведенных

испытаний мне удалось создать на основе этого возбудителя более мощное оружие, так что для поражения потребовалось бы небольшое количество жизнеспособных спор бактерий. Разработанная мной технология позволяла снабжать спорами сибирской язвы гораздо большее число ракет, чем прежде, используя при этом мощности всего одной лаборатории.

Итак, меня попросили воплотить мою разработку в жизнь.

Полковники, конечно, мало знали о природе микроорганизмов, зато они великолепно разбирались в технологии запуска ракет. Если мне удастся произвести патогенные микроорганизмы в достаточных количествах, то они займутся наведением боеголовок на крупнейшие города США и Европы.

Я быстро сделал кое-какие вычисления в лежавшем передо мной блокноте. По моим расчетам для приготовления необходимого количества боевой рецептуры на десять боеголовок потребовалось бы, по меньшей мере, около четырехсот килограммов спор сибирской язвы в высушенном виде.

Посевной материал для производства сибирской язвы хранился в охлаждаемых хранилищах на трех производственных предприятиях: в Пензе, Кургане и Степногорске. Для получения миллиардов спор сибирской язвы посевной материал должен был пройти через длительный процесс ферментации. Этот процесс был чрезвычайно сложным и трудоемким. Один ферментатор емкостью двадцать тонн, работая на полной мощности, только через день или два смог бы произвести споры в количестве, необходимом для заполнения примерно одной ракеты. Использование добавок, возможно, позволило бы увеличить производство до пятисот или даже шестисот килограммов в день. Закончив подсчеты, я откинулся на спинку стула.

— При тех ферментах, которые имеются в нашем распоряжении, на это потребуется от десяти до четырнадцати дней, — сказал я.

Полковники были удовлетворены. Судя по всему, две недели их вполне устраивали. Вероятно, никто из них и не планировал начать военные действия в тот же вечер.

Мне не сказали, какие города были намечены в качестве целей для биологической атаки, а я соответственно не спрашивал. Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сиэтл — названия этих городов звучали уже на последующих совещаниях, но в то время они были для меня лишь чем-то абстрактным. Все, о чем я тогда думал, так это о том, как добиться выполнения поставленной задачи.

Царившее в кабинете напряжение стало почти невыносимым. Мы встали из-за стола и вышли в коридор покурить, и я тут же

понял, что иногда в такие моменты временной передышки можно узнать гораздо больше, чем за месяцы работы в Системе. Полковники неожиданно разговорись. Они пожаловались, что давление, которое они испытывали со стороны своего военного руководства, сделало их жизнь совершенно невыносимой. Не успевал один вид оружия пройти последние испытания, как сверху поступало распоряжение создать другой, принципиально новый.

Я сообщил им, что мы сталкиваемся с теми же проблемами. Обсудили и то, о чем писали в газетах. Михаил Горбачев и его команда так называемых «реформаторов» публично провозгласили начало новой эры — эры сближения с государствами Запада. Вспомнив об этом, мы пошутили — дескать, понятие «перестройка» слишком сложно для того, чтобы простые военные поняли, что все-таки за этим кроется.

Не припомню, чтобы я тогда хоть на мгновение задумался над тем, что всего лишь несколько минут назад мы все вместе обсуждали план уничтожения миллионов людей.

Инкубационный период сибирской язвы длится от одного до пяти дней. Жертвы часто даже и не подозревают о заражении до тех пор, пока не проявятся первые симптомы. Но даже тогда, на первой стадии заболевания, картина не всегда бывает ясна. Начальные проявления болезни — заложенный нос, слабые боли в суставах, быстрая утомляемость, слабость и сухой, навязчивый кашель — аналогичны симптомам небольшой простуды или гриппа. Для большинства людей подобные недомогания считаются достаточно обычными и не заставляют их немедленно обращаться к врачу.

На этой самой ранней стадии болезни легочная форма сибирской язвы достаточно легко вылечивается с помощью антибиотиков. Однако глупо надеяться, что при подобных симптомах даже существующая в настоящее время достаточно развитая система диагностики способна распознать случай заражения сибирской язвой. Весьма немногие доктора знают симптомы этой болезни, а тот размытый, неясный характер, который они носят на первичной стадии, еще больше затрудняет диагностирование.

Спустя несколько дней после появления первых симптомов болезни следует так называемая «фаза ремиссии», во время которой болезненное состояние временно отступает, тем самым еще больше скрывая приближение грозной опасности. Размножающиеся микробы начинают поступать в лимфу, наиболее важную защитную систему организма. После этого требуется всего лишь несколько часов, чтобы вся лимфатическая

система человека была поражена. С этой минуты, проникнув в кровеносную систему, микробы принимаются размножаться с поистине чудовищной быстротой. Вскоре они начинают выделять токсин, поражающий все органы человека, но особенно пагубно влияющий на легкие, которые при этом заполняются жидкостью, и доступ кислорода в них постепенно сокращается.

Через двадцать четыре часа после начала токсической «атаки» кожа зараженного сибирской язвой человека приобретает синюшный оттенок. На этой стадии болезни каждый вдох становится болезненным, затем следуют продолжительные приступы кашля и в итоге — конвульсии. Смерть обычно наступает внезапно. Известны случаи, когда больные легочной формой сибирской язвы умирали прямо во время разговора. Если болезнь не лечить, то она смертельна в 90 процентах случаев.

Таким образом, ста килограммов спор сибирской язвы при оптимальных атмосферных условиях было бы вполне достаточно, чтобы уничтожить до трех миллионов человек в густонаселенных городских районах Соединенных Штатов. Одной ракетой СС-18 можно было бы отправить на тот свет все население такого города, как Нью-Йорк.

Но сибирская язва была не единственным видом биологического оружия, возможность использования которого на ракетах СС-18 обсуждалась в тот раз. Когда после перерыва мы снова сели за стол, то решено было приступить к обсуждению других видов оружия.

Например, чуму можно изготовить почти таким же способом, что и сибирскую язву. Созданные нами в лабораторных условиях и предназначенные для использования в качестве биологического оружия, бактерии чумы оказались куда более смертоносными, чем бубонная чума, уничтожившая в Средние века почти четверть населения Европы. На наших военных заводах и институтах в бункерах также хранились штаммы оспы, и мы увлеченно работали над созданием прототипа оружия с применением редкого филовируса, получившего название Марбург,[3] который находится в близком родстве с вирусом лихорадки Эбола.

Кроме этого по пятилетнему плану, присланному из Военно-промышленной комиссии, «Биопрепарат» работал еще над тремястами новыми проектами, отчитываясь перед Заказчиком (так мы именовали для краткости Министерство обороны).

Через час после проведения дополнительных расчетов наше совещание наконец закончилось. Обменявшись рукопожатиями, мы собрали свои записи и поздравили друг друга с исключительно плодотворной работой. Прежде чем уйти, я заглянул в кабинет к Лебединскому, но того уже не было на

месте.

По дороге домой уже в машине я открыл дипломат, собираясь сделать еще кое-какие заметки. Любой, кому вздумалось бы взглянуть на меня в тот момент, увидел бы обычного чиновника, занятого своими делами.

Странный поворот в судьбе вознес меня на вершину пирамиды власти в России — в стране, которая, в сущности, никогда не была для меня родной. Мой прадед в незапамятные времена был ханом — представителем местной знати в Казахстане. Однако я вырос и воспитывался в той системе, где представители моей национальности не имели привилегий. Жена, дочь и двое сыновей благодаря моему положению могли вести жизнь, казавшуюся для многих миллионов простых советских людей чуть ли не сказочной. Имея кроме весьма солидной зарплаты среднего чиновника еще и оклад офицера, я зарабатывал примерно столько же, сколько любой советский министр. Однако в Советском государстве не деньги были мерилом благополучия. Гораздо больше ценился тот социальный статус, который давал власть и доступ ко всем благам.

Свернув в неприметный проезд, который вел к зданию «Биопрепарата» на Самокатной улице, я размышлял над тем, что мне еще предстояло сделать в этот день. Времени оставалось в обрез — только-только чтобы перекусить и разобрать гору приказов и другой корреспонденции, скопившейся у меня на письменном столе. «Волга» тихо въехала в крохотный дворик и плавно затормозила. Сунув бумаги в дипломат, я вышел из машины.

Московская штаб-квартира «Биопрепарата» хранила свои тайны за желтыми стенами кирпичного здания с зеленой крышей. В девятнадцатом веке этот дом принадлежал крупнейшему фабриканту Петру Смирнову, ставшему известным благодаря водке, изготовленной по его рецепту. Странная и печальная ирония судьбы: что в прошлом, что в настоящем обитатели этого дома занимались примерно одним и тем же, ведь водка принесла русскому народу куда больше вреда, чем все захватчики, вместе взятые.

Самокатная улица настолько узкая и маленькая, что любой, кто идет вдоль Яузской набережной, любуясь рекой, легко может, не заметив ее, пройти мимо. На этой улице мало зданий. Летом и осенью их почти не видно за зелеными кронами старых деревьев, которые не пострадали от новостроек.

В столице немало таких замечательных уголков, как тот, о котором я говорю. Даже зимой Самокатная улица ярким самобытным пятном выделяется на фоне обшарпанных панельных

домов, фабрик и церквей с луковками куполов.

Три столетия назад квартал вокруг Самокатной улицы был известен как Немецкая слобода. Это было единственное место в старой Москве, где иностранцам (которых русские между собой всех без разбору называли немцами) было разрешено селиться и заниматься своим ремеслом на безопасном расстоянии от коренных москвичей, чтобы те не набрались от иноземцев вредных идей, но и достаточно близко, чтобы власти могли использовать их знания в своих целях.

Помню, как-то раз возле нашего здания остановился автомобиль с американскими дипломатическими номерами. Из него вышло несколько человек, пару минут внимательно разглядывали ограду здания, потом сели в машину и уехали. Охранники (все сотрудники КГБ и внутренних войск) с недоумением наблюдали за происходившим. Это событие обсуждалось несколько дней подряд, даже на всякий случай была усилена охрана нашего учреждения. Но, как сказал потом Савва Ермошин, офицер КГБ и один из моих близких друзей, тревога была ложной.

Несмотря на то что в Управлении работали примерно сто пятьдесят человек, здесь на удивление всегда было тихо. Поднявшись на второй этаж по мраморной лестнице, я вошел в свой кабинет.

Моим секретарем была Марина, довольно красивая полноватая женщина лет тридцати. Слегка кивнув, она дала мне понять, что Юрий Калинин, директор «Биопрепарата» и мой непосредственный начальник, уже на работе. В приемной, соединявшей наши кабинеты, сидела еще и Татьяна — секретарь Калинина. Обе женщины из-за какой-то старинной ссоры терпеть не могли друг друга и почти не разговаривали. Поэтому, когда мне нужно было переговорить с Калининым, приходилось обращаться прямо к Татьяне. На этот раз, не обращая на нее внимания, я молча прошел мимо и постучал в дверь кабинета начальника. Прозвучал резкий голос: «Войдите!»

Генерал-майор Юрий Тихонович Калинин, директор «Биопрепарата» и заместитель министра медицинской и микробиологической промышленности, сидел за огромным старинным письменным столом. Тяжелые портьеры полностью закрывали окно за спиной, и от этого в кабинете всегда стоял унылый полумрак.

Кашлянув, я подождал, пока он отреагирует на мое присутствие.

— Ну? — бросил он наконец, не глядя на меня.

— Совещание продлилось дольше, чем ожидалось, — сказал

я. — Я подумал, что нужно зайти к вам.

— Стоящее? — у генерала была привычка по возможности обходиться одним словом.

Когда еще совсем молодым капитаном я впервые попал в его кабинет, на стене висел портрет Леонида Брежнева. За ним последовал портрет Юрия Андропова, потом там недолгое время красовался Константин Черненко. Насколько я мог судить, у самого Калинина не было никаких политических пристрастий. Один руководитель страны или другой — ему было абсолютно все равно. Он уважал только власть.

Я принялся рассказывать ему о планах использования ракет СС-18, но мне почему-то вдруг показалось, что Калинину уже все известно. Может быть, и его вызывал к себе Лебединский?

— Я знаю, что ты с этим справишься, — буркнул он и махнул рукой в мою сторону, словно давая понять, что пора уходить. — Все, работа не ждет.

Как обычно, я вышел из кабинета с таким чувством, что в этом странном мире тайн существуют такие области, куда я никогда не смогу получить доступ. Только спустя некоторое время я наконец понял, что это была всего лишь обычная для Калинина манера создавать вокруг себя некую завесу таинственности, помогающую поддерживать его авторитет у подчиненных.

Калинин не был ученым. Он служил в войсках химической защиты и по специальности был инженером. Злые языки утверждали, что свою стремительную карьеру он сделал исключительно благодаря удачному браку с дочерью генерала армии. По натуре он был человеком весьма импульсивным, страшно любил производить впечатление на других людей, принимая решения на ходу, — как раз одним из таких решений и был приказ о моем переводе в Москву. Невзирая на то что мы с ним были очень разными, я восхищался им: на сером фоне партийной бюрократии он казался мне настоящим аристократом.

Высокий, худощавый, Калинин всегда был на редкость элегантно одет. Импортные костюмы, которые обычно красовались на нем, должно быть, стоили куда больше, чем он мог себе позволить, даже имея генеральский оклад. В то время он жил вместе со своей женой в Москве, в районе, который прозвали «Царским Селом». Там проживали исключительно чиновники высокого ранга.

Калинин никогда не курил, очень редко и мало пил, что тоже резко выделяло его из той среды, к которой он принадлежал. Для мужчины за пятьдесят он находился в превосходной физической форме. Черные волосы были всегда аккуратно уложены.

Высокими скулами и длинным орлиным носом он напоминал старинного русского аристократа.

У женщин он имел неизменный успех, о его бесчисленных любовных приключениях ходило немало слухов. Как-то поздно вечером я постучал в дверь его кабинета и тут же вошел, не дожидаясь приглашения. Я застал Калинина и Татьяну, поспешно приводящих в порядок свою одежду. После он ни разу не упомянул об этом случае. Молчал и я.

Галантность и обаяние, которое Калинин щедро раздавал женщинам, разом исчезало, когда он общался со своими подчиненными-мужчинами. Когда я освоился и перестал испытывать к нему благоговейный восторг, мне доводилось обращаться к нему с просьбами: предоставить кому-то из технического персонала или научных работников отпуск по личным или же семейным обстоятельствам или по другим вопросам. И Калинин всякий раз решительно отказывался выслушать меня. И тут же давал понять, что мне лучше вернуться к работе.

Закончив чуть ли не самый короткий разговор с Калининым, я вернулся к себе в кабинет, не испытывая ничего, кроме облегчения. Работы было еще много, и я сел за дубовый письменный стол, доставшийся мне в наследство от предшественника. На столе красовалось чуть ли не самое весомое доказательство моего нынешнего высокого положения — пять телефонов. В Советском Союзе было легко определить, насколько большим влиянием и властью пользуется тот или иной государственный чиновник, достаточно только посмотреть, сколько телефонов стоит у него на столе. А теперь у меня даже была «кремлевка» — небольшой телефонный аппарат белого цвета, соединявший между собой тех, кому удалось пробиться в высшие эшелоны власти и занять место в Советском правительстве — от Генерального секретаря Коммунистической партии до любого министра.

Какие-либо свидетельства того, что у обитателя кабинета где-то за его пределами существует семья и вообще есть личная жизнь, среди высших государственных чиновников были запрещены, однако я компенсировал это тем, что повесил на стену портреты нескольких выдающихся русских ученых — Менделеева, Николая Пирогова — известного хирурга девятнадцатого века, истинного отца военно-полевой медицины, и профессора Ильи Мечникова — русского микробиолога, открывшего такое понятие, как клеточный иммунитет.

Меня вдохновляли великие люди, родившиеся, как и я, в этой стране. Я уверял себя, что когда-нибудь брошу все и вернусь в

медицину к исследовательской работе.

Портреты и книги по микробиологии, биохимии и медицине напоминали мне о прошлом и не давали забыть о своей профессии.

В углу кабинета стоял компьютер. Правда, я никогда им не пользовался, но это было еще одним свидетельством моего высокого статуса при существующем режиме, который запрещал гражданам страны иметь в личном распоряжении даже копировальный аппарат. Я бы, конечно, предпочел иметь телевизор или радиоприемник, однако КГБ позаботился, чтобы в кабинетах руководящего персонала ничего подобного не было. Наши начальники режимной службы уверяли, что уровень средств тайной разведки на Западе очень высок. Вражеским агентам не составит никакого труда выведать любые самые важные секреты, регистрируя колебания на стекле от нашего голоса. Мне, в общем-то, было все равно. Смущало только одно, почему бы тогда вместе с телевизором не убрать из кабинета и компьютер?

Но спорить с КГБ было бесполезно: его представители действовали по своей, трудно поддающейся объяснению логике. Раз в месяц офицеры режимной службы выгоняли из лабораторий и кабинетов абсолютно всех, включая руководителей, и обшаривали помещения сверху донизу в поисках «жучков». Впрочем, поговаривали, что на самом деле они попросту проверяют собственные подслушивающие устройства, которые сами же и поставили в каждый кабинет, чтобы записывать наши разговоры.

Мы все прекрасно знали, что за нами непрерывно следят, но никому и в голову никогда не приходило попытаться как-то помешать этой слежке. В конце концов все мы были участниками тайной войны с врагом, который, как нам не раз говорилось, не остановится ни перед чем. Американцы, взявшись за проект «Манхэттен» по созданию своей собственной атомной бомбы, работали под плотным покровом тайны. «Биопрепарат», считали мы тогда, станет нашим «Манхэттеном».

Неся в руках пачку поступившей на мое имя почты, в кабинет вошла Марина.

— К вам из ведомства Ермошина, — сказала она. — Говорит, что хочет вас видеть.

Молоденький офицер КГБ, переступивший вслед за ней порог кабинета, терпеливо ждал, пока она уйдет.

— Да? — привычно спросил я, хотя прекрасно знал, что последует дальше.

Поскольку мы неизменно делали вид, что наши секретари,

дескать, понятия не имеют о том, чем мы тут занимаемся, им не разрешалось присутствовать, когда обсуждались «секретные» вопросы нашей работы.

Офицер протянул мне папку с запиской от Ермошина. «Материал с третьего этажа», — прочел я послание, торопливо нацарапанное его небрежным почерком.

Третий этаж был нашим Первым отделом, тем самым подразделением, которое отвечало за сохранность всех секретных документов, включая переписку с заводами, входившими в состав «Биопрепарата». Единственными, кто имел полный доступ ко всем документам кроме сотрудников секретного отдела, были Калинин и я.

Порой, поднимаясь туда, я мог немного поболтать с Ермошиным. (Несколько раз мы с семьями вместе проводили выходные.) Кроме этого, на третьем этаже располагался единственный ксерокс. Копии с документов можно было снять только с разрешения Первого отдела.

Я продолжал перелистывать документы, пока офицер терпеливо ждал. В папке были: запрос от руководителя одной из лабораторий, находившейся в Сибири, на поставку исходного материала; уведомление о «срочном» совещании в Кремле, которое должно было начаться во второй половине дня; сообщение о происшествии в одной из наших лабораторий (на западе России), по поводу которого в Министерстве здравоохранения возникли ожесточенные споры между учеными, намеревавшимися изолировать зараженных работников, и руководителем лаборатории, генералом, который не позволил сделать это. Генерал возражал, мотивируя тем, что в изоляции нет никакой необходимости, к тому же это, по его словам, могло бы вызвать ненужные разговоры среди персонала. В папке также были сообщения о самых последних полевых испытаниях на нашем полигоне в Аральском море.

2
ОСТРОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ АРАЛЬСКОЕ МОРЕ 1982 год

Как гласит русская легенда, тысячу лет назад на берегах Черного моря существовало загадочное царство под названием Тмутаракань. Это означает либо «Царство тьмы», либо «Тараканье царство». В настоящее время это слово используется для обозначения какого-то места, которое находится где-то на краю света и о котором мало кто слышал.

В 80-е годы и вплоть до начала 90-х каждый год в апреле группа ученых из «Биопрепарата» отправлялась в одно из таких отдаленных мест, которое мы между собой в шутку называли Тмутаракань. Это был остров Возрождения в Аральском море на юге Казахстана. Там ученые жили в армейских бараках, проводя испытания биологического оружия, которое создавалось в наших лабораториях. Сотрудники не имели права сообщить даже своим семьям, куда они едут и зачем.

Название острова звучит теперь, как горькая насмешка. Единственные его обитатели — ящерицы. Почва отравлена различными химикатами, поэтому там почти нет растительности. В апреле, когда на острове появляются первые группы ученых, песчаная почва кое-где покрывается чахлой травкой. К июню от нее остается лишь несколько пожухлых былинок. Здесь нет птиц. И только ветер, продувающий насквозь этот пустынный островок, поднимает пыль, которая забивается в одежду, в волосы, скрипит на зубах, слепит глаза, сплошь покрывает настил в клетках подопытных животных.

Лаборатории расположились в шести обветшалых зданиях. Количество сменяющих друг друга обитателей острова доходит порой до ста пятидесяти человек, включая технический персонал и взвод солдат, которые должны не только охранять нас, но и ухаживать за подопытными животными. На острове имеется даже построенная в обстановке строжайшей секретности взлетно-посадочная полоса, однако воздушное сообщение с островом сведено до минимума.

Когда-то Аральское море было четвертым в мире по величине внутренним водоемом, но с начала 60-х годов оно постепенно стало пересыхать. Изменив направление рек, впадавших в море, направив их в ирригационные каналы, ученые провели неудачный

эксперимент по превращению Центральной Азии в хлопковый рай. Непродуманная мелиорация привела к тому, что реки стали заиливаться, после нескольких невиданных урожаев почва от непрерывных засух начала истощаться. Кислотные дожди (результат неумеренного применения пестицидов) отравили все вокруг. Местные жители страдают от болезней, уровень онкологических заболеваний здесь самый высокий в мире.

Мы тоже участвовали в разрушении окружающей среды этого края.

В 1972 году двое рыбаков, оказавшихся вблизи острова, погибли, когда внезапно сменивший направление ветер снес в их сторону облако, содержавшее бактерии чумы. В 70-х и 80-х годах среди грызунов, населяющих район к северу от нашего испытательного полигона, наблюдался необычайно высокий уровень заболеваемости чумой. Вскоре после распада Советского Союза в 1991 году последовали сообщения врачей о вспышках чумы в некоторых районах Средней Азии. Доказать, что эти инциденты были связаны с нашей деятельностью, невозможно, однако это более чем вероятно.

15-е Управление, в ведении которого находился научно-исследовательский и испытательный комплекс на острове Возрождения, оборудовало в Аральске действующий круглый год командный пост — некое замкнутое «государство в государстве». Только одна-единственная дорога связывала Аральск с окружающим миром. Когда-то давно этот город был настоящим рыболовецким центром, но теперь отравленное море обмелело, отступив на сто километров. Раньше в городе работало несколько консервных заводов по переработке рыбы, теперь же обезлюдевший Аральск стал понемногу вымирать вслед за морем, давшим ему свое имя.

Мы обычно мрачно шутили между собой, что единственными счастливыми обитателями Советского Союза были приговоренные к смерти обезьяны с острова Возрождения, ведь их кормили апельсинами, яблоками, даже бананами и другими свежими фруктами, которые простые советские граждане видели нечасто. Даже ученые, входившие в состав исследовательских групп, могли только издали любоваться на это изобилие. За ними строго следили: все фрукты пересчитывались, чтобы не подвергать ученых и технический персонал ненужному соблазну. К тому же им то и дело повторяли, как важно, чтобы подопытные животные до последней минуты своей жизни оставались здоровыми, в то время как ученых, питавшихся овсянкой и жирными сосисками, было легко заменить другими.

Время от времени уезжая с острова по каким-то делам в

город, ученые возвращались назад буквально в шоковом состоянии: они видели какие-то лачуги, в которых жили люди и где не было ни канализации, ни водопровода. Недоедание и гепатит были для местных жителей обычным делом.

Впрочем, это зрелище было обычным для окраин бывшего Советского Союза, но меня это всегда сильно расстраивало. Ведь я родился всего лишь в нескольких сотнях километров от этих мест, в районе, также ставшем жертвой очередного эксперимента в области сельского хозяйства в южной части Казахстана. Всем было отлично известно, что на те деньги, которые тратились на военную программу, можно было одеть и накормить людей в сотнях таких городов, как Аральск. Но тогда никто не мог противостоять Системе.

Когда дневные испытания подходили к концу, все с нетерпением ждали ночи, чтобы провалиться в сон и хоть немного избавиться от невыносимой тоски. Раз или два в неделю устанавливали передвижной кинопроектор, приводимый в действие электрическим генератором, и показывали фильмы военных лет. Единственно возможным развлечением было пьянство. Водка была в дефиците, но некоторым жаждущим удавалось раздобыть бутыли с дистиллированным спиртом. Многие во время подобных экспедиций спивались, стремясь уйти от унылой действительности.

Кроме алкоголизма отдушиной был секс. Вынужденное одиночество в сочетании с утомительной скукой порождали беспорядочные любовные связи и нескончаемые сплетни, до краев заполнявшие отчеты, которые мы потом читали в Москве. Вслед за окончанием полевых испытаний неизменно следовали известия о разводе или же о беременности, появление которой по возвращении домой нужно было как-то объяснить.

Командировки эти устраивали больше тех, кто нуждался в отдыхе от жены, от любовницы, от детей. Но для большинства людей напряженная работа становилась спасением от монотонного существования. Все, что нужно было Москве, так это постоянный поток докладов и отчетов, который оправдывал существование нашей чиновничьей бюрократии.

Американские ученые в самом разгаре работ над программой по созданию биологического оружия решили строго запретить разработку оружия на основе бактерий и вирусов, против которых не существовало защиты. Сделано это было для того, чтобы исключить возможность несчастных случаев в собственных войсках. Советское же правительство придерживалось другого мнения, считая наилучшим видом оружия то, от которого не было спасения. Это давало нашей программе совершенно особую

направленность и заставляло нас снова и снова нарушать клятву Гиппократа. Как только становилось известно о появлении в мире какого-то нового метода лечения или новой вакцины, мы снова надолго запирались в лабораториях, пытаясь придумать устойчивый к ее действию вирус.

Торговать бактериями и вирусами тогда считалось таким же нормальным и обычным делом, как и сейчас. Под предлогом научно-исследовательских работ наши сотрудники закупали в университетских лабораториях и биотехнических компаниях за рубежом, штаммы самых разных бактерий. Представители советских торговых и научных объединений, командированные не только в страны Западной Европы, но также в государства Африки, Азии и Латинской Америки, получали приказ разузнать все, что только возможно, о редких, новых или еще неизвестных науке болезнях. Например, штамм вируса Мачупо, вызывающего боливийскую геморрагическую лихорадку, мы получили из США, а вирус Марбург, аналогичный вирусу, вызывающему лихорадку Эбола, из Германии.

Наиболее надежным источником получения сырья для нас был, естественно, КГБ. Это подразделение знали в «Биопрепарате» под кодовым названием «Добывающее ведомство номер один». Почти каждый месяц из-за границы в Россию присылали пробирки и ампулы с экзотическими микроорганизмами и культурами, добытыми нашими доблестными разведчиками в самых удаленных уголках земного шара. Через дипломатическую почту их пересылали в Москву, где посылки с тщательной предосторожностью вскрывались техническим персоналом «Биопрепарата». Когда я работал в одном из институтов в провинции, то часто получал приказ в сопровождении двух охранников съездить в столицу за подобной посылкой.

Перелеты с посылками строжайше запрещались, так как в случае катастрофы самолета последствия были бы ужасающими. И мы, переодевшись в гражданскую одежду, возвращались обратно в переполненных до отказа пассажирских поездах, стараясь не привлекать к себе внимания.

К середине 80-х годов все предприятия, находившиеся в ведении «Биопрепарата», работали в полную силу. Каждый месяц появлялись либо новые штаммы вирусов и бактерий, либо новые методы их распространения, которые требовали незамедлительного проведения испытаний. Мы занимались даже СПИДом и мало кому известной болезнью легионеров. Но оба эти заболевания показались нам слишком нестабильными, чтобы использовать их в качестве оружия на поле боя или против мирного населения. Изучив один их штаммов вируса СПИДа,

полученный из лаборатории США в 1985 году, мы пришли к выводу, что слишком длительный инкубационный период делает его непригодным для использования в военных целях. Нельзя же было посеять панический ужас в войсках противника, заразив их болезнью, первые признаки которой могут появиться только спустя несколько лет!

Гораздо большего успеха в своей работе мы добились с традиционными вирусами-убийцами.

Еще в 1980 году Всемирная организация здравоохранения торжественно объявила, что человечество наконец покончило с оспой — одним из самых заразных заболеваний, известных медицине. Последний случай заражения человека этой болезнью естественным путем произошел в 1977 году и медики решили: раз болезнь ликвидирована, то в вакцинации больше нет нужды. И сейчас вы можете сделать прививку от оспы только в том случае, если являетесь сотрудником специальной научно-исследовательской лаборатории или служите в армии. Это открывало для нас широчайшие возможности. В Москве в Научно-исследовательском институте вирусных препаратов, в хранилище микроорганизмов, содержалось небольшое количество вируса оспы. Но в Загорске (теперь Сергиев Посад) существовала секретная лаборатория, в которой кубометрами культивировался вирус оспы. Там же мы проводили эксперименты с культурами оспы, пока не нашли штамм, пригодный для использования в военных целях. И арсенал для ведения биологической войны пополнился оспой.

К началу 80-х годов в Советском Союзе было разработано и испытано огромное количество самых разных средств вооружения, запрещенных международной конвенцией, поэтому чтобы систематизировать их, пришлось прибегнуть к специальному коду, основанному на алфавите. Например, на букву Ф начинались названия средств химического нападения («Фолиант»), психотропные вещества, влияющие на поведение человека, а также биологические или химические яды («Флейта»).

Начальная буква Л в названии обозначала бактериологическое оружие. Чтобы еще больше засекретить то, над чем мы работали, каждому из болезнетворных микробов дополнительно присваивался и свой собственный код. Чума, таким образом, носила название Л1, туляремия — Л2, бруцеллез и сибирская язва — соответственно Л3 и Л4. Сап обозначался как Л5, ложный сап, или мелиоидоз, — Л6 и так далее. Оружие, базирующееся на одном из вирусов какой-либо болезни, получало код, который начинался с буквы Н. Например, в документах для служебного пользования оспа значилась как НІ, лихорадка Эбола

— H2, Марбург — H3, Мачупо, или боливийская геморрагическая лихорадка, — H4.

Непредсказуемое поведение некоторых микроорганизмов ставит перед многими учеными вопрос: а стоит ли вообще использовать их в качестве оружия? Одной из самых больших трудностей для исследователей всегда была доставка патогена, поскольку при распылении многие из биологических агентов попросту теряют свою вирулентность.[4]

Несколько сотен лет воюющие стороны пытались использовать эпидемии смертельных болезней для достижения своих целей. Римляне, например, в осажденных крепостях отравляли колодцы, чтобы заставить врагов сдаться. В восемнадцатом веке, во время борьбы за колонии между Англией и Францией, англичане отдавали индейцам одеяла, взятые у больных оспой. Во время гражданской войны между Севером и Югом отряды конфедератов оставляли гнить в окопах трупы лошадей на всем пути продвижения армии северян. Во время Второй мировой войны японские самолеты сбрасывали над Маньчжурией фарфоровые сферы, содержавшие миллиарды блох, зараженных чумой.

Заражение через воздух, которым мы дышим, является самым действенным методом, однако создать на этой основе оружие было достаточно сложно. Советские ученые объединили знания, полученные в результате послевоенных исследований в области биохимии и генетики, с современными промышленными технологиями и разработали то, что мы сейчас называем «аэрозольными» видами оружия.

Однако эффективность аэрозольных средств поражения сильно зависит от температуры окружающей среды и погодных условий. Бактерии и вирусы, как правило, чрезвычайно чувствительны к солнечному свету: ультрафиолетовые лучи для них губительны. Сильный дождь или снег, порывистый ветер и влажность тоже значительно снижают эффект от их применения.

Подобные обстоятельства усложняют планирование биологической атаки, но реальные пути преодоления этих трудностей все же существуют. Специалист по биовооружению знает, что лучшее время для нападения — сумерки, когда на слой теплого воздуха, покрывающего землю, ложится слой холодного, который не позволяет ветру унести частички биологического вещества. Мы начиняли разработанными нами биологическими веществами небольшие металлические контейнеры, которые взрывались в нескольких километрах от выбранного в качестве цели города с подветренной стороны. Чтобы максимально эффективно поразить сразу несколько городов, необходим был

точный расчет. А для единичной бомбовой атаки с самолета или распыления аэрозоля не требовалось особого мастерства.

Примитивные аэрозоли быстро рассеивались в воздухе и тут же теряли свою вирулентность. В лабораториях мы проводили эксперименты со специальными добавками и старались добиться того, чтобы наши аэрозоли не теряли своей эффективности при перемещении на большие расстояния и чтобы они не погибали при любых, даже самых неблагоприятных погодных условиях. Именно эти обработанные вещества, более устойчивые и обладающие большей поражающей способностью, и стали основой биологического оружия.

Созданные нами вещества проходили лабораторные испытания в специальных камерах, куда подавался поток воздуха и где можно было следить за рассеиванием частиц после распыления или небольшого взрыва. Последней стадией проверки эффективности вооружения были эксперименты на животных, именно этим мы и занимались на острове Возрождения в Аральском море.

Эксперименты проводились, как правило, над кроликами и морскими свинками, но лучше всего подходили для наших целей обезьяны, чьи органы дыхания очень похожи на человеческие. Обезьяна в минуту пропускает через свои легкие около четырех литров воздуха, а человек — порядка десяти. И если во время испытаний аэрозоля всего четыре частички вещества в данном объеме воздуха становились смертельными для 50 процентов обезьян, мы делали вывод, что десять частиц того же вещества будут смертельными и для человека.

Q50 — так нами обозначался обычный уровень эффективности биологического оружия. Эта величина показывала, сколько потребуется данного вещества, чтобы инфицировать 50 процентов от предполагаемого количества людей, находящихся на площади в один квадратный километр. Огромные средства за многие годы были потрачены Советским Союзом на разработку концентрированных аэрозолей с эффективностью действия Q50 и содержащих при этом минимальное количество вирусных частиц и клеток бактерий.

Некоторые виды биологического оружия даже через продолжительное время после атаки остаются смертельно опасными. Так, например, вирус Марбург настолько опасен, что если по прошествии несколько дней после биологической атаки вы случайно вдохнете всего три его микроскопические частицы, то ничто в мире уже не спасет вас от смерти. Для тех, кто планирует биологическое нападение, важна способность биологических веществ вызывать эпидемии заболеваний.

В отличие от ядерного вооружения, уничтожающего все в радиусе взрыва, биологическое оружие оставляет нетронутыми дома, транспорт и другие материальные ценности. Поэтому его с полным основанием можно назвать средством массового уничтожения людей.

Вернемся к истории «Биопрепарата». Сначала его возглавлял генерал армии Всеволод Огарков, ничем не примечательный, но достаточно приятный человек. Его перевели из 15-го Управления Минобороны, курировавшего еще во время Второй мировой войны разработку биологического оружия.

Руководители 15-го Управления считали, что «Биопрепарат» должен контролироваться ими, так как занимается исследованиями в военных целях. Официально функционируя как гражданский объект под видом фармацевтического предприятия, «Биопрепарат» мог участвовать в исследованиях в области генетики, не вызывая при этом никаких подозрений. Его сотрудники могли принимать участие в международных конференциях, общаться с членами мирового научного сообщества и получать штаммы различных бактерий из зарубежных банков микроорганизмов. Для других научно-исследовательских предприятий ВПК все это было совершенно невозможно.

Конфликт между 15-м Управлением и «Биопрепаратом» был неизбежен. Армейские чины, занимавшие верхние ступеньки иерархической лестницы, совершенно не воспринимали ту относительную свободу, с которой велись исследования в «Биопрепарате». Многие полковники и генералы, переехавшие из своих штабов в здание на Самокатной улице, сами были учеными, и им достаточно было снять форму и переодеться в гражданское, чтобы проникнуться атмосферой, царившей в «Биопрепарате». Воодушевленные перспективой участия в новейших научных исследованиях, кое-кто из них становился больше ученым, чем военным.

Военные начальники отвечали на это тем, что изо всех сил старались критиковать «Биопрепарат», который сильно отличался от военных структур. Огарков, в достаточной степени к тому времени измученный нескончаемыми бюрократическими попреками, что он якобы создал свое «государство в государстве», уже не имел сил с ними бороться. В 1975 году из министерства был прислан пятилетний план по созданию новых типов биологического оружия. Прошло около четырех лет, а ничего принципиально нового так и не было создано.

Мало кто ожидал, что с появлением в «Биопрепарате» Калинина там хоть что-то изменится. С самого начала все

считали его «темной лошадкой»; он плохо разбирался в биологическом оружии, и друзей в 15-м Управлении у него было немного. Однако Калинин успел к тому времени проявить себя истинным мастером закулисной политической интриги, перебравшись с незавидной должности заведующего лабораторией в Загорске на пост начальника отдела одного из институтов «Биопрепарата», а вскоре возглавив и сам «Биопрепарат». Первый брак — на дочери заведующего лабораторией, и второй — на дочери генерала армии, тоже поспособствовали тому, что карьера его стремительно продвигалась вверх. Умение за* водить себе друзей исключительно среди руководства Академии наук и армейского генералитета оказалось весьма полезным.

Калинин не имел возможности прямо бросить вызов своим недругам в Министерстве обороны. С помощью влиятельных друзей новый руководитель «Биопрепарата» присматривал в научно-исследовательских институтах, находившихся в ведении других министерств, талантливых ученых, сулил им золотые горы и переманивал к себе. Так, за период с 1975 по 1980 год число сотрудников «Биопрепарата» увеличилось в пять раз. Выделяемые государством колоссальные денежные средства позволяли строить научно-исследовательские и производственные помещения или получать уже готовые здания.

Но Калинин знал, что его огромная империя так и останется колоссом на глиняных ногах до тех пор, пока он не предъявит руководству страны результаты своей работы. Настроение начальника «Биопрепарата» было отнюдь не безоблачным, так как со времени его назначения прошло уже около двух лет, а ни одного сколько-нибудь значимого проекта по производству биологического оружия так и не было создано.

В июне 1981 года он позвонил в лабораторию в Омутнинске, куда меня как раз назначили на должность начальника технологического отдела. Услышав в трубке голос Калинина, я вздрогнул. Все мы относились к Калинину с восторженным благоговением, но сама мысль о том, что большой человек мог снизойти до звонка обычному молодому ученому, невольно заставила меня призадуматься, уж не наломал ли я где-нибудь дров.

— Я хочу, чтобы ты приехал в Москву, — объявил Калинин.

— Да, конечно, — ответил я.

— Я думаю, что ты вполне сможешь справиться с должностью заместителя директора в Омутнинске.

Мне, конечно, было известно, что генерал отличается непредсказуемостью, но то, что мне довелось услышать сейчас,

звучало просто фантастически, даже несколько пугающе. В конце концов, кто я такой? Обычный молодой капитан, всего лишь шесть лет назад закончивший военный факультет мединститута. За плечами — тридцать один год, а в активе — кипучая энергия молодости и ни одного серьезного изобретения, которым можно было бы гордиться. Мое имя стало известно кому-то из старших офицеров лишь благодаря совсе'м недавно разработанной мною технологии. К тому же я только-только начал привыкать к новой работе. Услышав предложение, я занервничал и сначала хотел отказаться.

— Ну, что скажешь? — Калинин все еще ждал моего ответа.

— Буду у вас завтра утром, — сказал я.

Я хорошо помню мое первое появление в кабинете Калинина. Поднявшись на второй этаж, я вошел в приемную и остановился возле стола, за которым сидела секретарь. Она радушно предложила мне стакан чаю.

— Вас пока не готовы принять, — в смущении проговорила она. — Наверное, это какое-то недоразумение.

Но я ее уже не слушал. Из-за неплотно закрытой двери кабинета Калинина доносились громкие голоса, часто срывающиеся на крик, но, как я ни старался, мне так и не удалось разобрать ни слова.

Секундой позже крик внезапно оборвался. Какой-то человек с побагровевшим лицом выскочил из кабинета. Заметив меня, он резко остановился, потом, смерив меня взглядом с головы до ног, рявкнул: «Не знаю, что ты там о себе вообразил! Наглый щенок!» — и вихрем вылетел из приемной.

Я ожидал еще около получаса. Вдруг из кабинета выглянул Калинин.

— Поезжай в гостиницу, — распорядился он, — перекуси немного. Я позвоню, когда освобожусь.

Я сделал, как мне было приказано, но так и не смог поесть. Сказать по правде, я хотел было вернуться назад в Омутнинск, и по возможности быстрее, сделав вид, что ничего и не было.

Калинин позвонил мне поздно вечером.

— Поздравляю с новой должностью, — ничего не объясняя, заявил он, — теперь ты заместитель директора.

Я пытался выдавить из себя подходящий ответ, но он нетерпеливо прервал меня на полуслове: «Давай мигом сюда».

В тот вечер Калинин был слишком разговорчив, что с ним, как я позже узнал, было нечасто. Казалось, он получал огромное удовольствие, когда рассказывал мне о случившемся. Естественно, он не мог упустить случая покрасоваться перед будущим подчинен-» ным, в глазах которого светилось

откровенное восхищение. Но в то же время он сразу дал понять, кто здесь начальник.

— Все дело в том, — начал он, — что парочка генералов прямо тут, в этом самом кабинете, посмела не согласиться с твоим назначениеем. А больше всех Бенецкий.

Бенецкий был в то время заместителем Калинина, и именно он никогда не упускал случая устроить мне разнос по любому поводу. Это был типичный армейский чиновник, классический бюрократ, недавно прибывший из Министерства обороны. Все знали, что его боится даже сам Калинин.

— Бенецкий все твердил, что капитан, которому едва-едва перевалило за тридцать, не сможет держать в узде не то что подполковников, но даже майоров, — продолжал Калинин. — Говорил, что за всю свою жизнь не слышал ничего абсурднее и смешнее.

Губы Калинина растянулись в лукавой ухмылке:

— Но в конце концов я убедил его в том, что ты справишься, — добавил он.

— Каким образом? — с дрожью в голосе спросил я.

— Просто доведешь до конца проект с туляремией.

Получить такое предложение в самом начале карьеры — о таком я даже не смел мечтать. Уже несколько лет «Биопрепарат» и 15-е Управление бились над тем, чтобы сделать более эффективное оружие на базе туляремии. Возглавлять такой проект было рискованно, но вызов был уже брошен, и от предложения я не смог отказаться.

Опишу подробнее это заболевание. Туляремия распространена среди диких животных, обитающих в Скалистых горах, в США в штатах Калифорния и Оклахома, в некоторых областях Восточной Европы, а также во многих частях бывшего СССР. Вирус ее очень устойчив и способен существовать в гниющем трупе животного неделями, а то и месяцами. Человек может заразиться туляремией от животного через укусы комаров и клещей. Ее разносчиками могут быть дикие кролики, белки, овцы, даже кошки и собаки. И хотя сама по себе туляремия чрезвычайно заразна, непосредственно от человека к человеку она не передается.

Заболевший туляремией иногда неделями лежит пластом, дрожит в ознобе и страдает от приступов тошноты, мучится головными болями и сильным жаром. Если заболевание не лечить, то симптомы будут наблюдаться в течение двух-четырех недель. Francisella tularensis в 30 процентах случаев ведет к смерти.

После Второй мировой войны ученые США, Великобритании

и Канады нашли способ использовать туляремию в качестве биологического оружия. Она могла вывести из строя сразу целую дивизию, поскольку каждому заболевшему солдату требовалась интенсивная медицинская помощь.

Но советское командование решило, что туляремия — достаточно непредсказуемое заболевание, чтобы использовать ее при ближнем бое. Слишком высок был риск заражения собственных солдат. Но из одного ведущего международного института в Европе нам удалось получить штамм, на который у обезьян после прививок от туляремии не было иммунитета.

Так как официально мы были гражданскими медиками, когда заказывали этот штамм, это не вызвало ни у кого вопросов. Насколько мне было известно, ни у кого в мире до тех пор не возникало даже мысли создать оружие массового поражения на основе устойчивого к вакцине штамма туляремии. Но Калинин увидел в этой идее шанс показать, на что способен «Биопрепарат».

Прошли месяцы подготовительной работы, и в начале лета 1982 года мы уже были готовы к испытаниям на острове Возрождения нашего нового оружия. Военные испытывали там другие виды биологического оружия уже много лет подряд, но это был первый случай, когда «Биопрепарату» довелось проводить в Аральском море свои испытания. Всем нам было известно, как бдительно будет следить наше военное командование за ходом испытаний и как сильно оно рассчитывает на то, что тесты закончатся полным провалом.

Со времени последней войны процесс разработки нового вида оружия для ведения биологической войны почти не изменился. Результаты испытаний необходимо было отправлять в Москву, чтобы представители ВПК проверили и оценили их. Кроме того, то, что мы между собой называли «окончательной рецептурой» — жидкость или порошок, которыми начинялись бомбы или распылители, должно было быть записано наподобие медицинского рецепта так, чтобы обычный технический персонал на любом из наших производственных комплексах мог бы без труда воспроизвести его от начала и до конца.

Если результаты тестов удовлетворяли Министерство обороны и если «окончательная рецептура» была правильной, то в Генеральный штаб армии посылался рапорт, а оттуда в свою очередь приходил приказ принять на вооружение новый вид оружия. На «рецепт» ставился гриф «совершенно секретно», после этого он должен был храниться в архиве, а копия с него посылалась на завод-изготовитель. Если же Министерство обороны было недовольно результатами испытаний, то исследования возобновлялись.

* * *

Для проведения испытаний на острове Возрождения со штаммом микроба туляремии нами были закуплены в Африке пятьсот обезьян. Для того, чтобы переправить подопытных животных с военного аэропорта в Кубинке на остров, был составлен план спецрейсов.

Перевезти такое количество животных и не вызвать при этом никаких подозрений на первый взгляд кажется трудным. Но все приготовления были сделаны заблаговременно. Законспирированные зарубежные торговые организации, работавшие при советском Министерстве внешней торговли, снабдили нас клетками и специальным оборудованием. Не знаю, как удалось объяснить необходимость столь срочного заказа, если бы нас об этом спросили, но дело в том, что в Советском Союзе о таких вещах спрашивать было не принято.

Поскольку нам предстояло проводить испытания нового туляремийного оружия, невосприимчивого к вакцине, всем обезьянам еще до проведения тестов должны были сделать соответствующие прививки.

Вернувшись в Омутнинск в свои лаборатории, мы заполнили двадцать бомб новой рецептурой на основе туляремии и подготовили их для транспортировки на остров Возрождения.

Ответственными за испытания оружия на основе возбудителя туляремии в тот год были назначены двое — генерал Анатолий Воробьев, первый заместитель начальника «Биопрепарата», и генерал Лебединский из 15-го Управления. Мне было приказано остаться в Омутнинске и заниматься подготовкой альтернативной программы испытаний, которые должны были проводиться тем же летом, но чуть позже. Вскоре я понял, насколько мне трудно вновь сосредоточиться на лабораторной работе.

Сведений о ходе испытаний на острове Возрождения мы не получали. Там не было телефона, а единственным средством общения с Аральском были шифрограммы, посылаемые из закрытого армейского центра связи. Поэтому до возвращения моих коллег обратно в Омутнинск я не имел никаких сведений о том, что происходило на острове.

Когда удалось наконец расшифровать результаты проведенных тестов, они оказались куда лучше, чем мог кто-либо ожидать. Почти все вакцинированные обезьяны погибли. Мне позвонил не скрывавший своего торжества Калинин.

— Канатжан! — закричал он в телефонную трубку, впервые назвав меня по имени. — Ты — гений!

Затем последовали поздравления из Москвы от коллег,

услышавших о результатах испытаний. Через несколько недель я уехал в столицу. На этот раз для того, чтобы получить медаль «За боевые заслуги» из рук довольного Калинина.

Время шло, но из 15-го Управления не было никакой реакции, даже простого уведомления о том, что результаты испытаний ими получены и рассмотрены. Но потом мы получили из Министерства обороны письмо, выдержанное в весьма высокопарном стиле: «Данное оружие не может быть принято на снабжение, — значилось в нем. — Проведенное нами расследование показало, что предварительные анализы образцов крови зараженных животных были проведены некорректно».

Представители министерства оказались правы. Генерал Воробьев, спеша поскорее подготовить обезьян к испытаниям, счел возможным отказаться от нескольких установленных правилами процедур. Эта небольшая ошибка практически не повлияла на результаты испытаний, но военные решили воспользоваться этой возможностью, чтобы поставить нас на место. Представители 15-го Управления не собирались потакать своим соперникам, особенно когда речь шла о проекте, автором которого был какой-то «щенок». Калинин был в ярости.

Конечно, мы потерпели поражение, но ненадолго. Уже следующим летом, скрупулезно выполнив все предписания, мы провели новую серию испытаний с новым штаммом вируса туляремии, оказавшимся еще более эффективным, и новое оружие было наконец принято. Этот успех позволил «Биопрепарату» утвердиться в качестве влиятельной силы. Калинин хорошо устроился в обществе кремлевских военных политиков, а я чувствовал себя так, словно меня наконец приняли в некое братство.

А тем временем на острове Возрождения все, так или иначе связанное с испытаниями вируса туляремии, от записей тестов и образцов крови до трупов зараженных обезьян, предстояло сжечь. Испытательный полигон должен был быть очищен от всего, что могло натолкнуть на мысль о присутствии там подопытных животных, и самым тщательным образом продезинфицирован, чтобы уничтожить все «следы» биологической активности.

Испытания на острове Возрождения прекратились только в 1992 году. Все записи о том, что там происходило, были уничтожены.

3
ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА СТАЛИНГРАД 1942 ГОД

Поступив в 1973 году в Томский медицинский институт на военно-медицинский факультет, я и подумать не мог, что мне когда-нибудь придется заниматься разработкой биологического оружия. До того самого дня, когда один из профессоров дал мне задание, определившее мою дальнейшую карьеру, я мечтал стать военным психиатром. Профессор попросил меня проанализировать неожиданную вспышку туляремии на советско-германском фронте, случившуюся незадолго до сражения под Сталинградом в 1942 году. Это задание относилось, скорее, к курсу эпидемиологии.

Большинство студентов недолюбливало полковника Аксененко, лысоватого профессора с суровым, будто каменным лицом, однако я относился к нему с уважением. Он не был таким тщеславным, как другие преподаватели, никогда не упускавшие случая перечислить свои титулы и звания. Я ходил на все его лекции по эпидемиологии. Но они привлекали мое внимание не больше и не меньше, чем другие предметы военной медицины, которыми мы должны были овладеть, прежде чем пройти военную комиссию и получить распределение.

Получив задание, я несколько вечеров просидел в институтской библиотеке, листая двадцатипятитомное издание «Истории советской военной медицины в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.» и доставая с полок пыльные научные журналы военных и послевоенных лет. И вот что я там вычитал.

Первыми жертвами туляремии стали немецкие солдаты. Заболеваемость среди них к концу лета 1942 года достигла таких размеров, что даже наступление нацистов на юг России временно прекратилось. Прошла всего лишь неделя после разразившейся в немецких частях эпидемии, и туляремией заболели тысячи русских солдат. Потом болезнь принялась косить и гражданское население, жившее по берегам Волги. Советское командование отправило в этот район десять передвижных военных госпиталей, что свидетельствовало о невероятном количестве заболевших.

В большинстве журналов упоминалось об этом событии как о естественно возникшей эпидемии, однако в России таких вспышек никогда прежде не случалось. В одном из изданий по

эпидемиологии была приведена следующая статистика: в 1941 году в Советском Союзе было зарегистрировано десять тысяч случаев заболевания туляремией. А в год Сталинградской битвы количество заболевших перевалило за сто тысяч. Однако уже к 1943 году оно снова снизилось до десяти тысяч.

Мне показалось странным, что такое количество людей вдруг сразу заразилось туляремией, причем в один и тот же год. Военные силы русских и немцев располагались так близко друг к другу, что одновременная вспышка болезни была почти неизбежной. Единственное объяснение этому — внезапное распыление большого количества микробов туляремии, которое и вызвало эпидемию в немецких воинских частях. Семьдесят процентов заразившихся поступили в госпитали с легочной формой заболевания, что лишь подтверждало умышленное распространение болезни.

Входя в кабинет профессора со своим исследованием в руках, я был уверен, что смог решить эту головоломку. Профессор был погружен в чтение свежего номера газеты «Красная Звезда».

— Итак, что вам удалось обнаружить? — улыбнувшись, спросил Аксененко и отложил газету в сторону.

— Я изучил источники, товарищ полковник, — осторожно начал я, — похоже на то, что эпидемия возникла не случайно.

Он смотрел мне прямо в глаза.

— Что же, по-вашему явилось причиной?

— Предполагаю, что туляремия была распространена намеренно.

Профессор оборвал меня на полуслове.

— Минуточку, — тихо сказал он. — Сделай одолжение и забудь о том, что ты только что сказал. Я также обещаю забыть об этом.

Смутившись, я озадаченно уставился на него.

— Все, о чем я тебя просил, это на примере данного случая объяснить, как бороться с эпидемиями, — Аксененко нахмурился, — а ты зарываешься! — и он сердито ткнул пальцем в листки, которые я положил перед ним на стол.

— Я не желаю видеть это до тех пор, пока ты все не переделаешь. И не вздумай кому-то еще рассказывать об этом. Поверь мне, иначе ты горько пожалеешь!

В переработанном мною докладе не было и намека на то, что вспышка эпидемии туляремии была неслучайной. Однако реакция Аксененко пробудила во мне подозрения, и скоро я уже не сомневался, что именно советские войска распылили бактерии туляремии над расположениями германских частей. Потом или из-за внезапно изменившегося ветра, или из-за заразившихся

грызунов, переносивших патоген, эта эпидемия охватила весь регион.

Уже много лет спустя после этого случая один немолодой подполковник, еще со времен войны служивший на закрытом заводе по производству бактериологического оружия в городе Кирове, рассказал мне, что один из первых вариантов оружия на основе туляремии был разработан там еще в 1941 году, за год до битвы под Сталинградом. После разговора с ним у меня не осталось никаких сомнений в том, что оно было использовано во время войны.

Наши разработчики бактериологического оружия не забыли урока, полученного во время Сталинградской битвы. В послевоенные годы советское военное командование предпочитало рассматривать в качестве объекта не прифронтовую зону, а цели в глубоком тылу врага, подальше от передовых частей, где уже не было бы опасности подвергнуть заражению своих собственных солдат.

Битва под Сталинградом была решающей для Советского Союза. Если бы город сдался, то танковые части гитлеровцев неизбежно дошли бы до самого Урала. В боях за Сталинград мы потеряли более миллиона солдат. В результате Сталинградской битвы стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Советской Армии, чем было положено начало коренному перелому в ходе войны.

Аргументы в защиту использования любых средств ради победы над врагом показались мне достаточно вескими. В результате исследования я сделал для себя один удивительный вывод: болезнь можно использовать как средство ведения войны. И, заразившись этой идеей, я принялся читать все, что касалось эпидемиологии и инфекционных болезней.

Неподалеку от армейских бараков на острове Возрождения есть одинокая могила. На небольшом камне неразборчиво высечено чье-то имя. Там похоронена молодая женщина, приехавшая на остров в составе одной из первых групп военных медиков для проведения наземных испытаний у побережья Аральского моря. Она погибла в 1942 году от сапа — болезни, обычно поражающей лошадей.

Больше о ней ничего не известно.

Десятки, а может, и сотни людей погибли во время проведения научных исследований. Порой их имена значились в секретных документах. Однако факты смерти нигде не фиксировались. И могильная плита на острове — единственное свидетельство публичного признания заслуг тех, чьими трудами создавалась наша программа.

История «Биопрепарата», этой биологической военной машины, написана сухим языком официальных отчетов, правительственных приказов, сводок, инструкций, касающихся промышленного производства биологического оружия. Когда я стал заместителем начальника «Биопрепарата», у меня наконец появился доступ к таким документам. Но даже они не давали полной картины всего, что происходило в те годы.

Очень осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания (большей частью во время неофициальных разговоров с ветеранами, которые знали то, о чем не упоминалось ни в каких документах), мне удалось выяснить многое. Так, я узнал, что в Советском Союзе работы по созданию бактериологического оружия начались задолго до начала Великой Отечественной войны.

Через год после революции 1917 года в стране началась гражданская война. Фронт, разделявший Красную Армию и белогвардейцев, простирался через огромную территорию от Сибири до Крыма. Во время гражданской войны, закончившейся в 1921 году, страна потеряла около десяти миллионов своих граждан. Но большинство погибло вовсе не на полях сражений, а от голода и болезней.

Уровень смертности во время жестоких эпидемий тифа, продолжавшихся с 1918 по 1921 год, был необычайно высок. Конечно же, тогда даже и не слышали ничего о биологической войне, но было всем понятно, что болезни могут оказаться куда более смертоносным оружием, чем пули или гранаты.

Уже в 1928 году издается секретный приказ о том, что тиф является оружием, которое может применяться на поле боя. Но всего за три года до этого Советское правительство подписало Женевскую международную конвенцию, запрещавшую использование отравляющих газов и бактериологического оружия. Но об этом предпочитали молчать, а секретная военная программа сначала оказалась в ведение ГПУ,[5] а в последующем курировалась КГБ.

Приказ 1928 года был исключительно важен. Он позволил нашим ученым начать исследования в области эпидемиологии. Уже давно было известно, что антисанитарные условия на полях сражений, грязь и голод трущоб могли послужить началом эпидемии тифа. Его переносчиками являются вши. В отличие от лихорадки, вызываемой бактериями сальмонеллы, тиф — заболевание, вызываемое крохотными микроорганизмами-риккетсиями[6] в форме палочки.

Попав в тело человека, риккетсии проникают в кровь и начинают стремительно размножаться, разрушая при этом стенки

клеток кровеносных сосудов. Первые симптомы заболевания появляются через семь-десять дней. Обычно все начинается с пульсирующей головной боли и сильного жара. Инфекция вызывает воспаление в пораженных тканях, и все тело покрывается сыпью. Иногда, по мере того как замедляется циркуляция крови в организме, на кончиках пальцев появляются гангренозные пятна. При отсутствии лечения заболевание длится несколько недель. Больной при этом находится в состоянии беспамятства и лихорадочного бреда. Сыпной тиф смертелен в 40 процентах случаев.

В двадцатом веке удалось практически покончить с эпидемиями тифа в большинстве стран Европы, но они по-прежнему продолжают свирепствовать в государствах Африки, Южной Америки и Азии. Вакцина против тифа была разработана во время Второй мировой войны. В наше время ею редко пользуются. Изредка она применяется, например, для вакцинации тех, кто отправляется в регионы, где это заболевание остается эндемическим.[7] На протяжении пятимесячного курса вакцина вводится тремя отдельными дозами и обеспечивает наиболее надежную защиту от заболевания. Одно время вакцину использовали для лечения тифа, но со временем решено было заменить ее антибиотиками.

Когда Советское правительство впервые решило использовать тиф в качестве оружия, еще никто не знал, каким образом можно контролировать это страшное заболевание. И перед нашими учеными была поставлена задача обуздать его смертоносную силу.

Зараженных тифом вшей обычно не использовали для распространения заболевания среди населения. Случайно возникла идея размножать микробы тифа в'лаборатории, а потом распылять их в виде аэрозолей с самолетов.

Ранние работы по созданию биологического оружия делались на самом примитивном уровне. Болезнетворные микроорганизмы выращивались в эмбрионах цыплят или в живых организмах, например в крысах, которых убивали, когда концентрация патогенных бактерий достигала максимальной величины. Затем в огромных смесителях эту массу разжижали и далее добавляли к взрывчатым веществам.

О начальных экспериментах с вирусом тифа и о приказе 1928 года я узнал из старых отчетов Министерства обороны. В них намеренно опускались детали, присутствовали лишь краткие описания экспериментов и испытаний. Судя по всему, никто не хотел доверять столь важную информацию бумаге. Могу только предположить, что оригиналы записей о тех экспериментах были

давно уничтожены. Только с помощью ветеранов, участвовавших в работах или слышавших об экспериментах из рассказов старых ученых, мне удалось собрать по кусочкам эту историю.

Первым научно-исследовательским центром, в котором советские ученые приступили к разработке биологического оружия, стала Военная академия в Ленинграде. Небольшая группа военных из ГПУ и ученых из академии пытались найти способ выращивания тифозных риккетсии в больших количествах. При первой попытке культивировать возбудитель тифа в лабораторных условиях использовались, как уже упоминалось, эмбрионы цыплят. Тысячи куриных яиц отправлялись каждую неделю в Ленинград — и это в то время, когда в стране большая часть населения недоедала. В 1930 году ученым академии удалось получить рецептуру тифа в порошкообразном и жидком виде, пригодном для примитивного аэрозольного распыления.

Несмотря на строжайшую секретность, которой была окружена работа над этой программой, Советское правительство все же заявило о своих успехах. Маршал Ворошилов, легендарный кавалерист и герой гражданской войны, бывший в те годы народным комиссаром обороны, 28 декабря 1938 года заявил, что Советский Союз намерен и дальше соблюдать Женевскую конвенцию, запрещавшую использование биологического оружия, однако «если наши враги решат применить это оружие против нас, то тогда, уверяю вас, мы тоже будем готовы — и сейчас готовы — обратить его против агрессора на его собственной территории».

* * *

Программа разработки биологического оружия расширялась. К середине 30-х годов на Соловецких островах появилась научно-исследовательская лаборатория. Из ленинградской Военной академии туда направили ученых и перевезли специальное оборудование. Там и продолжились работы как с тифом, так и с лихорадкой Ку, сапом и мелиоидозом — тяжелым заболеванием, во многом сходным с сапом. Огромную лабораторию на островах построили политзаключенные. Вполне возможно, что заключенные спецлагерей сталинского ГУЛАГа, даже не подозревая об этом, использовались при испытаниях новых видов патогенов.

В отчетах того периода, хранящихся в Министерстве обороны, упоминается о нескольких десятках случаев заболевания мелиоидозом. В тех документах, которые попали мне в руки,

конкретно не указано, были ли случаи заболевания людей мелиоидозом. Странным мне показался способ систематизации документов: описания девятнадцати случаев лежали в одной папке, одиннадцать — в другой и двенадцать — в третьей. Это было нетипично для отчетов об испытаниях над животными. К тому же симптомы, описанные в них, определенно указывали на то, что речь может идти только о людях. На Западе много раз обвиняли Советский Союз в проведении экспериментов с биологическим оружием на живых людях, но сам я никогда не видел документов, которые бы это подтверждали.

Проводимые эксперименты порой становились последними для самих же ученых. Например, в самом конце доклада об экспериментах с чумой, проводившихся в конце 30-х годов, сделана лаконичная приписка: «Данный эксперимент не закончен вследствие смерти исследователя». В другом, поступившем примерно тогда же, отмечалось, что во время испытаний рецептуры сапа случайно заразились двадцать рабочих. В докладах, естественно, не упоминается ни о том, умерли ли те несчастные рабочие, ни где именно проводились испытания. Однако в те годы, когда еще не было антибиотиков, смертность от подобных заболеваний была чрезвычайно высокой.

Работы с биологическими веществами продолжались. Лаборатории в Ленинграде и на Соловецких островах представляли такую огромную ценность, что, когда в 1941 году началась война, немедленно был отдан приказ об их перемещении в глубокий тыл.

Лабораторное оборудование, колбы с ферментами, стеклянные ампулы и пробирки со всем содержимым погрузили в поезд и отправили в Горький. В тот день, когда состав прибыл в город, немцы в первый и последний раз за время войны бомбили Горький. Охваченное паникой, наше командование приказало, чтобы поезд следовал дальше.

Так поезд оказался в Кирове. Начальник этой операции, пользуясь своими полномочиями, приказал как можно быстрее разместить перевезенное оборудование в госпитале для тяжелораненых, который находился в самом центре города, на Октябрьском проспекте. Куда были отправлены лежавшие там раненые, неизвестно. Через несколько недель заработала вновь созданная производственная линия. И ее важность в дни войны была вскоре доказана. Подполковник, рассказывавший мне о промышленном производстве бактерий туляремии в Кирове, высказал также предположение, что в 1943 году, когда немцы отступали из Крыма, произошла вспышка лихорадки Ку среди немецких солдат и что это была попытка командования

применить против врага новый вид созданного в лабораториях биологического оружия. Мне так и не удалось узнать что-либо еще об этом случае, одно могу сказать точно: до того времени о лихорадке Ку в Росси никто не слышал.

В Киров помимо вышеуказанных лабораторий были переправлены несколько военных заводов по производству снарядов и деталей для самолетов. Город был переполнен беженцами. А ученые между тем переживали, что, лишившись Соловецких островов, не могут проводить испытания. Для испытательного полигона нужно было искать другое место. Оно должно было быть безлюдным и находиться на безопасном расстоянии, чтобы исключить возможность заражения гражданского населения. Поиски в конце концов привели на остров в Аральском море.

Вскоре исследования принимают неожиданный поворот. В сентябре 1945 года советские войска при освобождении Маньчжурии захватили японские военные лаборатории «отряда 731», или отряда Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии, где японцы работали над созданием биологического оружия. Это подтверждали и документы, находившиеся на заводе, и свидетельские показания пленных японцев. Руководил комбинатом генерал-лейтенант Широ Исия. Под его началом проводились эксперименты с сибирской язвой, холерой, дизентерией и чумой на пленных из США, Великобритании и других стран. Кроме этого, над Маньчжурией японцы с самолетов разбрасывали контейнеры с блохами, зараженными чумой и другими патогенами. Это привело к гибели большого числа людей в сельских районах Китая.

Документацию, захваченную у японцев, отправили в Москву для более тщательного изучения. В ней содержались чертежи комплексов заводов по производству биологического оружия, которые были и больше, и совершеннее тех, что имелись в то время в нашей стране. В Свердловске в 1946 году по приказу Сталина был построен новый военный научно-исследовательский комплекс. При его создании советские инженеры и конструкторы активно использовали чертежи и знания японцев.

В 1953 году Хрущев поручил возглавить работу с биологическим оружием 15-му Управлению. На протяжении более двадцати лет Управлением руководил генерал-полковник Ефим Смирнов. Он свято верил, что биологическое оружие — это оружие будущего. Когда в 1956 году министр обороны маршал Георгий Жуков заявил, что Москва в следующей войне уже будет иметь не только химическое, но и биологическое оружие, это вызвало на Западе большой резонанс.

При Министерстве сельского хозяйства было создано целое управление, занимавшееся разработкой оружия поражающего скот и уничтожающего урожаи зерновых. Программа в министерстве имела кодовое название «Экология». В рамках этой программы ученые создали несколько разновидностей оружия: ящура и чумы крупного рогатого скота; африканской свиной лихорадки — для уничтожения свиней, пситтакоза и орнитоза — для уничтожения домашней птицы. Как и в случаях с другими видами биологического оружия, их предполагалось распылять с самолетов.

После распыления огромные районы, где процветало скотоводство, превратились бы в один громадный могильник. Даже если бы удалось заразить вирусом всего лишь нескольких животных, контагиозная[8] природа данных микроорганизмов способствовала бы тому, что вспышка эпидемии очень скоро охватила бы обширные районы.

По всей стране строились все новые и новые заводы и научные комплексы, занимающиеся биологическим оружием. И то, что многие из них располагались в крупных городах, свидетельствовало о том, что руководство страны мало заботилось о жизни и здоровье своих граждан.

В Алма-Ате (теперь Алматы), через улицу от дома, где я рос, находилось огромное здание фабрики, которое медленно разрушалось и служило лишь площадкой для игр соседским ребятишкам. От фабрики остались сваленные грудой остовы машинного оборудования, глухие туннели, которые казались еще более таинственными благодаря развешанным повсюду огромным знакам «ОСТОРОЖНО!» После уроков мы обычно перелезали через забор и, пробравшись через груды металлолома, играли в прятки между цистернами, выкрашенными по-армейски в зеленый цвет. К счастью, никому из нас не приходило в голову открыть хотя бы одну из них.

Много лет спустя, получив возможность заглянуть в старые отчеты, я выяснил, что фабрика до начала 60-х годов находилась в ведении Министерства сельского хозяйства и называлась «Биокомбинат». В случае войны именно там производились бы патогены и токсины для уничтожения скота и посевов.

4
ПРОЕКТ «ФЕРМЕНТ»
МОСКВА
1973 ГОД

Во время «холодной войны» наша страна опередила все остальные государства в разработке ядерного и космического вооружения. Но советская биология находилась в плачевном состоянии, разработки в области молекулярной биологии и генетики были полностью прекращены. И причиной этому был Лысенко.

Его имя впервые стало известно стране в конце 20-х годов, когда он объявил об успешно проведенных экспериментах по выращиванию зимних сортов гороха на сельскохозяйственной станции в Азербайджане. Получив несколько поколений растений, устойчивых к холоду, он сделал вывод о том, что все существующие в генетике теории относительно природы человеческого организма ошибочны. Он заявил, что человек вовсе не является «рабом» имеющихся у него генов, а, подвергаясь воздействия различных условий внешней среды, способен изменять наиболее важные свойства своего организма.

Лысенко не раз хвастался тем, что никогда не обнародует результат эксперимента, если он идет вразрез с его собственной теорией. Наконец он заявил, что в эволюции растений и животных окружающая среда играет большее значение, чем наследственность. Назвав генетику «буржуазной наукой, оскорбляющей пролетариат», он встал во главе новой советской науки, в основу которой был положен марксистский материализм. К началу 40-х годов Лысенко уже был среди приближенных Сталина. Находясь под покровительством диктатора, этот псевдоученый взбирается на самый верх советской науки.

Те ученые-биологи, которые были не согласны с его теорией, отправлялись в лагеря или подвергались публичному поношению. Ни один научный журнал не решался публиковать статьи, посвященные вопросам генетики.

На Западе же в это время были сделаны такие открытия, которые заставили наших руководителей признаться в том, что наша биологическая наука отстала на многие годы.

В 1953 году двое молодых ученых, Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик, описали структуру цепочки ДНК — генетического кода,

который определяет поведение всех жизненных форм, существующих на нашей земле. За два-три последующих десятилетия исследователи отыскали возможность в лабораторных условиях изменять структуру ДНК. Эксперименты с ДНК открыли перед мировой наукой новые возможности для изучения причин возникновения самых различных заболеваний и их лечения.

Обо всех открытиях, сделанных на Западе, советские ученые узнавали через нелегально ввозимые в страну журналы и научные статьи. Но тогда только несколько специалистов могли предвидеть, насколько генетика расширит горизонты науки по созданию новых штаммов бактерий, устойчивых к воздействию вакцин и антибиотиков, что приведет в конечном итоге к созданию новых видов биологического оружия. Наши соперники за рубежом получили значительный перевес в силе, так как генетические исследования в лабораториях СССР носили строго ограниченный характер. Слишком велико было влияние Лысенко, умершего только в 1976 году.

Одним из немногих, кто имел мужество выступить в защиту генетики, был выдающийся советский микробиолог Юрий Овчинников, вице-президент Академии наук СССР.

Овчинников сразу же понял и по достоинству оценил важность того, что он прочел в западных научных журналах, к тому же он знал, что в Советском Союзе нет ни одной лаборатории и практически не осталось никого из ученых, способных проводить научные изыскания на западном уровне. Он решил вывести советскую биологию из кризиса. В 1972 году Овчинников обратился к министру обороны с просьбой поддержать программу генетических исследований, которые легли бы в основу создания в конечном итоге нового вида оружия.

Наши генералы, имея практический склад ума, были, однако, весьма консервативны, и убедить их в чем-то было не так просто. Лишь немногие из них знали, насколько важна для Советского Союза программа по созданию биологического оружия. Но даже осознававшие это относились к программе весьма скептически. Оружие в их понимании должно было стрелять и взрываться. Бактерии же невозможно увидеть невооруженным глазом. Но Овчинников продолжал настаивать. И вскоре даже самому недоверчивому из военных руководителей пришлось согласиться с тем, что отставание от Запада становится для страны уже опасным.

Неожиданно Овчинникову удалось найти могущественного союзника в лице Леонида Брежнева, который всю жизнь с

величайшим благоговением относился к завораживающему слову «академик». Овчинников, в то время самый молодой академик в стране, был сначала приглашен в частном порядке читать лекции по генетике самому Брежневу и его приближенным. Вскоре его назначают главой Государственной комиссии, которая должна была оценить возможность использования в военных целях принципиально новых технологий, базирующихся на изменении генетического кода.

Работа Государственной комиссии привела к созданию самой грандиозной советской военной программы. В 1973 году Брежнев подписал секретный приказ о начале программы «Фермент». Целью данной программы была модернизация уже существующих видов биологического оружия и разработка новых, генетически измененных, устойчивых к существующим антибиотикам и вакцинам патогенов и рецептур.

Напомним, что в 1973 году был основан и «Биопрепарат», вскоре превратившийся в некое подобие гигантской «черной дыры», куда из государственного бюджета страны уходили миллионы рублей.

* * *

По проекту «Фермент» исследования проводились с возбудителями таких заболеваний, как туляремия, чума, сап и сибирская язва. Эффективность биологического оружия на их основе падала из-за применения новейших антибиотиков. Поэтому задействован был и вирус оспы, и вирусы Марбург, Эбола, Мачупо, Хунин,[9] венесуэльский энцефаломиелит лошадей (VEE) и др.

Работы с такими чрезвычайно инфекционными микроорганизмами проводились на военных заводах в Свердловске, Кирове и Загорске.

В течение десяти лет по всей стране были построены десятки центров по разработке и созданию биологического оружия, которые официально значились как медицинские научно-исследовательские институты или фармацевтические фабрики. Так, в Ленинграде был создан Институт особо чистых биопрепаратов. В Омутнинске построили предприятие по разработке и производству бактериологического оружия. Под Оболенском, к югу от Москвы, вырос целый исследовательский городок для специалистов в области генной инженерии. А в Чеховском районе Московской области, в поселке Любучаны, появился Институт иммунологии, где велись работы по

преодолению иммунитета и разрабатывались методики по созданию штаммов с иммунитет-преодолевающей активностью. В Новосибирске вырос колоссальный научно-исследовательский и испытательный комплекс под названием «Вектор».

Это только некоторые из предприятий такого рода, вошедшие в состав «Биопрепарата». Уже существовавшие к тому времени государственные научные лаборатории и исследовательские центры тоже становятся частью «нового мира», появившегося на свет по секретному указанию Брежнева. Некоторые факультеты биологии, подчинявшиеся Министерству здравоохранения, включая и гигантские научно-исследовательские комплексы в Куйбышеве, Минске, Саратове, Иркутске, Волгограде и Алматы, получили специальные фонды на исследования в области генетики для создания оружия. Значительная роль принадлежала также и Академии наук СССР. Объединив сразу четыре московских и подмосковных института: Институт белка, Институт молекулярной биологии, Институт биохимии и физиологии микроорганизмов и Институт биоорганической химии, — Академия наук СССР возглавляла работы, входящие в программу «Фермент».

Между тем программа испытаний постепенно набирала ход. С 1979 по 1989 год в Советском Союзе проводились широкомасштабные испытания аэрозолей, содержащих Bacillus thuringiensis — совершенно безвредные микроорганизмы. Их распылили с гражданского самолета в районе Новосибирска. Подобные эксперименты проводились на военном испытательном полигоне возле городка Нукус в автономной республике Каракалпакии, а также на Кавказе. Еще один безвредный вид бактерий, Senatia marcescens, использовался во время испытаний, проводившихся специалистами Института биологического приборостроения в Московском метрополитене в 1980 году. Испытания баллистических ракет, не оснащенных боеголовками с биологическими веществами, проходили над Тихим океаном в течение многих десятилетий.

Внутри Госплана для распределения выделяемых на эту программу немалых ассигнований был создан специальный орган — отдел экономического планирования. Находившийся в ведении отдела бюджет считался слишком секретным для того, чтобы передать его в руки кого-то из аппаратчиков, контролировавших другие секторы советской экономики, поэтому им заведовал военный самого высокого ранга — генерал-майор Роман Волков.

Разработка атомного оружия, находившаяся в ведении Министерства среднего машиностроения, была по своей организации и закрытости, несомненно, более грандиозной, чем

наша программа, ведь производство микроорганизмов не требует наличия урановых рудников и большого количества рабочей силы. Тем не менее к концу 80-х годов на научно-исследовательских, испытательных, производственных и конструкторских предприятиях работало более шестидесяти тысяч человек. Из них около тридцати тысяч были сотрудниками «Биопрепарата».

Недостатка в деньгах никогда не было. В конце 80-х годов, когда Михаил Горбачев обещал сократить военные расходы, нам выделили триста миллионов рублей, из них семьдесят миллионов предназначались для строительства новых зданий. А общие расходы на разработку биологического оружия составляли тогда более миллиарда рублей.

«Биопрепарат» стал «мозговым центром» программы по созданию биологического оружия, поскольку проводил научную и техническую экспертизу проектов, которые выполнялись по заказу военного командования. Существовал также Межведомственный научно-технический совет, действовавший в качестве консультативного органа. В него входили двадцать пять человек из ведущих научных организаций страны. В 1992 году председателем совета был Валерий Быков, тогдашний министр медицинской и микробиологической промышленности.

В апреле 1975 года, за два месяца до того, как я закончил Томский медицинский институт, из Москвы приехал седоватый, вежливый мужчина в гражданском. Он выразил желание познакомиться с несколькими студентами, будущими специалистами по инфекционным заболеваниям и эпидемиологии. Среди них был и я. В предыдущие годы я никогда не упускал возможности прослушать лекции, посвященные средствам массового поражения, и изучить все существующие методы защиты от ядерной, биологической или химической атаки. На факультете никто никогда не говорил, что у нас существует собственное биологическое оружие. Вместо этого курсантов предупреждали, что оно есть только у наших противников, поэтому важно было знать, как оно действует.

Во время моего исследования туляремии я вторгся в запретную область и сделал вывод, что биологическое оружие — это не тот предмет, о котором принято говорить открыто. Но эта область военной медицины меня буквально околдовала. С детства я мечтал спасать людям жизнь. Военные медики тоже солдаты, только особого рода. Их единственным оружием являются профессиональные знания, позволяющие вовремя распознать симптомы болезни и вылечить человека.

Мои учителя заметили интерес, который я проявлял к

эпидемиологии и к лабораторным исследованиям. Должно быть, Аксененко в разговоре с таинственным вербовщиком назвал мое имя.

Приезжий разговаривал вежливым, тихим голосом. Нас поразило, что ему выделили специальный кабинет для разговора с каждым из нас с глазу на глаз. Позже я случайно узнал, что это был полковник из отдела кадров «Биопрепарата». Он умер через несколько месяцев после нашей встречи в Томске. Что же до меня, то наш разговор я никогда не забуду.

Загадочный человек был одет в костюм, но по его выправке можно было безошибочно угадать, что он — военный. Протянув мне руку, мужчина крепко пожал ее.

— У вас отличные оценки и великолепные рекомендации от всех ваших преподавателей, — сказал он. — Вам нравится исследовательская работа?

— Да, — ответил я, не раздумывая.

— Вот и хорошо, — улыбнулся он, — похоже, вы как раз тот человек, который нам нужен.

— Для чего? — спросил я.

— Наше управление работает непосредственно в подчинении Совета Министров, — кратко ответил он. — Мы могли бы найти должное применение вашим талантам. Большего я сказать не могу, разве только, что работа некоторым образом связана с биологической защитой.

При одном только упоминании о Совете Министров у меня по спине пробежали мурашки. Это был высший правительственный орган страны, обладавший неограниченной властью и полномочиями. Перспектива участия в секретной программе взволновала меня.

Когда же этот человек упомянул о биологической защите, я тут же догадался, что он не говорит мне всей правды. Догадаться было нетрудно: для этого нужно было только родиться и прожить большую часть жизни в таком государстве, как Советский Союз. Вы всегда должны быть настороже, так как постоянно существует вероятность того, что услышанное не соответствует действительности. Но факт остается фактом: в свои двадцать пять лет я был настолько польщен его предложением, что на остальное закрыл глаза.

— Меня это интересует, — сказал я.

— Естественно, — продолжал он, не спуская с меня пристального взгляда, — но решение будет принято только после того, как мы вас проверим. Сейчас я дам вам несколько анкет. Ответите подробнейшим образом на каждый вопрос, а потом принесете их мне.

Взяв анкеты, я встал, собираясь уйти.

— И еще, — окликнул он меня, — не говорите никому о нашем разговоре, ни друзьям, ни преподавателям. Даже родителям.

Разговор занял меньше десяти минут, но и этого было достаточно, чтобы я понял важность того, чем мне предстояло заниматься. Но я выполнил его приказ с точностью до наоборот. Позвонив родителям, сказал, что мне предложили неплохую работу в Москве, но все подробности я смогу объяснить позднее.

Через два месяца после этого разговора мы стояли в своей новенькой, с иголочки сшитой лейтенантской форме на площади перед институтом. Это был день выпуска. Начальник военного факультета начал зачитывать фамилии новоиспеченных лейтенантов и места, куда направлялись выпускники. Некоторых счастливчиков ждали тепленькие места в Восточной Германии и Польше. Остальных — унылая скука провинциальных городов и поселков.

Мою фамилию назвали только в самом конце.

— Лейтенант Канатжан Алибеков!

Я сделал шаг вперед.

— В распоряжение Совета Министров СССР!

Затем последовали фамилии еще четверых моих сокурсников — всех их ждало то же распределение, что и меня. Седоватый таинственный незнакомец тоже побеседовал с ними, хотя я об этом не догадывался.

Я ликовал: еду в Москву!

Через несколько дней нас пригласили в административное здание института для того, чтобы мы получили на руки письменный приказ о назначении. Я быстро пробежал его глазами, и сердце у меня упало. Меня распределили в организацию под условным названием п/я.

— Что это значит? — спросил я. — Где это?

Увидев мое растерянное лицо, офицер, вручивший мне приказ, с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

— Омутнинск, — ответил он, — это недалеко от Кирова, только говорить об этом не положено. Сейчас выдам вам проездной документ, по нему сможете купить билет на поезд.

Очень скоро выяснилось, что мы, все пятеро, были распределены в одно и то же место. Кое-кто из наших сокурсников сгорал от зависти, услышав о Совете Министров. Только некоторые, более опытные, сообразили, что нас ждет секретная работа. Многие думали, что нас распределили в одну из научно-исследовательских лабораторий, но ни один из них и понятия не имел, чем там занимаются. А спрашивать никто не

осмеливался.

— Не очень-то длинная будет у вас жизнь, — шепотом предупредил один из приятелей. — Я слышал, что никому не удавалось продержаться в подобных местах более двух лет.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА

5
РАБОТА В ЛАБОРАТОРИИ ОМУТНИНСК 1975 ГОД

Работа в лаборатории, где разрабатывается биологическое оружие, навсегда оставляет на человеке свой страшный след. Так произошло и со мной. Я совершенно потерял обоняние и приобрел аллергию на многие продукты. Я не могу есть масло, сыр, яйца, майонез, колбасу, шоколад и сладкое. В день я принимаю по две, а то и по три капсулы противоаллергических таблеток, а в особо тяжелые дни, когда я не могу дышать через нос, бывает, что и больше. Каждое утро я вынужден наносить на лицо, руки и шею специальный крем, чтобы хоть как-то смягчить сухую, как пергамент, кожу — мои собственные сальные железы не работают. Бесчисленные прививки, которые мне делали от туляремии, сибирской язвы и чумы, значительно ослабили иммунитет и, вполне возможно, сократили мне жизнь.

Но все это случилось со мной намного позже. А пока я ехал в Омутнинск, в восточно-европейское отделение Института прикладной биохимии, куда меня направили по распределению.

Завод и институт находились недалеко от старинного русского городка, в лесу, и сами по себе уже были маленьким городом. Там работали и жили почти десять тысяч человек, что составляло без малого треть населения самого Омутнинска. Находящиеся на территории завода производственные и лабораторные корпуса были огорожены высоким забором с колючей проволокой, по которой был пропущен электрический ток.

В 60-е годы в Омутнинске построили химический завод для выпуска биопестицидов. Когда он перешел в ведение 15-го Управления, было решено переоборудовать его в «резервный» завод, где на случай войны можно было бы начать оперативное производство биологического оружия. Уже в 70-х начались работы по строительству нового комплекса зданий.

Войдя в состав «Биопрепарата», этот объект значился как «Омутнинская научная опытно-промышленная база», но в переписке имела номер п/я В-8389. По официальной версии там по-прежнему производились удобрения и пестициды, но на самом деле это был центр по разработке биологического оружия.

В то лето в Омутнинск приехали человек десять-пятнадцать

таких же, как я, молодых специалистов. Это были молодые офицеры, выпускники военных институтов со всех уголков Советского Союза. Некоторые имели медицинское образование, но были и инженеры-химики, и биологи. Сюда попадали после таинственных бесед и многомесячных проверок, проводившихся для того, чтобы исключить неблагонадежных людей.

В первый же вечер я прямо с поезда, не снимая промокшего до нитки кителя, кинулся докладывать о себе старшему офицеру. Тот неожиданно отругал меня за то, что я осмелился приехать в военной форме. Я понял, что попал в совершенно другой мир, потому что сразу всем нам раздали листки бумаги с предписанием, как себя вести на территории комплекса. В конце следовало поставить свою подпись, подтверждая тем самым взятое на себя обязательство не разглашать то, чем мы здесь будем заниматься.

Все наши «инструкторы» были сотрудниками КГБ или работали под их руководством. После заполнения еще нескольких анкет нам объяснили, что мы будем заниматься сверхсекретными исследованиями в области биотехнологии и биохимии для военных целей. Затем нас одного за другим пригласили для индивидуального инструктажа.

— Вы, конечно, в курсе, что вас ждет не совсем обычная работа, — первым делом произнес кэгэбэшник. Это был не вопрос а, скорее, констатация факта.

— Да, — кивнул я.

— Должен предупредить вас о существовании международного соглашения о запрете использования и разработки биологического оружия, которое в свое время подписал и Советский Союз, — продолжал он. — По условиям этого соглашения мы не имеем права производить биологическое оружие, однако его подписали и Соединенные Штаты, и, по нашим сведениям, у американцев это оружие уже есть.

Я с энтузиазмом заявил, что полностью с ним согласен. В школе, в институте в наши молодые головы постоянно вбивали, что капиталистический мир преследует одну цель: уничтожить Советский Союз. Именно поэтому я был готов с легкостью поверить в то, что США в борьбе против нас без малейших колебаний воспользуются любым оружием, в том числе и биологическим, и что наша собственная безопасность зависит от того, сумеем ли мы их опередить.

— Хорошо, — с довольным видом сказал он. — Теперь можете идти. Удачи вам.

Эта пятиминутная беседа была единственным случаем, когда кто-то из официальных лиц сделал попытку коснуться моральных

аспектов нашей деятельности. Больше такого случая за всю мою карьеру я лично не припомню.

Итак, наша работа в Омутнинске началась. Сначала, практикуясь на безвредных микроорганизмах, мы учились, как нужно готовить питательный раствор, в котором они размножаются. Бактерии культивируются одинаково вне зависимости от того, для чего это делается: для промышленного производства, вакцинации или производства биологического оружия. Приготовление этого раствора — целое искусство. Для роста бактерий требуются специальные смеси с высоким содержанием протеинов, углеводов и различных солей, обычно получаемых из растительных или животных экстрактов, — только в этом случае размножение будет происходить достаточно интенсивно.

Мы должны были брать образцы питательного раствора и производить химический анализ его компонентов, проверяя кислотно-щелочной баланс, наличие аминокислот и определяя концентрацию углеводов и других компонентов. После этого мы делали бактериологический посев, чтобы выявить свойства бактерий, их концентрацию и жизнеспособность. Процесс посева бактерий достаточно сложен, и при этом он должен непременно производиться в условиях полной стерильности. Затем мы внимательно изучали, как температура, концентрация кислорода, состав питательного раствора и другие постоянно меняющиеся факторы влияют на рост бактерий.

Прошли месяцы, прежде чем я смог перейти от простейших технологий к сложным промышленным процессам в биотехнологии и микробиологии. Я начал работать с патогенными микроорганизмами и узнал, как заражают ими подопытных животных, а потом проводят вскрытие.

Предприятия, которые занимались разработкой и производством биологического оружия, были разделены на зоны в зависимости от степени опасности, которую представляли собой биологические материалы. В Омутнинске таких зон было три. В Зоне I занимались подготовкой питательной среды. Зоны II и III считались более опасными, от остального мира их отгораживали специальными фильтрационными помещениями. В Зоне III находились непрерывно работавшие сушильные аппараты и центрифуги. Входя в эту зону, все мы были обязаны надевать на голову шлемы, на руки — огромные перчатки, а сами облачались в костюмы из толстой резины, которые между собой именовали «космическими скафандрами». В них мы напоминали космонавтов, готовящихся к высадке на Луну.

В Зоне II тоже требовались особые защитные костюмы,

конечно, не столь громоздкие, как настоящие скафандры, но также тщательно защищающие нас от воздействия патогенов в окружающей среде. Входя в помещения Зоны II, мы были обязаны сменить наши пиджаки и брюки на то, что весьма напоминало одеяние хирурга во время операции: специальный халат, доходивший до самых лодыжек, маску из ткани с прорезями для глаз и рта. Поверх нее одевалась специальная респираторная маска. На ноги мы натягивали высокие резиновые сапоги, а на руки — хирургические перчатки из тонкой резины. Причем, если мы работали с подопытными животными, то перчаток нужно было две пары — одна поверх другой.

Первые недели, проведенные на предприятии в Омутнинске, были на редкость волнующими, но одновременно и мучительными. Мне доводилось бывать в лабораториях медицинских институтов, но я никогда еще не попадал в такую огромную и тщательно охраняемую лабораторию, как та, в которую нас привели в первый же день. Белые лабораторные столы стояли вдоль всей стены, на них теснились микроскопы, фотометры, а между ними — ряд за рядом — сверкающие стеклянные колбы и пробирки.

Нам всем выдали белые халаты, разделили на маленькие группы и представили сотруднику из технического персонала, который должен был стать нашим наставником. В моей группе таким наставником оказалась молодая женщина по имени Светлана, голубоглазая блондинка. С неизменной улыбкой на лице она показывала нам, как ведутся работы в лаборатории. Я чуть ли не с первого взгляда влюбился в нее. Я был так смущен, что, когда она дала мне в руку хрупкую стеклянную колбу и попросила простерилизовать ее, руки у меня затряслись от волнения и я разбил ее вдребезги.

— Какой медведь! — шепнула она одному из моих сокурсников.

Мне казалось тогда, что я не справлюсь. Однако постепенно я освоился в лаборатории, научился пользоваться хрупкими пипетками, которыми переносят жидкость из одной колбы в другую. А возможность добиться того, что культуры самых разных микроорганизмов вдруг начинали стремительно расти и увеличивались до такой степени, что их можно было увидеть под микроскопом, казалась мне настоящим волшебством и завораживала меня.

В лабораторию мы должны были приходить к восьми часам утра, в двенадцать разрешалось ненадолго прервать работу и пообедать в маленькой столовой, после чего нужно было вернуться к своим микроскопам и колбам и трудиться до ужина.

Иногда вторую половину дня мы проводили в библиотеке, роясь в технических статьях, чтобы подготовить обзор для еженедельного семинара. Наша работа в лаборатории была своеобразной подготовкой, репетицией. Нам еще предстояло познакомиться со сложным процессом производства пестицидов.

Тем, кто работал в производственных помещениях, не было известно о настоящей цели нашей подготовки. В их глазах мы были просто чудаковатыми мальчишками, до смерти боявшимися запачкать руки. Поэтому для начала нас заставили драить до блеска полы и чистить оборудование и были совершенно нетерпимы к нашим промашкам. Но эти умения очень пригодились нам впоследствии, так как вскоре нас ждала работа уже не с безвредными бактериями типа Bacillus thuringiensis, а с патогенными микроорганизмами. В процессе выращивания необходимо было следить, чтобы бактериальная культура от начала и до самого конца оставалась чистой, т. е. беспримесной. Нам постоянно вдалбливали, что очень важно обеспечивать стерильность рабочего материала и оборудования, с которым мы работали. Пытаясь хоть как-то отвлечься от утомительной работы, вечером мы отправлялись в город.

Омутнинск в те годы был тихим провинциальным городком. Одноэтажные деревянные домики тянулись вдоль узеньких улочек. С давних времен в этом городе производилось оружие. Еще в семнадцатом веке Петр Великий построил здесь литейный цех, который вскоре стал одним из первых в России оружейных заводов, выпускавших пушки для царской армии. Три века спустя здесь по-прежнему занимались оружейным производством. Обветшалый заводик выпускал артиллерийские снаряды и какие-то детали для винтовок. Как раз на нем и работала большая часть населения городка.

Жители Омутнинска, казалось, нисколько не интересовались тем, что происходило недалеко от их города. А кое-кто из нас уже стал задаваться вопросом: чем же мы, собственно, там занимаемся?

Устроившись в единственном на весь город ресторане и попивая чай и кофе, мы непрерывно говорили о работе, к которой нас готовили. Одни из нас гордились своей причастностью к секретной работе на оборону страны. Другим была отвратительна мысль о том, чтобы превратить болезни в оружие пусть даже ради повышения обороноспособности страны.

Один из приехавших вместе со мной выпускников, огромный, крепкий сибиряк Владимир Румянцев, с каждым днем становился все более раздражительным и подавленным. Вернувшись из ресторана, он, как правило, валился на кровать и мог часами тупо

смотреть в потолок, отхлебывая глотками водку прямо из бутылки. За время работы мы сдружились, и мне легче было поговорить по душам с ним, чем с кем-то другим из нашей группы.

— Канатжан, ведь мы же врачи! — как-то раз воскликнул он. — Мы же не можем этим заниматься?!

Я тоже не раз задавал себе этот вопрос. Все годы в институте меня учили бороться с недугами, я давал клятву помогать людям и не причинять им зла. Однако мне нравилась работа в лаборатории. Нравилось скрупулезно выращивать бактерии, хотя это была трудоемкая и достаточно нудная процедура. Возможность управлять крохотным миром, который обнаруживался под стеклом микроскопа, казалась мне увлекательней всего на свете. Вечерами, листая медицинские журналы и брошюры из библиотеки, я много узнавал о поведении различных болезнетворных микроорганизмов. Я четко сознавал, что работаю над новым оружием для уничтожения людей. И в то же время я страстно желал продолжить исследовательскую работу. Меня терзали эти противоречия.

Прошло четыре месяца, и я решил сбежать. Это не было ни дерзостью, ни отчаянием. У меня не было ни малейшего желания вызвать гнев КГБ или моего начальства, которое, казалось, было обо мне самого хорошего мнения. Неудивительно, что побег не удался.

Я написал длинное письмо отцу. До сих пор я ничего не сообщал родителям о своем назначении, только вскользь упоминал, что меня распредели на режимное предприятие. Вдруг пришла мысль, что КГБ письмо не перехватит, если я отправлю его из какого-то места подальше от Омутнинска. И я сел в поезд до Кирова, дорога заняла пять часов. Я и не думал нарушать данное мной обязательство держать язык за зубами. К тому же я знал, что мой отец прекрасно умеет читать между строк и мигом сообразит, что к чему. Да и с военными секретами он был знаком не хуже меня.

Мой отец во время Великой Отечественной войны был ранен семь раз. За храбрость, проявленную в танковом сражении под Курском, он был награжден медалью, потом вернулся домой и, прослужив много лет в милиции, ушел на пенсию в звании подполковника. Тогда мы уже жили в Алма-Ате. Моя семья была не простой, а, можно сказать, образцовой: дед — герой гражданской войны, бывший красный командир, в 20-е и 30-е годы он был первым наркомом иностранных дел Казахстана. В прежней столице Казахстана его именем была названа улица. Я думал, что, может быть, мое происхождение поможет мне выйти с

честью из сложившегося положения.

В письме я просил отца написать маршалу Андрею Гречко, тогдашнему министру обороны, и попросить, чтобы меня перевели поближе к Алма-Ате или уволили из армии.

Неделей позже я позвонил отцу с междугороднего переговорного пункта в Омутнинске.

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросил отец.

— Да, — энергично ответил я. — Можешь сказать маршалу, что как ветеран войны, получивший несколько ранений, хочешь, чтобы сын служил поближе к тебе.

— В общем, так оно и есть, — рассмеялся он. — Я ведь уже старик, притом почти совсем глухой.

Он не спросил, чем именно я занимаюсь, а я не пытался ему рассказать. Вначале он стал меня отговаривать, но потом, почувствовав в моем голосе муку и отчаяние, согласился написать письмо маршалу.

Ответ, написанный тепло и уважительно, пришел на имя моего отца в Алма-Ату уже через месяц после нашего разговора. «Дорогой товарищ Алибеков! — начиналось оно. — Отдавая должное Вашим заслугам перед Родиной и уважая Ваше желание, чтобы сын был рядом, тем не менее хочу напомнить, что Вашему сыну оказана честь выполнять чрезвычайно важное задание. Мы не можем позволить себе лишиться его. Конечно, для сына всегда важно и нужно быть рядом с родителями, но у Вас есть еще один сын и дочь, которые могут помочь Вам, если в этом есть необходимость».

Отец прочитал мне письмо по телефону. Он был очень доволен, что сам маршал прислал ему письмо. Я же был, словно зверь, загнанный в ловушку.

Но вскоре и я стал испытывать нечто вроде гордости, я был польщен тем, что даже министр обороны считает меня незаменимым, и кто я такой, чтобы спорить с ним?! В конце концов, может быть, я смогу стать членом этого странного и тайного сообщества?

С еще большим рвением, чем прежде, я окунулся в работу, и меня на время оставили мысли о том, чтобы все бросить и уехать.

Повсюду на территории нашего комплекса, как грибы из-под земли, появлялись новые корпуса. Каждый день на стройку в грузовиках привозили заключенных из ближайшего лагеря. Руководство «Биопрепарата» подписало секретное соглашение с МВД о том, чтобы использовать их для тяжелых работ на строительстве предприятий нашего комплекса.

Был заложен фундамент объекта, получившего в будущем название Корпус 107. Размах строительства был внушительным.

В марте 1976 года я получил новое назначение. Но перед этим я поехал в отпуск к своим родителям в Алма-Ату. Там я и встретил свою будущую жену — Лену Емешеву. Она была подругой моей двоюродной сестры, которая позвала ее с собой на концерт, посвященный Дню Советской Армии. Там мы и познакомились. Мне достаточно было только увидеть сияющие зеленые глаза хорошенькой восемнадцатилетней девушки, чтобы влюбиться в нее с первого взгляда.

Лена приехала из городка в южном Казахстане, расположенного по соседству с поселком, где я родился. Сначала она изучала физику, а потом перевелась в Институт иностранных языков, так что кроме любви друг к другу нас еще объединила и любовь к науке.

Мы поженились в августе 1976 года в Алма-Ате, а потом отправились к ее отцу на той — традиционный казахский свадебный пир.

Когда я ухаживал за Леной, она пыталась расспрашивать меня о работе, но потом перестала. Наверное, ей до смерти надоело выслушивать мои туманные намеки о «секретном предприятии». Все же я был удивлен спокойствием, с которым она приняла известие о том, что свою совместную жизнь со мной она начнет в далеком сибирском городке Бердске, куда меня перевели в марте 1976 года.

Как она объяснила мне много лет спустя, единственное, что имело значение для нее в те далекие дни нашей молодости, это то, что ее муж — офицер, отмеченный чрезвычайным доверием Родины.

Итак, я прибыл на новое место службы в бердскую научно-производственную базу, или Сибирское отделение Института прикладной биохимии, как она официально называлась. Бердск находился неподалеку от Академгородка в Новосибирске, в котором велась разработка передовых технологий. Наиболее интересным сооружением в Бердске был завод по выпуску радиодеталей, построенный еще в 1940 году с помощью специалистов из США. Очень скоро я забыл об угрызениях совести, мучивших меня прошлым летом.

Руководители «Биопрепарата» намеревались объединить в единое целое научно-исследовательский центр и бердский химический завод. Построенный в 60-е годы, он в основном использовался как резервный завод. Планировалось выращивать болезнетворные бактерии в больших количествах тут же, на месте, или привозить с других производственных предприятий. Но, по мере того как программа расширялась, подобный принцип становился все более громоздким и неудобным. Существовала

опасность, что из изготовленных на заводе в Бердске бомб может произойти утечка. Для проведения испытаний на герметичность жидкие или порошкообразные вещества не подходили. Эксперименты необходимо было проводить только с реальными бактериями. Но в Бердске не было пока собственных научно-исследовательских лабораторий. По приказу из Москвы была построена экспериментальная база, а за границей закуплено все необходимое оборудование. Мне и Румянцеву поручили поистине грандиозный проект по превращению старого производства в современную высокотехнологичную микробиологическую лабораторию.

Когда мы приехали туда, сотни запечатанных коробок с новым оборудованием были свалены в кучу во дворе предприятия. Они предназначались для только что построенной лаборатории микробиологии. Много месяцев коробки простояли нераспечатанными, поскольку сотрудники, имевшие дело только с производством, не знали, как создать научно-исследовательскую лабораторию.

Для нас с Румянцевым лаборатория стала родным детищем. Мы начали ее создание с нуля. Нам предстояло сделать планировку помещений, определить расположение рабочих столов, раковин, водопроводных и канализационных труб. Одну за другой распаковывая коробки, мы вытаскивали микроскопы, пробирки, термостаты и еще многое другое. Оборудование было из самых разных стран: ферментаторы — из США и Японии, реакторы — из Чехословакии, лабораторная посуда — из Франции. Возможность использования в нашей работе стандартных ферментаторов свидетельствовала о том, что и на Западе есть технологии двойного назначения.

Через три-четыре месяца мы представили своему руководству полностью оборудованную лабораторию.

В январе 1977 года начальник бердской базы, полковник Виталий Кундин, вернулся из Управления «Биопрепарата» с двумя небольшими ампулами, в которых находилась сублимированная Bmcella — бактерия, распространенная среди крупного рогатого скота и домашней птицы. При попадании в человеческий организм она вызывает бруцеллез, или мальтийскую лихорадку, характеризующуюся высокой температурой, обильным потоотделением, болью в горле, а также сухим кашлем, часто сопровождающимся сильной рвотой, острыми болями в желудке и диареей. Даже при усиленном лечении заболевание может продолжаться месяцами, становясь хроническим. К тому времени я знал о бруцеллезе не только из учебников. Мой отец долгие годы страдал этой болезнью,

доставлявшей ему такие страдания, что порой от боли и слабости он не мог шевельнуть рукой.

— Теперь, когда у нас наконец есть собственная лаборатория, нужно ее для чего-то использовать, — весело заявил Кундин. — Почему бы вам, ребята, не посмотреть, что можно сделать вот с этой штукой?

Найти практическое применение бруцеллезу не удалось ни в одной из лабораторий «Биопрепарата». До сих пор для роста бактерий использовался стандартный питательный раствор, содержащий молочный протеин — казеин. Пролистав свои конспекты, я наткнулся на запись: при использовании смеси дрожжевого экстракта с витаминами и некоторыми стимуляторами роста наблюдался высокий уровень роста культур. Закрывшись в лаборатории, мы с Румянцевым проводили долгие часы, экспериментируя с различными комбинациями смесей до тех пор, пока не получили идеальный для своих целей вариант.

Спустя восемь месяцев мы продемонстрировали свою разработку: составленная нами новая питательная среда обеспечивала высокий уровень роста бактерий, такой, что можно было использовать бруцеллез в качестве оружия. Московское начальство было довольно. А для меня это было личным достижением — ведь из ученика я превратился в ученого.

Осенью 1977 года за работу в Бердске мне присвоили звание старшего лейтенанта и старшего научного сотрудника. В тот же год я стал отцом семейства: Лена родила дочь Миру. Жизнь казалась безоблачной. Оклад мой повысился, профессиональная карьера пошла в гору, и я начал верить, что у меня самая лучшая работа (если не в мире, то в Советском Союзе).

Два года спустя, когда Лена ждала второго ребенка, сына Алана, я стал уже заведующим лабораторией в Бердске. После рождения Алана меня повысили и дали новое назначение: я получил приказ вернуться в Омутнинск, чтобы заняться разработкой промышленного производства возбудителя туляремии с целью использования его в качестве оружия. Мне сказали, что Корпус 107 уже полностью готов к работе.

6
КОРПУС 107
ОМУТНИНСК
1980 ГОД

Омутнинск был похож на растревоженный улей — всюду кипела работа. Внутри комплекса возвышались только что построенные корпуса. Комплекс по производству бактерий туляремии должен был разместиться в трехэтажном сером здании.

Корпус 107 был сконструирован по принципу «здание внутри здания». Там предстояло работать со смертельно опасными для человека патогенами, и нужно было сделать все возможное, чтобы исключить малейший риск их попадания в окружающую среду.

Корпус 107 имел довольно большую Зону I. Там же были расположены административные помещения и служба охраны, а также лаборатории, где проводились работы с неинфекционными микроорганизмами. Сотрудники в белой спецодежде сновали по коридорам. Солнечный свет, вливавшийся в большие окна, освещал стены, увешанные лозунгами типа «Пятилетку — в четыре года!», «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!» Даже если вы проведете в Зоне I целый день, вы ничего не узнаете о том, что происходит в глубине здания, там, где располагалось основное производство.

На территории Зоны II размещались лаборатории, где шли работы с патогенными микроорганизмами, клетки для подопытных животных и гигантские ферментаторы, почти упиравшиеся в крышу здания. Зона III, расположенная внутри территории Зоны II, бьиа заставлена длинными рядами центрифуг, мельниц и сушильных аппаратов.

Внутренние Зоны II и III были оборудованы автономной системой подачи воздуха. Шумно работающие турбины подавали воздух через трубопровод в вентиляционную решетку, поддерживая атмосферное давление внутри помещения ниже обычного, чтобы воздух не проникал в Зону I. Сквозь многочисленные отверстия в потолке разбрызгивалась перекись водорода. Характерный запах этого дезинфицирующего средства преследует меня всю жизнь. Но запах — это еще не самое страшное. В течение десяти или чуть более лет, что я проработал в лаборатории, мои черные волосы всегда были слегка обесцвечены.

Кругом подстерегали невидимые опасности. Достаточно было только сделать одно неверное движение: неловко повернуться, неуклюже взмахнуть рукой — и это могло повлечь за собой очень неприятные последствия. Мы все знали о той угрозе, которая исходила от Зон II и III, но мы были еще очень молоды и оттого чувствовали себя неуязвимыми. Мы считали себя хранителями тайн, жрецами таинственного культа, ритуалы которого нельзя доверить простым смертным.

В марте 1983 года, поздним воскресным вечером, в квартире зазвонил телефон. Я поспешно схватил трубку. Лена уже спала, и я боялся ее разбудить.

Звонил Назил, начальник ночной смены.

— Быстро сюда! — сказал он. — У нас проблемы!

Поспешно одевшись в темноте, я помчался по территории комплекса.

Оказавшись в Корпусе 107, я свернул в коридор, который вел к Зоне II. Этот коридор назывался «санитарным пропускником» и представлял собой лабиринт переходов между небольшими стерильными комнатами. Дверь с кодовым замком вела в следующий сектор здания. Код менялся каждую неделю.

В раздевалке я сбросил с себя одежду и вошел в другую комнату, где за столом сидела молоденькая медсестра. Мы несколько раз встречались с ней на территории комплекса, когда она выгуливала большую собаку здороваясь кивком головы. Но сейчас, наткнувшись на нее, совершенно голый, я пришел в замешательство. Она с невозмутимым видом, молча сунула мне под мышку термометр, потом внимательно осмотрела каждый дюйм моего тела, особенно тщательно проверив зубы и десны. Это была обычная процедура, так как любая, самая крохотная царапинка, даже свежий порез от бритья могли стать причиной проникновения в организм болезнетворных микробов.

Я прошел в следующее помещение и принялся натягивать на себя специальную одежду: комбинезон, носки и длинные кальсоны, капюшон, респиратор, защитные очки, ботинки и перчатки. Процедура раздевания происходила в обратном порядке, перчатки снимались в последнюю очередь. Несмотря на многочисленные тренировки, я все равно никак не мог уложиться в те пять минут, которые отводились на одевание-раздевание. Но в тот вечер я очень спешил.

Назил ждал меня внутри Зоны II.

Пока мы шли, он рассказал мне, что произошло. Давление воздуха, подававшегося в помещение, где проводились опыты с туляремией, стало резко падать. За час до этого в помещении работала одна из сотрудниц из числа технического персонала.

Она вполне могла забыть закрыть вентиль.

Назил спешил, его смена скоро заканчивалась. Было уже 11 часов вечера. Проводив меня до дверей комнаты, где, по его словам, упало давление воздуха, он уже собрался зайти и вдруг остановился в нерешительности.

— Не волнуйся, — успокоил его я. — Я посмотрю сам.

Улыбнувшись, он ушел. Я открыл дверь и зашел внутрь. В помещении было темно. Пошарив рукой по стене, я попытался отыскать выключатель. Когда наконец в комнате вспыхнул свет, я глянул под ноги и обмер: оказывается, на полу было мокрое пятно от питательного раствора, в котором выращивали возбудитель туляремии, — и я стоял прямо в середине!

Пятно было светло-коричневого цвета, что говорило о наивысшей концентрации микроорганизмов. Разлившейся жидкости было немного, но этого количества хватило бы, чтобы заразить туляремией все население Советского Союза.

Я застыл на месте и стал звать Назила. Потом я услышал, как он со всех ног бежит ко мне по коридору.

От того места, где я стоял, до двери было всего полметра, но я оказался в ловушке. Ступив за дверь, я неминуемо разнес бы инфекцию по коридору, откуда она без труда распространилась бы по всем зонам.

Стараясь не выдать своего волнения, я крикнул Назилу чтобы он побыстрее принес любое дезинфицирующее средство. Через минуту он уже протягивал мне в полуоткрытую дверь бутыль с перекисью водорода.

Я поднял ногу и вылил все содержимое бутылки на ботинок. Сделав шаг назад, я взял у него из рук вторую бутыль. Так, шаг за шагом, поливая себе на ноги, я добрался до коридора.

К тому времени, когда я выбрался из комнаты, трое специалистов, работавших в других частях зоны, примчались на помощь. Вероятно, изменение давления воздуха послужило причиной того, что жидкость вытекла из емкости наружу. Закрыв дверь, я приказал продезинфицировать все, до чего я успел дотронуться, а потом и само помещение.

Через санитарный коридор я вернулся назад, продезинфицировался, стащил с себя ботинки и защитный костюм, принял душ и вновь подвергся тщательному медицинскому осмотру. Медсестра удостоверилась, что со мной все в порядке.

Поздравив себя с тем, что на этот раз все обошлось, я попытался вообразить, что произошло бы, если бы я поскользнулся на мокром полу. И хотя туляремия не всегда заканчивается смертью, но здесь мы испытывали более

смертоносные штаммы бактерий.

Когда все снова собрались в Зоне I, я посоветовал Назилу и остальным сотрудникам принять антибиотики, которые мы всегда имели на экстренный случай.

Я поднялся в кабинет и позвонил Савве Ермошину, начальнику УКГБ в Омутнинске. Позже Савва работал со мной в Москве, в Управлении «Биопрепарата».

— Савва, прости, что разбудил, — сказал я, — просто хотел, чтобы ты знал: сегодня вечером в Корпусе 107 произошла небольшая утечка бактерий туляремии.

От него, конечно, не требовалось немедленного принятия каких-либо мер. Однако по правилам мы должны были докладывать в КГБ обо всех происшествиях на предприятии.

— Кто-нибудь пострадал? — спросил он осипшим голосом.

— Нет, все под контролем, — ответил я, — мы сами все убрали. Так что тебе не о чем беспокоиться.

Повесив трубку, я бросил взгляд на часы. Было почти два часа ночи. В такое время нет смысла звонить в Москву. Решив подождать до утра, усталый, я отправился домой.

— Что случилось? — сонно спросила Лена, когда я осторожно на цыпочках прокрался в комнату.

— Ничего страшного, — ответил я, — спи!

На следующий день после обеда мне позвонил Калинин.

— Я все утро разыскиваю тебя, а мне твердят, что ты на каком-то совещании, — кричал он. — Как ты можешь сидеть на совещании, когда из вашего помещения туляремия течет прямо на землю?!

Решив подождать с докладом до утра, я поступил опрометчиво. Ермошин, как вскоре выяснилось, знал существующие инструкции намного лучше меня. Повесив трубку после нашего с ним короткого разговора, он немедленно проинформировал начальника кировского Управления КГБ о происшедшем. Оттуда сразу же последовал звонок в Москву, а утром доложили уже непосредственно Калинину.

Случившееся быстро успело обрасти вымыслами. Что там полусонный Ермошин доложил своему начальству, не знаю, но речь шла уже об эпидемии, угрожавшей целому региону.

Я попытался успокоить Калинина, но он мне не верил. А вот КГБ он верил абсолютно.

— Первым же поездом отправлю к вам своего человека, — пообещал он.

На следующее утро я встретил генерала Льва Ключерова, руководителя научного отдела «Биопрепарата». Его лицо бьио багровым, казалось, что он весь кипел от ярости.

— Даже не пытайтесь что-либо от меня скрыть, — заявил он сразу же. — Со мной это не пройдет.

Проводив его в кабинет, я подробнейшим образом рассказал обо всем. Ключеров немного успокоился. Однако под конец заявил, что желал бы убедиться лично в том, что никто не заболел.

Так оно и было. Если не считать меня самого…

В конце беседы с Ключеровым меня начало знобить, потом подступила тошнота, причем все произошло очень быстро, и мне захотелось обхватить голову руками. Я подумал, что это просто простуда. К тому же я слишком много работал. Но чувствовал я себя настолько плохо, что сообразил: простуда тут ни при чем. Лицо у меня горело: начинался жар.

— Что это с тобой? — участливо спросил меня Ключеров. — Ты выглядишь так, словно одной ногой в могиле.

Я выдавил из себя слабую улыбку:

— Ночью почти не спал. Думаю, крепкий чай мне бы не помешал.

Как только генерал ушел, я помчался домой. У меня уже не оставалось никаких сомнений в том, что со мной происходит: я заразился туляремией. Она начинается, как грипп, и стремительно распространяется по всему организму.

Дома я кинулся к книжным полкам, где стояли медицинские учебники, и принялся лихорадочно листать все, что только мог найти об инфекционных болезнях. Пришлось долго ломать голову, что делать дальше, так как в лекарствах я разбирался плохо.

Если это станет кому-либо известно, то жизнь превратится в ад. Меня обвинят в попытке скрыть серьезность происшествия и первым делом зададут вопрос: что это за ученый, если он не соблюдает самых элементарных мер предосторожности? Назилу и остальным я напомнил, чтобы они обязательно приняли антибиотики, но по какой-то необъяснимой причине сам напрочь забыл об этом.

Я не мог поверить в то, что я заразился. Ведь я же несколько раз тщательно продезинфицировал одежду и принял душ. Должно быть, инфекция попала в мое тело за считанные доли секунды, когда я покинул санитарный коридор и вошел в душ. Но каким образом? Должно быть, снимая маску и респиратор, я случайно коснулся лица. Микроб попал в мое тело через какую-то почти невидимую царапинку на коже или я вдохнул его.

Я знал, что могу безбоязненно оставаться дома: не было никакой опасности, что инфекция передастся жене или детям.

Бактерии туляремии могут попасть в организм только через

повреждения на коже человека. Они не передаются от человека к человеку, однако легко переносятся мухами, блохами, крысами и, попав в ранку, тут же разносятся с кровью по всему телу. Заболевание характеризуется сильным жаром, лихорадкой и ознобом и сопровождается невыносимой головной болью. Попав в кровь, бактерии начинают стремительно размножаться, поражая лимфатические узлы и другие органы, в том числе печень и селезенку.

Даже после того как в 40-х годах появились антибиотики, туляремию по-прежнему продолжали считать почти идеальным оружием для использования на поле боя: благодаря быстроте, с которой она распространяется, никакой полевой госпиталь или больница не сможет справиться с огромным потоком заболевших.

Если принять меры незамедлительно, то антибиотики смогут сначала приостановить распространение болезни, а потом уничтожить и сам микроб, на это требуется всего несколько дней. Чем позже приняты нужные антибиотики, тем дольше и сильнее мучается заболевший. В особенно тяжелых и запущенных случаях болезнь может тянуться месяцами.

Наилучшим средством против этой болезни считался тетрациклин, но я не имел ни малейшего понятия о том, насколько эффективным он может оказаться против того штамма туляремии, с которым мы работали у себя в лаборатории. В некоторых случаях даже чрезвычайно вирулентные штаммы поддавались лечению обычными антибиотиками и довольно быстро погибали.

Я позвонил жене моего друга, которая работала врачом в местной больнице, и сказал, что мне срочно нужен тетрациклин. При обычных обстоятельствах потребовался бы рецепт, но в маленьком городке было легко обойти правила.

— Сколько? — спросила она без малейшего удивления.

Быстро подсчитав, я попросил тройную дозу. Все-таки в режиме строгой секретности есть свои преимущества! Скажем, в США вряд ли мне удалось бы безо всяких объяснений приобрести такое количество антибиотиков.

Нужно было принять сразу ударную дозу. Если бы это не сработало, пришлось бы тут же лечь в больницу. Самолечение тоже имеет свои пределы.

Через час жена моего приятеля привезла нужные таблетки. Ослабев, я не мог встать с кресла, поэтому дверь открыла Лена.

К концу дня мучивший меня жар стал понемногу спадать. На следующий день я остался дома, сообщив на работе, что немного простудился. К среде или к четвергу мне стало намного лучше. Последующие десять дней я по-прежнему продолжал принимать

большими дозами тетрациклин, а в понедельник смог уже вернуться на работу.

Когда Лена спросила меня, что случилось, я объяснил, что в результате небольшого происшествия в одной из лабораторий подцепил легкую инфекцию. Она ничего не знала о туляремии, поскольку я никогда не рассказывал о своей работе. Жена сделала вид, что объяснения ее успокоили, и, только когда мы уехали из Советского Союза, призналась, что сильно испугалась в тот день.

Инцидент удалось скрыть. Но это было еще одним подтверждением опасности того, чем мы занимались.

7
АВАРИЯ В СВЕРДЛОВСКЕ
СВЕРДЛОВСК
1979 ГОД

Размещение завода по производству биологического оружия вблизи крупного населенного пункта — это верх безрассудства.

(Рэймонд Зилинскас, независимый американский микробиолог; из доклада, посвященного происшествию в Свердловске, 1980 г.)

«Биопрепарат» был самым строго охраняемым объектом времен «холодной войны», тайной, настолько тщательно скрываемой от посторонних глаз, что сотрудники разных отделов часто понятия не имели, чем занимаются их коллеги. Но даже самая совершенная и секретная структура основана на человеческих взаимоотношениях. Сплетни, профессиональные разговоры, соперничество, простое любопытство были причиной того, что мы иногда узнавали больше, чем следовало бы.

О том, что произошло в Свердловске, узнали все, но не сразу, а по прошествии времени.

Я узнал об этом происшествии случайно. В июле 1979 года я по-прежнему работал в Сибири. Это был трудный период в моей жизни. Мои достижения и несколько успешно решенных проблем стали казаться малозначительными и неинтересными, несмотря на признание, которое я получил в Москве. Я был не удовлетворен тем, как продвигается моя научная карьера. Мне казалось, что жизнь проходит зря.

Кроме жены, жаловаться мне было некому. Но так продолжалось недолго. Из Управления «Биопрепарата» в Бердск прислали с проверкой полковника Олега Павлова.

Павлов был из тех людей, которые с радостью отложат все дела ради хорошей компании, чтобы хлопнуть стопку-другую водки и поговорить по душам. Как-то раз в пятницу, после утомительного совещания, он вдруг спросил, есть ли неподалеку какое-нибудь местечко, где он мог бы, как он выразился, увидеть, что такое настоящая Сибирь.

Я объяснил, что по выходным все сотрудники со своими семьями отправляются на ближайшую речку покупаться и половить рыбу. В будни там обычно не было ни души.

— Чудесно! — вскричал он. — Давай только закуску купим.

Был чудесный жаркий летний день. В парке на берегу реки было пустынно и тихо, лишь ветви берез лениво шелестели на ветру. Павлов, сбросив одежду, с криком прыгнул в воду. Я последовал за ним, удивленно наблюдая, как он, словно ребенок, с удовольствием плещется в ледяной воде.

Выбравшись на берег и растеревшись полотенцами, мы оделись и принялись распаковывать закуску: вареные яйца, колбасу, хлеб и лук. Павлов захватил бутылку водки и два стакана. Устроившись в тени деревьев, мы блаженствовали и наслаждались природой.

Водка способна развязать язык любому. И я, сам не зная почему, вдруг выложил ему все, что у меня наболело.

— Здесь я не могу сделать ничего стоящего! — жаловался я. — Да и сам посуди: нужных специалистов мало, работы интересной нет. Хочется, чтобы нам хоть раз в жизни поручили какое-то серьезное дело.

Павлов, одним глотком осушив стакан, поставил его на землю возле себя.

— Не будь идиотом, — проворчал он, — позволь дать тебе один совет: не стоит мечтать о том, чтобы на тебя свалилась какая-нибудь серьезная проблема, потому что по закону подлости именно так и случается.

Не иначе как выпитая водка стала причиной того, что я вдруг резко поглупел и внезапно перестал понимать начальство с полуслова. Стараясь не выдать своего смущения, я отвел глаза в сторону: «Не следовало пить по жаре», — пробормотал я, надеясь, что Павлов просто улыбнется и можно будет перевести разговор на другую тему.

Но он и не думал смеяться.

— Ты ведь знаешь о Свердловске? — вдруг ни с того ни с сего спросил он.

Я не знал, что ответить. Конечно, нам было известно (неофициально) о существовании большого военного завода по производству бактерий, расположенного рядом со Свердловском. Знали, что построен он был уже после войны с использованием японской документации, взятой в качестве трофея при освобождении Маньчжурии.

— Вроде они там работают с сибирской язвой, — произнес я. — Ну и как, есть успехи?

Полковник в ответ возмущенно покачал головой:

— Ты что, не слышал о том, что там стряслось?

— А что?

Налив себе еще водки, он выпил ее залпом и вдруг загадочно улыбнулся:

— Впрочем, ты еще слишком молод, чтобы знать о таких вещах.

Я умолял его рассказать мне об этом, но он отказался.

— Может, и лучше, что ты ничего не знаешь. Нет, ничего не скажу. Я упомянул об этом для того, чтобы ты понял, какое счастье, что тебе не приходится заниматься чем-то «по-настоящему серьезным», как они там, в Свердловске. Ну, подумай сам, чего тебе не хватает? Ты молод, счастлив, у тебя есть семья. Забудь о своих честолюбивых планах!

Он налил себе еще. А я подумал, что пусть в моей жизни все будет так, как есть.

— Идиоты! — помолчав, вдруг взорвался полковник. — Сколько людей погубили!

Просидев еще несколько дней в Бердске за проверкой документов, Павлов вернулся в Москву. Он стал осмотрительней и больше никогда не упоминал о Свердловске.

Вся эта история стала общеизвестной несколько месяцев спустя. И вот каким образом. В ноябре 1979 года в журнале, издаваемом на русском языке одним из советских эмигрантов в бывшей Западной Германии, были опубликованы сведения о том, что в апреле того же года на одном из военных заводов в пригороде Свердловска произошел взрыв, в результате которого смертоносные бактерии попали в атмосферу. Автор статьи утверждал, что погибли более тысячи человек. Западные газеты моментально отреагировали на скандал. В прессе появились заявления официальных представителей американской разведки о том, что случай в Свердловске является явным доказательством того, что Советский Союз нарушает Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов биологического и токсинного оружия 1972 года.

Москва яростно отрицала все обвинения. 12 июня 1980 года ТАСС опубликовал официальное заявление, в котором говорилось о «вспышке сибирской язвы среди популяции домашних животных, возникшей по естественным причинам».

«Случаи кишечной и кожной форм сибирской язвы имели место и среди населения, поскольку нередки случаи, когда, к примеру, врачебный осмотр животных или перевязка осуществляются с нарушением принятых ветеринарных норм», — говорилось в данном заявлении; при этом указывалось, что все пострадавшие, пройдя курс лечения в местных больницах, живы и

чувствуют себя абсолютно нормально.

И автор разгромной статьи, и спецслужбы США были правы, утверждая, что на оборонном заводе в Свердловске произошла авария, но только многого они не знали.

Сотрудники «Биопрепарата» были в курсе того, что там произошло. Официальных заявлений, конечно, не было, но весть об этом происшествии распространилась с молниеносной скоростью. Позже я узнал правду от очевидцев аварии, которые работали в тот день на заводе, а также от офицеров, проводивших дезинфекцию территории.

Отнюдь не банальное любопытство было целью моих расспросов. Знать о том, что случилось в Свердловске, должны все, хотя бы для того, чтобы уметь защитить себя, если подобное несчастье повторится. Поднимаясь по служебной лестнице внутри Системы, я никогда не забывал об этом и старался, чтобы на заводах, находившихся в моем ведении, печальный опыт этого ужасного происшествия был учтен.

Инцидент в Свердловске самым неожиданным образом изменил не только мою жизнь. Руководство «Биопрепарата» было вынуждено уже совсем по-другому вести разработки все последующие десять лет. А я получил в результате как раз ту самую «серьезную работу», о которой так долго мечтал, и карьерный рост.

Но вернемся к аварии. Завод по производству сибирской язвы в сухой форме, носивший условное название «Городок 19», находился в ведении 15-го Управления и считался одним из самых сложных производств. Работа на заводе шла в три смены и была достаточно опасной. Культуры бактерий сибирской язвы отделялись от жидкой основы и высушивались для приготовления тонкодисперсного порошка для использования в аэрозольной форме, так что в помещении в воздухе всегда присутствовало некоторое количество спор. Все рабочие и технический персонал регулярно проходили вакцинацию, кроме того, в цехах на вытяжке стояли огромные фильтры, не позволявшие бактериям сибирской язвы попадать наружу и исключавшие всякую возможность заражения окружающей среды.

В последнюю пятницу марта 1979 года один из работников технического персонала завода, перед тем как уйти домой, оставил коротенькую записку своему сменщику, в которой говорилось: «Засорился фильтр, я его снял. Фильтр следует заменить».

В конце каждой смены огромные сушильные агрегаты выключались для краткой технической проверки. Забившийся фильтр, таким образом, не был каким-то необычным явлением,

вот только заменить его следовало немедленно.

Подполковник Николай Чернышов, бывший в тот день начальником смены, точно так же, как и его подчиненные, спешил поскорее уйти домой. По правилам ему следовало собственноручно сделать запись о неисправном фильтре в специальном рабочем журнале, чтобы следующая смена обратила на это внимание. Но, возможно, устав за день, он просто не обратил внимания на записку рабочего либо не придал ей особого значения.

Когда вечерняя смена вышла на работу, старший первым делом проверил записи в рабочем журнале. Не найдя ничего необычного или срочного, он отдал приказ снова запустить оборудование. И воздух, содержащий мельчайшие споры вируса сибирской язвы, вырвался через вентиляционные трубы наружу.

Прошло несколько часов, прежде чем технический персонал обнаружил отсутствие фильтра. Начальник смены немедленно отдал приказ выключить оборудование и поставить новый фильтр. О происшествии доложили руководству завода, но никто не предупредил об опасности свердловскую городскую администрацию или руководство Министерства обороны.

Спустя несколько дней начали заболевать рабочие завода по производству керамических изделий, который находился через дорогу от военного завода. Через неделю почти все они умерли.

Затем в местные больницы стали поступать заболевшие из других районов города. Как ни странно, среди них почти не было женщин и детей. Несколько лет на Западе предполагали, что русским удалось создать новое бактериологическое оружие, способное поражать исключительно взрослых мужчин. А причина на самом деле была проста: в ночную смену на любых предприятиях, тем более на заводах, женщины, как правило, не работали, да и на улицах поздно вечером редко можно было встретить гуляющих детей.

Западные ученые, проанализировав оказавшиеся в их распоряжении данные, пришли к выводу, что все произошло либо во вторник, 3 апреля, либо в среду, 4-го. Их предположения основывались на том, что о первых случаях заражения стало известно только два или три дня спустя, что вполне соответствовало инкубационному периоду сибирской язвы.

По свидетельству очевидцев, в тот злополучный вечер (а это была пятница, 30 марта) рабочие после смены спешили вернуться домой, многие направлялись в ближайшую «забегаловку», чтобы выпить. А уже в понедельник появились первые слухи о смерти от сибирской язвы рабочего по фамилии Николаев. Для того чтобы скрыть масштабы трагедии наверняка в медицинских отчетах,

касающихся эпидемии сибирской язвы, были изменены не только даты, но и количество заразившихся.

Последний случай заболевания был отмечен 19 мая. Позже Советский Союз официально утверждал, что всего было зарегистрировано 96 заболевших, при этом 66 человек умерли. Но мой коллега, работавший в «Городке 19» как раз в то время, сказал мне, что по его собственным подсчетам количество умерших было более ста человек. Боюсь только, что всей правды об этом мы так никогда и не узнаем. Ясно одно: это была самая ужасная вспышка ингаляционной формы сибирской язвы за все минувшее столетие.

Конечно, в Москве никто не питал ни малейших иллюзий относительно причин происшедшей трагедии. Как только поступили сообщения о первых случаях со смертельным исходом среди заболевших, стало известно и о преступной халатности подполковника Чернышова. Уже через неделю после трагедии группа военных во главе с генерал-полковником Ефимом Смирновым (начальником 15-го Управления) вылетела в Свердловск. К этой группе присоединился Петр Бургасов, тогдашний заместитель министра здравоохранения и член-корреспондент Академии наук СССР. Бургасов привез команду медиков, однако приказ правительства о сохранении строжайшей тайны связывал их по рукам и ногам, не давая принять все необходимые меры для того, чтобы быстрее справиться с эпидемией.

Никому не хотелось, чтобы в городе и за его пределами началась паника. Всем местным жителям было объявлено, что причиной заражения сибирской язвой было употребление в пищу инфицированного мяса. Спешно напечатанные и расклеенные повсюду листовки призывали жителей воздержаться от закупки «несерти-фицированных» пищевых продуктов. Было поймано и уничтожено более сотни бродячих собак под тем предлогом, что они копались в отбросах как раз возле того рынка, где было обнаружено инфицированное мясо. А тем временем территория завода была оцеплена военными, и сотрудники КГБ, представлявшиеся работниками медицинских служб, ходили по адресам, где были зарегистрированы случаи заболевания сибирской язвы со смертельным исходом, выдавая безутешным родственникам фальшивые свидетельства о смерти.

Заподозрили местные жители что-то неладное или нет, непонятно, но военные и КГБ держали под контролем обстановку в городе. Дональд Е. Эллис, профессор физики, который как раз в то время находился в Свердловске в научной командировке, сообщил, что он не заметил ничего необычного. «Я не исключаю

возможности того, что нечто подобное могло произойти, — рассказывал он корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» много лет спустя, — но, думаю, заметил бы, если бы власти предпринимали какие-либо попытки защитить население от инфекции. Но… мы ничего не знали о каких бы то ни было ограничениях».

Советский Союз десятки лет находился за железным занавесом. Но до сих пор многие факты неизвестны широкой общественности, как, например, то, что в 1957 году под Челябинском также произошел несчастный случай, но там речь шла о ядерном оружии. На одном из военных заводов из-за технической неисправности произошел выброс радиоактивной пыли, которая распространилась на несколько тысяч квадратных километров. Тогда из области было эвакуировано 20 деревень.

Неудивительно, что советские спецслужбы и официальные лица старались скрыть масштабы, да и сам факт трагедии под Свердловском. Если бы на Западе узнали правду, это поставило бы советских руководителей в неловкое положение и мог разразиться настоящий кризис в международных отношениях.

«Мы никак не могли понять, почему люди по-прежнему продолжали умирать, — рассказывал мне через много лет генерал, находившийся во время аварии в Свердловске. — Мы допускаем, что произошел короткий единовременный контакт с источником заражения, меры по дезинфекции были завершены уже через несколько дней, но ведь люди продолжали гибнуть спустя еще полтора месяца после трагедии!»

Именно эти меры и стали причиной того, что небольшая авария вызвала целую эпидемию сибирской язвы.

Секретарь обкома, которому сообщили, что на заводе произошла случайная утечка опасных для жизни микроорганизмов, приказал полить из шлангов дер'евья, дороги, крыши домов. Это только ухудшило ситуацию, споры распространились дальше в виде «вторичных аэрозолей»: после выброса они осели повсюду, потом от полива с испарениями опять поднялись в воздух. Пыль, содержащую споры сибирской язвы, разнесло ветром по всему городу, и в больницах стали появляться новые заболевшие.

Кожной формой сибирской язвы заражаются в тех случаях, когда споры попадают в тело жертвы через мельчайшие порезы или ссадины на теле, и встречается она обычно в сельских районах, в тех местах, где в больших количествах имеется домашний скот: коровы, овцы или козы. Это наиболее распространенная форма сибирской язвы, она редко заканчивается смертельным исходом, если проводить лечение

антибиотиками, в частности пенициллином. Эта форма характеризуется в первую очередь появлением небольшой язвы на коже. Конечно, вспышка кожной формы сибирской язвы в этом регионе была бы вполне объяснима, если бы не огромное количество заболевших среди рабочих, которые никак не могли контактировать с животными.

Споры сибирской язвы могут оставаться жизнеспособными долгие годы, чуть ли не десятилетия. Животные заражаются сибирской язвой через пищу. Люди, имеющие дело с зараженными животными — мясники, кожевники, фермеры, работники текстильных фабрик, — могут заразиться через порезы или ссадины либо вдохнув споры, а в некоторых случаях употребив в пищу мясо инфицированных животных.

Официальные лица в Советском Союзе заявили, что вспышка эпидемии произошла по причине появления на рынке инфицированного мяса. Врачи демонстрировали снимки, доказывавшие, что все заразившиеся страдали кишечной формой сибирской язвы, которая является самой редкой среди остальных форм данного заболевания (обычно заболевшие кишечной формой сибирской язвы составляют менее одного процента от общего числа зараженных). Но власти оказались не в силах скрыть наличие случаев и легочной формы сибирской язвы, самой опасной из всех, которая часто заканчивается смертью.

Всего десяти или двадцати тысяч спор достаточно, чтобы человек заразился сибирской язвой. Форма заболевания зависит от того, каким образом бактерии попали в организм человека. Самым опасным считается заражение через вдыхаемый воздух, содержащий споры, или через пищу, и менее серьезную угрозу представляет проникновение возбудителя через кожу. Легочная форма впервые была обнаружена в начале девятнадцатого века, когда работавшие на ткацкой фабрике заразились сибирской язвой. На фабрике был внедрен новый способ обработки шерсти, который и стал причиной того, что споры бактерий попали в воздух. С тех пор эту форму часто называют болезнью чесальщиков шерсти.

Как только споры попадают в организм, они сразу же пробуждаются к жизни и начинают активно размножаться. Проходит всего несколько дней, и бактерии сибирской язвы начинают вырабатывать токсины, которые, если объяснять упрощенно, прикрепляются к защитной мембране клеток крови, лишая их возможности бороться с заболеванием. Именно токсины, а не бактерии разрушают организм, очень часто вызывая смерть. Больному с ингаляционной (септической) формой сибирской язвы необходимо делать инъекции пенициллина еще

до того, как начнут вырабатываться первые токсины, чтобы антибиотики сразу же попали в кровь, и продолжать лечение в течение десяти дней. Тогда шансы на выздоровление составляют почти 100 процентов. Если токсины уже начали вырабатываться, то антибиотики становятся малоэффективными. На этой стадии болезни часто сочетают применение пенициллина и стрептомицина, однако гарантии выздоровления нет.

Стремительное развитие септической формы может быть остановлено только в том случае, если больному ввести антибиотики до появления первых симптомов болезни. Мне рассказывали, что тысячам жителей Свердловска дали антибиотики и сделали прививки сразу же после того, как были отмечены первые случаи заболевания. Однако некоторых спасти уже было нельзя: у них уже началась лихорадка, нарушение дыхания, а на теле, на груди и шее появилась черная сыпь.

Выведенный в Свердловске штамм возбудителя сибирской язвы оказался самым сильнодействующим. Он получил название Антракс 836.[10] История его создания по странной иронии судьбы связана с другой трагедией.

В 1953 году на кировском заводе по производству бактериологического оружия вирус сибирской язвы попал в систему городской канализации. Владимир Сизов, биолог, который вывел данный штамм, придя на работу в «Биопрепарат», сам рассказал мне эту историю.

По словам Сизова, из-за неисправности ферментатора произошла утечка, и жидкость с вирусом сибирской язвы вылилась наружу и попала в сточный колодец. Армейские специалисты, обнаружив утечку, немедленно провели дезинфекцию канализационной системы, однако очень скоро среди популяции грызунов стали появляться случаи заболевания сибирской язвой. Дезинфекции проводились регулярно на протяжении многих лет, но болезнетворные микроорганизмы попали глубоко в землю, и их невозможно было полностью уничтожить. В 1956 году Сизов обнаружил, что в теле одного из грызунов, пойманных в городской канализационной системы, развился совершенно новый штамм, более смертоносный, чем первоначальный. Армейское руководство, узнав об этом, отдало приказ немедленно культивировать его. Именно на базе этого штамма мы планировали разработать начинку для боеголовок, устанавливаемых на новых баллистических ракетах.

Восстановить все детали того, что происходило в те ужасные дни апреля и мая 1979 года, невозможно. Комитетчики тогда потрудились на славу, уничтожили все следы трагедии. Те, кто занимался очисткой и дезинфекцией, позже рассказывали мне,

что трупы буквально целиком заливались дезинфицирующими средствами. Все, что являлось документальным подтверждением произошедшей аварии, в том числе и отчеты врачей, и результаты патолого-анато-мических вскрытий, было уничтожено. Чтобы история с инфицированным мясом выглядела более правдоподобной, несколько продавцов свердловского рынка были арестованы.

Смирнов, начальник 15-го Управления, в далекие дни трагедии чуть ли не ежедневно встречался с Борисом Ельциным, тогдашним секретарем свердловского обкома партии. Ельцин имеет репутацию прямого и резкого в своих суждениях и поступках политика, но о том, что происходило в его регионе в те годы, он хранит молчание.

Если верить словам одного высокопоставленного военного, работавшего в то время в Свердловске, Ельцин пришел в ярость, узнав об аварии. Он поехал в «Городок 19» и потребовал, чтобы его впустили. Но по распоряжению министра обороны Дмитрия Устинова он не был допущен на предприятие. Ельцин с тех пор никогда не упоминал об аварии в Свердловске и о своей роли в этом деле. В своей автобиографии «Исповедь на заданную тему» он лишь вскользь упоминает о «трагическом» эпизоде, делая сноску, где утверждает, что эпидемия была вызвана «утечкой с секретного военного завода».

Через много лет после этого происшествия Свердловск с легкой руки многих западных аналитиков получил название «биологического Чернобыля». Масштабы трагедии, конечно, не сопоставимы с чернобыльской аварией 1986 года, но обе эти аварии показали, с какой халатностью относятся в нашей стране даже к стратегически важным объектам.

В феврале 1981 года, спустя два года после аварии в Свердловске, мне позвонил директор омутнинского комплекса Владимир Валов. В то время я уже был начальником технологического отдела. Он хотел сообщить, что какие-то «очень высокопоставленные генералы» собираются посетить наш научно-исследовательский комплекс.

«Пусть в Корпусе 107 останется только технический персонал, работающий во внутренних зонах. Остальных сотрудников отправь по домам, — приказал он. — Ты тоже останься. Будешь сопровождать гостей».

В 17.30 к зданию подъехал УАЗ, из него вышли двое: генерал Лебединский, сменивший Смирнова на посту руководителя 15-го Управления, и Шахов (как мне позже сказали, глава отдела оборонной промышленности в ЦК КПСС). Оба были в гражданском, но по всему было видно, что Шахов значительно

главнее, чем Лебединский, который был в его присутствии необычайно вежлив.

В Омутнинске все высшее руководство стремилось попасть в Корпус 107. Сопровождать гостей в качестве экскурсовода для меня было привычным занятием. Вот и сейчас я подвел генералов к окнам, сквозь которые можно было увидеть Зону П.

Они долго разглядывали хранилище, где рядами стояли стеллажи с исходным материалом и промышленные ферментаторы. Один из техников в специальном костюме занимался дезинфекцией.

— Как же много мер безопасности требуется для каких-то крошечных бактерий! — пошутил Лебединский. — На наших предприятиях это устроено несколько иначе.

Шахов холодно взглянул на него.

— И зря. Если бы вы, товарищ генерал, не относились к этому с такой иронией, то аварии в Свердловске можно было бы избежать и вы не погубили бы стольких людей, — тихо заметил он.

Я никогда не забуду, как Лебединский открыл рот и побледнел: ведь его, генерала, при постороннем одернули, как мальчишку. Через мгновение Лебединский круто повернулся и зашагал мимо нас дальше по коридору. Я хотел последовать за ним, но Шахов опустил руку мне на плечо и покачал головой. Только выждав некоторое время, он направился вслед за Лебединским. На этом наша экскурсия была закончена.

После аварии в Свердловске перед руководством биопромышленного комплекса встал вопрос: что делать с заводом? Под пристальным вниманием мировой общественности продолжать там работу с сибирской язвой было невозможно, даже несмотря на то, что город оставался для иностранцев по-прежнему закрытым.

В СССР было построено три завода, специализирующихся на производстве сибирской язвы: в Свердловске, Пензе и Кургане. Но производство велось только на свердловском заводе. Остальные заводы были резервными, имевшиеся там штаммы бактерий содержали в специальных хранилищах в ожидании приказа из Москвы о запуске промышленных линий. Военным не стояло надеяться на возобновление промышленного производства оружия на основе сибирской язвы на заводе в Свердловске, они не в силах были отменить решение о прекращении деятельности завода, которое было принято партийным руководством страны сразу же после аварии.

Давление со стороны военных с каждым месяцем все возрастало, они требовали увеличить производство

биологического оружия, хотя ни партийные бюрократы, ни армейское начальство не понимали, какой смертоносной силой оно обладает, и не могли в полной мере оценить той страшной угрозы, которая связана с производством биологического оружия.

В это время руководство «Биопрепарата» ловко воспользовалось ситуацией, чтобы обернуть ее в свою пользу. Оружие на основе возбудителя туляремии, успешно разработанное на нашем предприятии, было ничуть не хуже, чем обычное вооружение. А то, что официально мы были гражданской организацией, позволяло скрывать нашу деятельность от Запада.

* * *

В 1981 году в соответствии с секретным указом Брежнева материалы и документация свердловского завода по производству биологического оружия были отправлены в Степногорск, в северный Казахстан, где размещалось одно из предприятий «Биопрепарата».

Происходящие перемены коснулись и меня лично. Работа с туляремией принесла наконец ощутимые результаты, а это в первую очередь отразилось на моей репутации. Все мои сомнения и неуверенность ушли в прошлое.

Всем скоро стало известно о планах переоборудования предприятия в Степногорске для производства сибирской язвы — в течение долгих месяцев это было у нас главной темой всех разговоров. Наиболее честолюбивые сотрудники радовались такому повороту событий, ведь участвовать в столь грандиозном проекте считалось престижным. К тому же на такие проекты обычно выделялись немалые бюджетные деньги, а значит, ни в чем отказа не будет. Да и мне тоже хотелось продвинуться по службе.

В то время я еще был в звании майора, но, конечно же, мечтал стать директором нового комплекса и, как никогда, был уверен в своих силах. Успехи в моей предыдущей работе с туляремией давали мне некоторый перевес над другими кандидатами, и я нисколько не сомневался, что справлюсь с новой работой.

Позвонив Калинину, я сказал, что хотел бы обсудить с ним возможность моего назначения на пост руководителя нового предприятия. Мне показалась, что моя прямота и напористость в какой-то мере даже импонировали ему. Была только одна сложность: в Степногорске уже был директор — полковник Давыдкин, которого назначили на эту должность всего год назад.

Калинин, подумав немного, велел мне пока взять отпуск, а он решит, как лучше действовать.

Через несколько дней я с семьей уже направлялся в Степногорск. Меня назначили на должность заместителя директора нового предприятия по производству сибиреязвенного оружия.

На новом месте был устроен торжественный обед, на котором присутствовало все степногорское руководство. Полковник Давыдкин, директор предприятия, отведя меня в сторону, вдруг шутливо ткнул меня в бок.

— Канатжан, — сказал он, — все-таки здорово, что ты здесь; только ответь мне честно, ведь ты приехал, чтобы занять мое кресло?

Я рассмеялся:

— С чего ты взял? Конечно же, нет!

Но не прошло и месяца, как Давыдкина куда-то перевели, а меня назначили директором Казахстанской научно-производственной базы в Степногорске.

А тем временем в Свердловске в «Городке 19» промышленное производство сибирской язвы было официально закрыто. Военное предприятие должно было дальше использоваться лишь в качестве научно-исследовательской базы и как хранилище запасов биологического оружия. В 1983 году несколько десятков военных специалистов с уральского завода по производству сибирской язвы были переведены в Казахстан. Среди них был и Николай Чернышов.

Впервые с Чернышевым я познакомился в 1984 году. Он пришел ко мне в сопровождении начальника отдела специальной техники безопасности степногорского предприятия подполковника Геннадия Лепешкина. Эти двое разительно отличались друг от друга.

Молодой, общительный, острый на язык, Геннадий Лепешкин был очень энергичным человеком. Чернышев был немного старше Лепешкина, ему в те годы было уже под сорок, и в его густых каштановых волосах проглядывалась седина. Я о нем почти ничего не знал, кроме того, что он считался признанным экспертом.

Я ненавидел играть роль большого начальника, особенно в присутствии людей моего возраста, и очень скоро мы стали пить чай и непринужденно беседовать, вспоминая общих знакомых, работавших в «Биопрепарате» и в 15-м Управлении. Но говорили только мы с Лепешкиным, Чернышев же практически не участвовал в нашем разговоре. Когда он ставил на стол чашку, я вдруг заметил, как сильно дрожат его руки.

Перехватив мой недоумевающий взгляд, Лепешкин ухмыльнулся.

— Коля, — сказал он, поворачиваясь к Чернышеву — может, стоит рассказать нашему начальнику Канатжану о том, что ты натворил?

— Ну-ка, ну-ка, рассказывай, — с улыбкой предложил я, искренне наслаждаясь установившейся между нами дружеской атмосферой. — Даю честное слово, что тебе ничего не будет.

Я, было, решил, что Чернышев что-то напутал в расчетах, в лабораторных тестах. Он был опытным специалистом, следовательно, речь не может идти о чем-то, действительно, серьезном. Но Чернышев неожиданно покраснел. Он сидел молча и маленькими глотками пил чай.

А Лепешкин уже был не в состоянии остановиться.

— Слышал об аварии в Свердловске? — спросил он, обращаясь ко мне.

К тому времени я, конечно, уже все знал.

— А знаешь, из-за кого все произошло?

— Из-за кого?

— Да вот он — виновник, сидит напротив тебя.

Не веря собственным ушам, я молча смотрел на Чернышева. Лицо его было неподвижным, словно маска. Он сидел, уставившись в одну точку, и только руки тряслись, будто у немощного старика. Казалось, еще немного — и он расплачется.

Лепешкин принялся рассказывать, что случилось тем мартовским вечером в Свердловскеˆ Чернышев даже не пытался что-либо отрицать. Он вообще не проронил ни слова.

Лепешкин улыбнулся: «Вот теперь ты все знаешь. Именно он погубил столько народу».

Чернышев встал и молча вышел из кабинета.

Я подумал, что Лепешкин слишком жестоко поступил сейчас с Чернышевым. Но, с другой стороны, в душе у меня волной поднималось злость: как ему удалось избежать наказания? И, что уж было совсем непонятно, почему? Перед тем как перевести его ко мне на предприятие, никто не предупредил меня о том, что он натворил.

По-видимому, вину Чернышева попросту замяли. Все, кто знал об аварии, держали язык за зубами. Ведь более тщательное расследование в «Городке 19» вызвало бы слишком большой шум, даже в правительстве нашлись бы желающие задать ненужные никому вопросы о той работе, что велась на заводе. А на Западе подобная авария вызвала бы настоящую бурю: было бы проведено тщательное расследование, действия всех и каждого разбирались бы до мельчайших деталей, чтобы впредь исключить повторение

подобных ошибок. Наша же пресловутая секретность не только помогла скрыть происшедшее, но и способствовала тому, что трагедия в будущем могла повториться.

Судьба свела меня еще с одним участником тех событий — подполковником Борисом Кожевниковым. Он рассказал мне, что через год после трагедии бригаде рабочих было приказано переместить 250-литровые контейнеры ТР-250 с сухой рецептурой сибирской язвы в бункеры «Городка 19». Кожевников должен был сопровождать рабочих, пока те на тележках везли тяжелые контейнеры к бункеру. Внезапно одна тележка подскочила на кочке, и контейнер свалился и открылся.

— И что же ты сделал? — спросил я.

— Просто закрыл его и все, — пожал он плечами и поспешно добавил, что приказал продезинфицировать все вокруг.

К счастью, никто не заболел. И, конечно же, его начальство так ни о чем и не узнало. Я был в шоке.

* * *

В 1988 году в США по приглашению доктора Мэтью Месельсона, весьма уважаемого профессора из Гарварда, приехала группа советских медицинских экспертов для того, чтобы рассказать «правду» о том, что случилось в Свердловске в 1979 году. Они побывали в Вашингтоне, Балтиморе и Кембридже, выступили с целой серией сообщений, на которых демонстрировали медицинские отчеты и фотографии, подтверждавшие, что все пострадавшие заболели только кишечной или кожной формой сибирской язвы. Делегацию возглавлял Петр Бургасов, тот самый, который в 1979 году руководил бригадой врачей, прилетевших в Свердловск сразу же после аварии.

Бургасов, уйдя в отставку с поста заместителя министра здравоохранения, с грустью сказал, что общественность слишком долго ждала объяснений. Но вина за это, продолжал он, лежит исключительно на бывшем Советском правительстве, не желавшем обнародовать ужасающие подробности этой аварии. Слова «перестройка» и «гласность», вызывавшие на Западе неизменное восхищение, позволили ему убедить слушателей в том, что он говорит правду.

Журнал «Science» в статье, посвященной приезду делегации русских медиков, писал: «Над загадочной эпидемией в Свердловске 1979 года наконец-то слегка приоткрылась завеса тайны. В течение целых восьми лет официальные лица в США

высказывали обеспокоенность неожиданной вспышкой сибирской язвы, которая имела место в апреле 1979 года среди жителей Свердловска; однако Советы утверждали, что люди просто заболели… употребив в пищу инфицированное мясо.

11 апреля делегация советских должностных лиц посетила Национальную Академию наук в Вашингтоне… они представили то же самое объяснение, что и в 1980 году, но сообщили при этом массу мельчайших деталей, что позволило убедить даже самых больших скептиков в том, что в данном случае речь идет о трагической случайности».

За несколько месяцев до поездки Бургасова и его коллег в США копия доклада, который он собирался там сделать, легла на мой письменный стол. Меня как научного руководителя «Биопрепарата» попросили подтвердить выводы, сделанные в докладе.

Тогда мне было безразлично, узнают ли американцы правду о том, что произошло в Свердловске, или нет. Но доклад Бургасова не выдержал бы критики любого уважающего себя эпидемиолога. Как он вообще мог рассчитывать, что кто-то на Западе поверит в то, что люди могли несколько недель питаться инфицированным мясом уже после первых случаев заражения? Несколько смертей можно было бы объяснить, но вот эпидемию — вряд ли. Как, к примеру, объяснить факт, что эпидемия коснулась только взрослых мужчин? Разве дети и женщины не едят мяса?

Доклад мне передал генерал Лебединский и сказал, что хотел бы услышать мои замечания.

— Скажите, Владимир Андреевич, — спросил я, — что в действительности было причиной трагедии в Свердловске?

— Инфицированное мясо, а что же еще? — без колебаний ответил он.

И тут я напомнил о его приезде в Омутнинск, когда Шахов при мне упрекнул его в небрежности. Он был удивлен.

— Так это был ты? — воскликнул генерал. На лице его появилась отеческая улыбка.

— Послушай, — начал он, — ты можешь думать что угодно об истинной причине эпидемии. Но меня об этом никогда не спрашивай. Ты меня понял? Потому что, даже если ты спросишь, ответ все равно будет один: инфицированное мясо.

Я отказался поставить свою подпись под докладом и объяснил, что не хочу, чтобы мы выглядели на Западе полными дураками. Бургасов, узнав об этом, пришел в ярость.

— Передайте этому молодому человеку, что пусть напишет тогда свой собственный доклад! — спустил пар он на Калинина, который со своей обычной бестактностью передал этот разговор

мне.

Итак, Бургасов отправился в Америку излагать свою версию событий, и, признаться честно, я был поражен тем, что она имела успех.

Правда о трагедии в Свердловске или, по крайней мере, хотя бы часть ее впервые была опубликована в России. Случилось это благодаря интервью, которое Борис Ельцин дал корреспонденту газеты «Комсомольская правда» в мае 1993 года.

— Именно наши оборонные разработки стали причиной «аварии», — туманно сказал Ельцин, добавив в конце, что после всего случившегося он попросил тогдашнего шефа КГБ Юрия Андропова и министра обороны Устинова закрыть бактериологическое предприятие.

Когда же корреспондент спросил, почему же так долго он хранил молчание об этой трагедии, Ельцин удивленно ответил: «Так ведь никто ж меня не спрашивал».

В 1998 году опять вспомнили об аварии в Свердловске, и в российских газетах промелькнули сразу несколько статей, в которых официальным лицам задавали вопрос об истинных причинах эпидемии сибирской язвы.

Ответ был один — инфицированное мясо.

8
УСПЕХ
СТЕПНОГОРСК
1983–1987 ГОДЫ

С момента моего назначения в Степногорск прошло несколько недель, а меня уже вызвали в Москву для участия в совещании. В первом отделе, размещавшемся на самом последнем этаже здания на Самокатной улице, мне показали секретный приказ 1982 года за подписью Брежнева. До этого мне не приходилось знакомиться со столь важными государственными секретами.

Офицер безопасности вынул документ из красной папки, положил его на стол передо мной и встал за моей спиной. Судя по всему, меня ознакомили лишь с той частью документа, которая касалась непосредственно моей работы. Я уже знал примерно суть приказа: необходимо переоборудовать наше предприятие на севере Казахстана и сделать из него завод по производству биологического оружия, который со временем должен заменить свердловский завод.

Нам предстояло работать с новыми штаммами сибирской язвы. Одним из них был Антракс 836. Он был обнаружен в 1953 году в Кирове и мог стать «боевым штаммом» (как мы это называли) по трем причинам: его без проблем можно было производить в больших количествах промышленным способом; во-вторых, он обладал высокой вирулентностью и, в-третьих, был пригоден для долговременного хранения и транспортировки. Сначала я работал над технологией его выращивания и подготовкой к использованию, добиваясь нужной нам концентрации. Затем перешел к разработке соответствующей инфраструктуры, без которой мы не смогли бы решить вопрос о его промышленном производстве. Надо было отрегулировать огромное количество ферментаторов, сушилок, мельниц, центрифуг и другого специального оборудования.

Многие в Москве, особенно те, кто непосредственно руководил разработкой и производством биологического оружия, были уверены, что осуществить этот проект невозможно. А кое-кто надеялся, что «Биопрепарат» и его не в меру самоуверенный начальник на этом задании сломают себе шею. Успех с туляремией сделал Калинина весьма влиятельным человеком, но достаточно было только упомянуть его имя, чтобы задеть

самолюбие некоторых персон из высших эшелонов власти.

Как-то раз на совещании в Москве уже немолодой генерал Тарасенко, в то время заместитель начальника 15-го Управления, вдруг отвел меня в сторону.

— Поздравляю с новым назначением, Алибеков, — добродушно сказал он, похлопывая меня по плечу. — Давно пора дать дорогу нашей молодежи!

Польщенный его вниманием, я улыбнулся. Тарасенко был заслуженным военным ученым, известным и уважаемым специалистом в области разработок советского биологического оружия.

— Однако будьте настороже, — посоветовал он. — Производственная линия, которую ты должен создать, может не оправдать ваших надежд. Поверь мне, молодой человек, поверь моему тридцатилетнему опыту. Уж кому, как не мне, знать, из чего будет толк, а из чего нет. У тебя ничего не выйдет: эта гора металла никогда не заработает.

Я был слишком ошеломлен, чтобы возражать. Тарасенко снова дружески похлопал меня по плечу.

— Зато, уверен, ты получишь все необходимое для реализации проекта, — продолжал он, — но «Биопрепарат» взялся за непосильную задачу, имей в виду, что именно тебе придется отвечать за провал!

Казахстанская научно-производственная база, основанная в 1982 году, была частью НПО «Прогресс», выпускавшего пестициды и удобрения. Новое оборудование заняло больше половины помещений «Прогресса». Однако никому из нескольких тысяч работников, занятых производством пестицидов, естественно, ничего не было известно о предназначении этого оборудования. Предприятие стало одним из шести подобных ему заводов для производства биологического оружия.

Официально я был назначен заместителем директора «Прогресса», но моя настоящая должность давала мне куда большие полномочия, чем имел обычный заместитель руководителя завода: я был «военным руководителем» всего комплекса. Предполагалось, что в случае возникновения того, что на языке военных именовалось «особым периодом» усиления напряженности в отношениях между сверхдержавами, руководство предприятием должно было тут же перейти в мои руки. И при получении шифрограммы из Москвы я должен был немедленно превратить «Прогресс» в военный завод.

В этом случае штаммы особо смертоносных бактерий будут извлечены из специальных хранилищ и посеяны. В Степногорске основным являлись бактерии сибирской язвы, но кроме них мы

работали с возбудителями сапа и могли в нужный момент начать производство оружия на основе туляремии и чумы. Полученные патогенные микроорганизмы будут расфасованы в бомбы или распылительные установки и отправлены в порты, на железнодорожные вокзалы и аэродромы, откуда их должны доставить на объекты военного назначения или военные базы по всей территории России.

Оружие будет производиться до тех пор, пока не придет приказ из Москвы об остановке производства либо завод не будет уничтожен.

В наши дни, наверное, трудно представить, что мы серьезно и обстоятельно готовились к войне. Но в то время я и мои коллеги нисколько не сомневались в том, что военный конфликт между сверхдержавами неизбежен.

В начале 1980-х годов отношения между Советским Союзом и Западом значительно ухудшились по сравнению с предыдущими десятилетиями. На президентских выборах в США победил Рональд Рейган. При нем начался новый виток гонки вооружений. Советские солдаты в это время гибли в Афганистане от рук моджахедов, поддерживаемых американскими спецслужбами. Вашингтон планировал разместить в странах Западной Европы новое поколение крылатых ракет, которые в считанные минуты могут достичь территории России. По расчетам американских аналитиков потери Советского Союза в случае ядерной войны составят не менее шестидесяти миллионов человек.

Мы осознавали, какая опасность нависла над нами. Все газеты наперебой передавали слова Рейгана, назвавшего нашу страну империей зла. И хотя между собой мы частенько подшучивали над стареющими генсеками, все же нетрудно было поверить, что милитаристы на Западе, воспользовавшись нашей слабостью, обрушатся на нас всей своей мощью и уничтожат. Было очевидно, что в этом случае наши военные нанесут ответный удар и, вполне возможно, применят биологическое оружие.

НПО «Прогресс» было необычным предприятием. Расположенное в десяти километрах от Степногорска, вблизи урановых рудников, оно было огорожено со всех сторон бетонным забором с колючей проволокой. На территории комплекса не было никакой растительности. Она уничтожалась специально на случай непредвиденной утечки болезнетворных бактерий. Урок, полученный в Свердловске (когда «мудрое» решение поливать кусты и деревья из шлангов, дабы уничтожить инфекцию, привело к вторичному ее распространению), все же не прошел даром. Для того чтобы исключить всякую возможность незаметного

проникновения посторонних на территорию базы, повсюду были установлены датчики движения.

Комплекс был настолько огромен, что представлял собой миниатюрный город, где существовали даже улицы. Войти на его территорию как военным, так и гражданским можно было только по пропускам через проходные с вооруженной охраной.

Так как западные спецслужбы пристально следили за всеми объектами, где, по их сведениям, могло производиться биологическое оружие, система охраны на предприятии стала еще более строгой. Нельзя было привлекать внимание к тому, что здесь происходило.

Как руководитель я нес ответственность за жизнь и здоровье сотен людей, которые были в моем подчинении, но как ученый понимал, какую угрозу для жизни моих сотрудников, да и моей собственной, может представлять малейшая неосторожность или простая небрежность в работе. Поэтомуужесточившиеся правила и инструкции соответствующих служб меня устраивали.

Лена говорила, что по ночам я так скрипел зубами, что она не могла уснуть. И еще я начал разговаривать во сне.

— Ты что-то бормотал о каких-то требованиях, — улыбалась она. — Постарайся забыть о работе, когда возвращаешься домой.

Но даже если бы я хотел забыть, то не смог бы. В Степногорске был один человек, который постоянно держал меня в напряжении.

Как-то утром в октябре 1983 года, через несколько недель после моего переезда, подполковник КГБ Анатолий Булгак, начальник режимной службы нашего предприятия, приоткрыл дверь моего кабинета и просунул внутрь голову.

— Можно войти? — поинтересовался он и переступил порог, прежде чем я успел ответить.

Грузно опустившись на стул, Булгак непринужденно вытянул ноги.

— Поскольку нам с вами предстоит и дальше работать вместе, — начал он, — думаю, будет лучше, если мы станем друзьями.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Это не мне нужно, — пояснил он. — В первую очередь это нужно вам.

Он замолчал. И я молчал, ожидая, что же будет дальше.

— Мы с вами оба знаем, сколько новых людей скоро приедут сюда, — снова заговорил он, видимо, несколько задетый тем, что я никак не реагировал на все его намеки. — Тут будет полно народу. Можно легко наделать ошибок.

— Ошибок? — переспросил я.

Выпрямившись на стуле, он подобрал под себя ноги и уперся кулаками в колени, явно желая подчеркнуть важность того, что собирался сказать.

— Под ошибками я имею в виду нарушения требований режима секретности, — объяснил он. — А этого мы недопустим.

— Не вижу никаких особых причин для волнений, — возразил я. — К тому же могу вас заверить, что немедленно дам вам знать, как только у меня возникнут какие-либо проблемы в этом отношении.

— Вижу, вы не понимаете, — нетерпеливо перебил меня Булгак. — Было бы естественным и даже разумным заблаговременно изучить личные дела всех, кто будет тут работать. Если вы согласитесь, думаю, с Москвой особых проблем не будет.

— Не думаю, что вы обладаете необходимой квалификацией, чтобы решать, кто из специалистов подходит для работы здесь, а кто нет. Или я ошибаюсь?

Я постарался, чтобы эта фраза прозвучала как можно безобиднее, но Булгак тут же принял мои слова за упрек в собственном невежестве (чем, собственно говоря, они и были).

Вообще, Булгак испытывал благоговейное отношение к науке, как многие малообразованные люди. При этом он возненавидел бы каждого, кто посмел бы намекнуть на его собственное невежество. Когда я познакомился с ним поближе, то очень скоро понял, что он до смерти боится того, что происходит за стенами наших лабораторий. Если он начинал относиться к моим сотрудникам с подозрением или был не согласен с секретностью наших мероприятий, я немедленно отдавал распоряжение выдать ему костюм биологической защиты и предлагал вместе отправиться в Зону II для того, чтобы он лично все проверил. Но он каждый раз поспешно отказывался, невразумительно бормоча, что он зайдет как-нибудь в другой раз, а то сейчас у него по горло других дел.

Стук в дверь прервал затянувшееся молчание. Пришел один из руководителей лаборатории. Поднявшись на ноги, Булгак ухмыльнулся.

— Все равно вам не обойтись без моей помощи, — заявил он. — Сами увидите.

Не поздоровавшись, он прошел мимо сотрудника и вышел из кабинета. Проводив его взглядом, мы молча переглянулись, и я заметил на лице коллеги некоторую брезгливость. И неудивительно.

У Булгака были довольно приятные, мягкие черты лица, но острый, пронизывающий взгляд и неприветливость вызывали в

людях неприязнь. Он был достаточно молод, лет 35–40. Казалось, каждое его движение, каждый жест словно отрепетирован перед зеркалом в расчете произвести впечатление на окружающих. Он предпочитал носить темно-серые костюмы и непременно темные ботинки. В Степногорск его перевели из какого-то заштатного городка в Казахстане месяцев за шесть до моего приезда.

Сам по себе он был достаточно заурядным человеком. Многие его побаивались, но тем не менее за спиной безжалостно над ним издевались. Булгак обладал немалой властью в нашем институте. У КГБ такие люди, как он, были на всех предприятиях по разработке биологического оружия. Начальник режимной службы автоматически считался заместителем директора предприятия, но отчитывался только перед своим непосредственным начальством с Лубянки.

И каждому директору приходилось мириться с таким положением дел. КГБ прилагал немало сил и энергии, чтобы держать под контролем не только руководящих работников «Биопрепарата», но и технический персонал. Избежать его всевидящего ока было попросту невозможно: к каждому предприятию прикреплялось от десяти до пятнадцати офицеров КГБ, с помощью которых нас держали в узде, к тому же у них было немало добровольных информаторов.

Савва Ермошин порой шутил, что в компетентные органы «стучит каждый десятый советский гражданин». Можно было предположить, что примерно то же самое происходит и на нашем предприятии. Я никогда с ним не спорил. Наверняка, копаясь в моем личном деле, он узнал, что и я чуть не стал информатором. И воспоминания об этом неприятном эпизоде в моей биографии, возможно, были причиной моего неприязненного отношения к Анатолию Булгаку.

Вот как это было. В 1979 году, за пять лет до моего назначения в Степногорск, будучи в Бердске научным сотрудником, я закончил разработку лабораторной технологии производства бруцеллезной рецептуры для использования в биовооружениях. Это было мое первое серьезное задание. Оно было санкционировано моим научным руководителем, полковником Львом Ключеровым. Я отправил доклад об успешном окончании работ в Москву, нисколько не сомневаясь в том, что Ключеров захочет как можно быстрее узнать о результатах.

Однако ответа не последовало. Уже это должно было меня насторожить.

Спустя несколько дней начальник режимной службы в Бердске полковник Филипенко вошел ко мне в кабинет, держа в

руках копию моего доклада.

— Что все это значит? — спросил он.

Немало польщенный тем, что даже КГБ проявил интерес к моей работе, я начал докладывать подробно. Когда я перешел к перечислению всех составляющих питательного раствора, Филипенко внезапно прервал меня.

— Похоже, вы меня не понимаете, — сказал он. — Я спрашиваю, кто отдал распоряжение это сделать?

Я удивился и ответил, что исследования санкционировал полковник Ключеров.

— Этого не может быть! — рявкнул он. — Я только что звонил ему в Москву! Он сказал, что слышит об этом впервые!

— Но он сам дал… — и вдруг я остановился на полуслове.

Сердце у меня ушло в пятки. Я вдруг сообразил, что совершенно забыл согласовать с режимной службой свое задание. Это правило существовало еще со времен Лаврентия Берии, курировавшего работы по созданию биологического оружия. До аварии в Свердловске на предприятиях попросту игнорировали эти правила предосторожности, но потом меры по обеспечению режима секретности ужесточились, и я невольно подвел своего руководителя.

Когда я связался с Ключеровым, он был в ярости.

— Вы что, не знаете, что от вас не требовалось, чтобы вы что-то изобретали?! Вы должны были просто проанализировать, возможно ли такое в принципе или нет! — ледяным тоном процедил он. — В вашем рвении вы зашли слишком далеко.

Спорить и возражать не имело смысла. Только сейчас я понял, что в КГБ, куда попал мой отчет, могут воспользоваться этим для обвинения руководителей «Биопрепарата» в том, что они занимаются собственной разработкой оружия. Нормальный руководитель списал бы все на мою неопытность, но Ключеров и его начальство не были заинтересованы в этом'а стремились обезопасить самих себя.

На следующий день меня вызвали в Управление КГБ в Бердске. Приказ явиться туда получил и Владимир Румянцев, мой коллега и товарищ, о котором я уже рассказывал. Всю дорогу в Управление мы шли молча. Офицер в штатском провел меня в кабинет начальника. Румянцеву было приказано подождать.

Начальник Управления Кузнецов сидел в кабинете и читал мой доклад. Листы были разбросаны по всему столу. Я огляделся по сторонам в поисках стула, но мне не было предложено сесть.

Когда я вошел, Кузнецов даже не поднял головы. Он читал мою работу невозмутимо и сосредоточенно, напомнив мне одного из наших профессоров в Томске. Время от времени он покачивал

головой. Дочитав, он резко встал из-за стола и направился ко мне, подойдя почти вплотную.

— Зачем вы это сделали?! — выкрикнул он.

— Я получил приказ, — еле слышно отозвался я.

— Так вы фашист?!

— Что?!

— Только фашист может сказать, что убивал людей, повинуясь чьему-то приказу.

— Но я никого не убивал! — запротестовал я. — Я просто работал… я выполнил то, что мне приказали.

— Это неважно. Ясно, что вы можете убить, если прикажут. Собственных мозгов у вас, похоже, нет.

С каждой секундой его рев все нарастал.

Я был совершенно раздавлен. У меня появилось ощущение, что я и впрямь кого-то убил!

Как же долго это продолжалось! Мне показалось, что прошел час, как я переступил порог кабинета. Кузнецов настойчиво называл меня фашистом, а я упорно продолжал все отрицать и терялся в догадках. Что он от меня хочет? Может, если я сознаюсь, что я фашист, он перестанет кричать на меня? Но зачем признаваться, если меня все равно уволят?

Я представил себе отца в кителе с боевыми орденами и медалями. Поверит ли он в то, что его сын — фашист?

— Послушайте, — перебил я его, — если вы считаете меня фашистом, почему бы вам просто не взять меня под стражу?

Кузнецов сразу же перестал кричать, заглянул мне в глаза и, не говоря ни слова, снова уселся за стол. От внезапно наступившей тишины зазвенело в ушах.

— Думаю, это лишнее, лейтенант, — улыбнулся он вдруг. — Все мы ошибаемся. Может быть, я даже прощу вас… но мне нужна ваша помощь.

— Каким же образом я могу вам помочь?

— Я вам сейчас скажу, — сказал он, протянув ко мне свои руки, — в вашу пользу говорит только один факт: ведь вы недавно вступили в партию, верно?

Я кивнул. Членство в Коммунистической партии было вовсе не обязательным, но без этого нельзя было получить продвижение по службе. Вот и я тоже вступил в партию, чтобы иметь хорошую характеристику.

— Вы хороший молодой ученый, — дружелюбно продолжал Кузнецов, — коммунист. Но среди ученых есть много беспартийных, и нам неизвестно, что они за люди, о чем думают. Может быть, у них есть сомнения. Может быть, кое-кто из них неблагонадежен.

Кузнецов вопрошающе посмотрел на меня, но я растерялся и не понимал, куда он клонит.

— Что ж, — сказал он, решив, что хватит ходить вокруг да около, — вы бы могли помочь нам понять, что происходит.

И только тут я сообразил, что он имеет в виду.

— Вы предлагаете мне стать вашим информатором? — спросил я.

— Нет, нет, — резко возразил он, — скорее, так называемым «добровольным помощником».

Я сразу почувствовал себя увереннее. Выходит, меня никто не собирался арестовывать! Мне было стыдно за то, что я так перепугался.

— Бесплатно? — бодро поинтересовался я.

Прошло несколько секунд, прежде чем до него дошел смысл вопроса. Кузнецов снова взорвался.

— Я с вами шутить не намерен и вам не советую! — прорычал он и махнул рукой, чтобы я уходил.

Я вышел и наткнулся на Румянцева. Бледный и взвинченный, он метался из угла в угол. Не знаю, удалось ли ему что-то услышать из нашего разговора. Я хотел было успокоить его, как вдруг дверь в кабинет распахнулась и Кузнецов произнес:

— Можете не ждать своего приятеля. Отправляйтесь домой.

В тот же день поздно вечером Румянцев пришел ко мне домой, прихватив с собой две бутылки водки. Мы молча выпили одну бутылку и принялись за другую, когда он наконец заговорил.

— Канатжан, — сказал он, — я знаю, что ты отказался.

— Это правда, — ответил я, полностью придя в себя после разноса Кузнецова и невероятно гордый оттого, что нашел в себе силы это сделать.

Румянцев опрокинул еще одну стопку и вытер губы.

— То же самое сказал ему и я.

— Это все ерунда. Не стоит из-за этого так переживать, — ответил я и перевел разговор на другую тему.

Прошло несколько месяцев. Но время от времени Румянцев на вечеринках отводил меня в сторону, туманно намекая на наш визит в КГБ.

— Конечно, ты считаешь, что ты такой хороший парень, — как-то, хлопнув меня по плечу, сказал он, — а я вот подкачал.

Мне не верилось, что Кузнецову удалось убедить моего друга стать информатором, но если это было правдой, то я бы предпочел не знать этого. Наши пути разошлись. Став заместителем директора Биопрепарата, я помог Румянцеву перевестись в Подмосковье на руководящую должность, но потом

он уволился. Много лет спустя, уже приехав с Соединенные Штаты, я с горечью узнал, что в разговоре с нашим общим другом он назвал меня стукачом.

Когда мы закончили реконструкцию комплекса в Степногорске, сбылось то, о чем предупреждал меня генерал Тарасенко.

Было построено много новых зданий. Одно из них, получившее название «Здание 6ОО», стало самой большой испытательной базой в Советском Союзе. Высотой оно было более пятнадцати метров, внутри размещались две гигантские камеры из нержавеющей стали для испытания оружия. Первая была сконструирована таким образом, чтобы выдерживать мощный взрыв, и использовалась для определения степени разрушения и мощности рассеивания аэрозольных смесей, содержавшихся в бомбах. Вторая предназначалась для опытов над животными. Кроме того, была построена целая сеть подземных бункеров для хранения биологических материалов, а также сложная система вентиляции и канализации.

Биологическое оружие — это не обычное оружие, которое заряжают. Пробирки с наиболее смертоносными культурами не могут служить наступательным вооружением до тех пор, пока не удастся сделать поведение бактерий стабильным и предсказуемым. Технология производства микроорганизмов — вот что является оружием в полном смысле этого слова. Разрабатывать ее сложнее, чем вывести новый штамм.

В Степногорске создание оружия на основе сибирской язвы началось с небольшого количества бактерий, помещенных в герметически закупоренную ампулу. Сотни таких крохотных ампул загружались в металлические лотки, а потом — в камеры-холодильники, каждую из них при этом накрывали салфеткой, смоченной дезинфицирующей жидкостью, и снабжали специальной наклейкой-паспортом, где указывались основные свойства данного штамма и дата, когда он был создан. Одной такой ампулы достаточно для производства огромного количества боеприпасов.

Ни при каких обстоятельствах не разрешалось заходить в хранилище по одному. Когда ампулу вынимают из лотка, по правилам должны работать двое: лаборант (или кто-то из технического персонала) и научный сотрудник. Достав пробирку, они проверяют ее герметичность, а затем на металлическом контейнере несут в лабораторию.

За многие месяцы испытаний мы тщательно отработали этот процесс. Сначала научный сотрудник наливал в ампулу небольшое количество питательного раствора. Состав питательной среды непрерывно менялся — в зависимости от того,

какой именно штамм выращивался в данный момент. Мы со временем даже придумали специальный термин — «материнская культура».

Крохотной пипеткой набрав жидкость из пробирки, научный сотрудник аккуратно разливал смесь по нескольким емкостям чуть большего размера. Потом эти емкости на тележке перевозились в другую комнату, помещались в контейнеры с подогревом размером со среднюю микроволновую печь и оставались в этом инкубаторе на один-два дня.

Нагревание может уничтожить бактерии. Например, когда пастеризуют молоко, температуру в печах поднимают до 55 градусов по Цельсию. При производстве оружия, напротив, нужно, чтобы бактерии выжили, и необходимо подобрать такую температуру, при которой самые разные патогенные организмы начинали бы активно размножаться. Этот процесс имеет много общего с технологией производства вакцин.

Пройдет не менее сорока восьми часов, прежде чем посеянный материал превратится в миллиарды микроорганизмом. Но, чтобы вырастить нужное количество бактерий, потребуется несколько дней или даже недель.

После того как жидкую культуру достанут из термостата, ее переливают в большие емкости, их везут в другое помещение, где подсоединяют к устройству, которое насыщает жидкость пузырьками воздуха. Равномерное распределение кислорода в смеси усиливает рост бактерий.

На этой стадии жидкая культура полупрозрачная, темно-коричневого цвета, как чай или кола. Но чем выше концентрация бактерий, тем более светлой и непрозрачной она становится, а когда концентрация достигнет максимального значения, смесь будет похожа на кофе со сливками.

Разработчики пользуются определенными рецептами. Исходный материал один и тот же, однако количество и комбинация компонентов питательной среды, температура и время каждый раз варьируются. Если смесь случайно перегреть, то весь процесс придется начинать с самого начала.

Каждое новое поколение бактерий переносится всякий раз в большие по размерам емкости до тех пор, пока не будет получено достаточное количество бактерий сибирской язвы, чтобы под давлением перекачать его в помещение, где установлены несколько ферментаторов. В этих исполинских реакторах микроорганизмы выращиваются еще в течение одного-двух дней. Бактерии продолжают активно размножаться до тех пор, пока их концентрация не достигнет максимума, после чего культуру центрифугируют, и благодаря соответствующей обработке их

концентрация повышается еще в тридцать раз.

Использующиеся у нас центрифуги похожи на сепараторы, которые есть на всех молочных фермах и без которых не приготовишь ни масла, ни сливок. Их по спецзаказу изготовили для нас на заводе в Туле, выпускавшем сепараторы для маслобоен.

Но даже на этой стадии субстанция не является оружием. Чтобы на долгое время стабилизировать состояние смертоносных микроорганизмов, их нужно смешать со специальными добавками. Как и питательная среда, эти добавки являются важным элементом процесса.

Полученную в результате всего этого смесь подают по подземным трубам в соседнее здание, где она отфильтровывается в боеприпасы. Аппараты, которые отмеряют и разливают определенные порции выращенных нами патогенных микроорганизмов, очень похожи на те, при помощи которых на заводе разливают по бутылкам газированную воду. Как только реактор опустеет, из посевного материала выращивается новая партия бактерий и начинается следующий цикл.

Процесс этот может идти круглосуточно. Мы опробовали несколько технологий и смогли расширить производство. К 1987 году общая мощность линий по производству сибирской язвы по всей стране составляла около пяти тысяч тонн в год. Мобилизационный план завода в Кургане был тысяча тонн рецептуры сибирской язвы в год, в Пензе — пятьсот, а в Степногорске — триста тонн. Хотя реальные мобилизационные планы были несколько ниже.

Все наши заявки на биологический материал и необходимое оборудование всегда выполнялись. Основной проблемой была нехватка кадров.

Когда я приехал в Степногорск, там работало около сорока научных сотрудников. Но из них очень мало кто обладал квалификацией, необходимой для научно-исследовательской работы на современном уровне. Требовались сотни новых научных работников и технический персонал, но правила приема на работу в Степногорске, как, впрочем, и на других секретных предприятиях оборонной промышленности, в последнее время резко ужесточились. Тех, кто хотел работать у нас, проверяли самым тщательным образом, и такая проверка могла длиться многие месяцы, которых у нас не было.

Я понимал, что Булгак был прав, когда предупреждал меня об опасности приема на работу непроверенного персонала. Но жесткий график и давление из Москвы не оставляли мне иного выбора.

Я начал неофициально нанимать рабочих, технический персонал и научных сотрудников ˆсначала из Степногорска, а затем из гражданских НИИ других городов. Многие приехавшие не имели специального допуска к секретной работе, поэтому я принимал их на временную работу, ожидая, пока они пройдут необходимую в таких случаях проверку. Через несколько месяцев на предприятии появилось около двухсот новых сотрудников.

Но ненужных вопросов от начальства не последовало, потом у меня было так много работы, что я вообще перестал беспокоиться о правилах секретности. Я все набирал и набирал людей, оформляя их на полный рабочий день, как только проведенная скрупулезная проверка подтверждала их благонадежность. К тому же успех наших исследований, как мне казалось, в какой-то степени служил оправданием некоторому упрощению процедуры приема на работу. Однако Анатолий Булгак был не из тех людей, которые способны забыть нанесенное им оскорбление. Информаторы, конечно, доложили ему о моих необычных методах приема на работу. Дождавшись, когда на меня скопилось порядочное количество компрометирующих материалов, он решил преподать мне урок.

Со времени нашего неприятного разговора прошел почти год. Вдруг меня вызывают в Москву. Приказ пришел от имени Калинина. Никаких объяснений не последовало. Впрочем, я этого и не ждал. Я думал, что он хочет, чтобы я доложил о результатах.

До Москвы самолет летел почти три с половиной часа. Никуда не заезжая, я отправился к Калинину. Его секретарь сказала, что он занят. Меня это не слишком удивило. Калинин был из тех начальников, кто, приказав мчаться стремглав в Москву, мог подолгу заставлять ждать в приемной аудиенции.

Неожиданно секретарь Калинина передала мне записку от полковника КГБ Владимира Дорогова, начальника контрразведки всего «Биопрепарата». «Зайди ко мне немедленно», — прочитал я.

Я поднялся в его кабинет на третьем этаже. Дорогов стоял у окна и, услышав мои шаги, обернулся. Меня поразило выражение его лица — свирепое и жестокое.

— Ты вообще понимаешь, какой страшной опасности подвергаешь свою страну? — ледяным тоном спросил он.

Подойдя к столу, он выдвинул ящик и вытащил папку со списком всех тех, кого я взял на работу за последние полгода. Несколько фамилий были подчеркнуты красным карандашом.

— У нас в Степногорске служат отличные офицеры, — продолжал Дорогов, — однако ты, похоже, отказался от их помощи. Честно говоря, ничего подобного я еще не встречал.

Его ледяной тон заставил меня забеспокоиться.

— Товарищ полковник, позвольте, я все объясню… — начал я.

— Никаких объяснений! — отрезал он. — Я читал твое личное дело и прекрасно знаком с твоей биографией, Алибеков. Ты уже не в первый раз поступаешь так безрассудно.

И Дорогов напомнил о моей встречи с Кузнецовым, когда он предлагал мне стать информатором, а я отказался.

— И что теперь прикажешь делать? — спросил он.

— Не знаю, — откровенно сказал я.

Это было не только нарушением установленных правил. По их мнению, мои действия иначе, как вредительством и подрывной деятельностью, назвать было нельзя. Скорее всего, на этом моей карьере суждено было закончиться.

Но тут в КГБ опять поступили неожиданно. Открыв верхний ящик стола, Дорогов вытащил из него лист бумаги и сказал в приказном тоне:

— Здесь ты перечислишь все, что натворил, а потом объяснишь, в чем была твоя ошибка и почему ты считаешь, что поступал неправильно.

Как только я закончил писать, он протянул мне руку и крепко, до боли, пожал ее.

— Не забывай об этом клочке бумаги, — сказал он. — Бумага вещь тонкая, но задницу прикрывает железно.

На следующий день Калинин наконец согласился меня принять. Протянув мне мою объяснительную записку, уже приложенную к официально объявленному выговору, коротко приказал мне поставить на обоих документах свою подпись. Это была традиция, уходившая корнями еще в сталинское прошлое: моя подпись подтверждала, что я признаю выдвинутые против меня обвинения и заранее согласен с тем наказанием, которое мне вынесут.

— Это было в последний раз, — произнес Калинин. — Запомни на тот случай, если опять захочешь нарушить установленный порядок.

Арест и расстрел мне, конечно, не грозили, но тогда я этого не знал. Если вместо меня назначили бы другого руководителя проекта, то это сильно замедлило бы развитие программы, а может, и вообще поставило бы ее под угрозу срыва. А к тому времени Калинин уже слишком многое поставил на карту, чтобы рисковать. Наверное, ему пришлось употребить все свое влияние, чтобы отделаться от КГБ. В случае моего провала его карьере, возможно, тоже пришел бы конец.

Вернулся я в Степногорск с твердым намерением продолжать работать с полной отдачей, которую «Биопрепарат» всегда требовал от всех своих сотрудников. Семья незаметно отошла на

второй план. Бывали дни, когда, работая в лаборатории, я терял всякое ощущение времени и возвращался домой только для того, чтобы поспать пару часов. В 1985 году родился мой третий ребенок, сын Тимур. Но меня по-прежнему почти никогда не было дома. Лена одна возилась с малышом, а я, как одержимый, работал в лаборатории.

Я стал очень вспыльчивым и раздражительным. За всю свою жизнь я не чувствовал себя таким одиноким, как тогда. Поэтому я обрадовался переводу в «Прогресс», после стольких лет проведенных на севере России я смог наконец-то вернуться в родной Казахстан. Степногорск находился относительно недалеко от того города, где жили мои родители. Я всегда хотел быть среди земляков, говорящих на родном языке. Но на нашем предприятии не было ни одного казаха, да и среди жителей Степногорска их было всего несколько человек. Для всех я все равно был чужаком.

У моей старшей дочери Миры никогда не было конфликтов ни с учителями, ни с одноклассниками. Все знали, что она дочка директора. Но мне-то было отлично известно, что кое-кто из детей (за глаза, конечно) называет ее «черной» или «обезьянкой».

Когда дома у меня было свободное время, я работал над докторской диссертацией. Вся моя дальнейшая карьера в «Биопрепарате» зависела от того, смогу ли я защититься.

В конце концов мне с трудом удалось помириться с Булгаком. Он был достаточно проницателен и не задавал мне вопросов о том, зачем я ездил в Москву но было заметно, что он злорадствует по поводу моего унижения. Вскоре, к величайшему моему облегчению, его перевели на прежнее место, в какую-то глухую провинцию. Но случилось это после того, как он сам погорел на несоблюдении секретности.

Одно из подчинявшихся Булгаку подразделений называлось «Специальный отдел по противодействию иностранным техническим разведкам». Этот отдел следил за тем, чтобы невозможно было определить, чем мы занимались в Степногорске.

Булгаку были нужны люди с техническим образованием, чтобы найти способ, как скрыть наличие громадного количества отходов, образовывавшихся в результате работы наших ферментаторов. Булгак нашел гражданского инженера и сделал его начальником отдела. Фамилия его была Маркин. Он оказался способным человеком и хорошо владел искусством маскировки.

Маркин был скромным и застенчивым человеком. Ему было лет 35–40. Коллеги относились к нему хорошо, но друзей у Маркина было мало. Из-за его замкнутости и молчаливости мало

кто знал о том, насколько сложной была его личная жизнь.

Маркин влюбился в женщину, которая была вдовой одного кэгэбешника, когда-то работавшего в Степногорске. После непродолжительных ухаживаний они поженились, но брак оказался неудачным. Супруги часто ссорились, и с каждым месяцем Маркин выглядел все более грустным и подавленным.

Однажды он попросил отпуск, объяснив, что поедет ухаживать за внезапно заболевшей матерью. Отпуск ему дали. Спустя несколько недель Булгак ворвался ко мне в кабинет, держа в руках письмо. Оно было из какой-то небольшой деревушки в Горьковской области.

— Прочтите-ка это! — сказал он нахмурившись.

Маркин писал, что не хочет возвращаться в Степногорск: «Очень вас прошу, позвольте мне уволиться. Я хочу работать в колхозе, где живет моя мать, — говорилось в письме. — Прошу вас, не думайте, что были какие-либо другие причины моего отъезда. Я не изменник, нет. Просто обычный, ничем не примечательный человек, который хочет спокойствия».

Я передал письмо Булгаку.

— Неплохой способ отделаться от жены, — улыбнулся я.

Но Булгак не улыбался:

— Мы не можем его отпустить. Он слишком много знает.

— Да, много, — согласился я. — Но кому из западных шпионов придет в голову тащиться по грязи в какую-то деревушку, чтобы разыскивать его? Думаю, не стоит волноваться по этому поводу. Кроме того, он ведь не служил в КГБ. И вы не имеете права удерживать его здесь.

Булгак рассеянно смотрел куда-то в сторону.

— Посмотрим, — обронил он.

* * *

Прошло несколько дней, и настроение у Булгака поднялось.

— Один из наших людей только что позвонил в Горький начальнику УКГБ, поговорил с ним о Маркине, — ухмыльнулся он. — Ребята жалуются, что теперь у них два повода для головной боли.

— Не понимаю. Что это значит?

Булгак ехидно посмотрел на меня.

— Если бы вы следили за политикой, — поучающим тоном сказал он, — то больше знали бы о том, что происходит в мире. Вы что, не слышали, что они сейчас занимаются Сахаровым?

Мне показалось несколько странным, что он ставит в один

ряд выдающегося физика и нашего Маркина, называя их «головной болью».

Несколько недель спустя, когда мы с Булгаком обсуждали вопросы секретности, он вдруг заерзал на стуле, будто на нем лежала кнопка.

— В чем дело? — спросил я.

— Совсем забыл, — сказал он. — Помните, что я вам рассказывал про «головную боль»? Ну, в Горьком?

Я кивнул.

— Так вот, — продолжал он, явно смакуя каждое слово, — в Горьком осталась теперь только одна «головная боль».

— И что это значит?

— Это значит, что Маркина больше нет.

— Хотите сказать, что он уехал из Горького?

— Не совсем, — сказал Булгак, — он умер.

— Что произошло? — с тревогой спросил я.

— Похоже, утонул. Слишком много выпил, пошел купаться и не вернулся.

— Не знал, что Маркин любитель купания и водки.

На лице Булгака появилась загадочная улыбка.

— Самое главное, что в Горьком теперь осталась всего одна «головная боль».

— Его что — убили?!

Похоже, Булгак обиделся на эти слова.

— Откуда мне знать? — буркнул он. — Главное, что теперь за Маркина нечего беспокоиться.

* * *

К 1989 году на заводе работало уже более девятисот человек, и каждый месяц их становилось все больше. Ученые из Свердловска, в том числе и злополучный Николай Чернышов, помогли осуществить прорыв в разработке самого эффективного оружия на основе сибирской язвы. Но за спешку пришлось поплатиться. Каждую неделю происходили аварии или несчастные случаи.

Как-то Геннадий Лепешкин, наш начальник отдела биозащиты, доложил, что в одной из лабораторий рабочий заразился сибирской язвой. У него на шее, по-видимому, была ссадина или ранка. А через нее бактерии сибирской язвы очень легко могут проникнуть в тело человека. У рабочего начала опухать шея, и ему стало трудно дышать.

Сначала мы лечили его пенициллином и стрептомицином —

антибиотиками, которые наиболее эффективны при кожной форме сибирской язвы. Но потом у него на груди появилась большой болезненный отек, который быстро увеличивался. Ему становилось все труднее дышать. Через три дня стало ясно, что летальный исход неизбежен. Уже подготовили сообщение, которое нужно было немедленно отправить в Москву, как только бедняга умрет. Но мы решили сделать последнюю, отчаянную попытку спасти ему жизнь и ввели ему огромную дозу сибиреязвенной сыворотки. Это неожиданно помогло — больной стал выздоравливать.

Этот случай продемонстрировал возможности созданного нами нового оружия. Наши новые порошкообразные и жидкие смеси со спорами сибирской язвы были почти втрое эффективнее, чем те, которые мы выпускали в Свердловске. Достаточно было всего лишь пяти килограммов Антракса 836, разработанного здесь, в Казахстане, чтобы заразить половину населения, проживающего на территории площадью более одного квадратного километра. А разработанной в Свердловске рецептуре для достижения той же самой цели понадобилось бы более пятнадцати килограммов.

Разрушительная сила нового оружия была подтверждена целой серией испытаний, проведенных в 1987 году на острове Возрождения. Лепешкин, ставший к тому времени моим первым заместителем, вылетел туда, чтобы лично следить за полевыми испытаниями. Когда он доложил, что они прошли успешно, Москва решила прекратить производство сибирской язвы в Свердловске в «Городке 19».

Степногорск с лихвой возместил потерю свердловского военного завода. На нашем комплексе можно было выпускать до двух тонн сибиреязвенной рецептуры в сутки.

Создав мощный завод по промышленному производству сибирской язвы для военных целей, Советский Союз стал первой страной, обладающей мощным биологическим оружием.

Значительного перевеса сил в этой области мы добились в 80-х годах: ракеты с боеголовками, начиненные патогенами, могли наносить удары по целям, находившимся за тысячи километров. Завод в Степногорске мог производить биологическое оружие в таком количестве, которое и не снилось ни одной стране Запада. За четыре года нам удалось сделать в области разработки и создания биологического оружия больше, чем за четыре десятилетия после Второй мировой войны.

Стоит ли говорить, что мы отнюдь не спешили оповестить весь мир о наших успехах. Международное сообщество ничего не знало о «Биопрепарате» и не подозревало, насколько далеко мы

продвинулись вперед в создании биологического оружия.

9
ОСПА
МОСКВА
1987 год

Слово вирус происходит от латинского слова, означающего «яд». Вирусы не видны под оптическим микроскопом, они в сотни тысяч раз меньше, чем самые крохотные песчинки. Об их существовании никто и не подозревал до тех пор, пока в конце девятнадцатого века микробиолог Дмитрий Ивановский не открыл их, изучая причины внезапной вспышки мозаичной болезни на табачных плантациях. Ивановский обнаружил, что возбудитель болезни обладает загадочной способностью проходить сквозь фильтры, препятствующие проникновению бактерий. Только через полвека появившиеся электронные микроскопы позволили увидеть и идентифицировать первый вирус. Но открытие Ивановского тем не менее создало новое направление в исследовании инфекционных заболеваний.

Чем больше становилось известно ученым о новых вирусах, тем больше вопросов возникало. Вирусы вели себя непредсказуемо. Они могут оставаться инертными очень долгое время, пока им не удастся присоединиться к клеткам другого организма. По структуре вирусы гораздо примитивнее, чем бактерии, поскольку состоят из одной протеиновой оболочки, цепочки ДНК или РНК, а иногда имеют липидную мембрану. Но они способны полностью уничтожать даже самые сложные биологические системы, правда, не все вирусы убивают организм «хозяина». Смертельные вирусы, как правило, сочетают в себе высокую степень вирулентности со столь же высоким уровнем контагиозности (заразности). Вирус «запрограммирован» на собственное воспроизводство, однако, обладая только частью генетического материала, он не может самостоятельно размножаться или вызывать химические реакции. Поэтому сначала он должен найти будущего «хозяина» — существо, обладающее клеточной структурой и теми питательными веществами, которые необходимы ему для размножения. Вирусы активизируются при попадании в ядро или цитоплазму клетки своего «хозяина», потом сливаются с ними и в итоге не позволяют клеткам выполнять их функции.[11]

Человеческое тело имеет множество различных механизмов, позволяющих сопротивляться болезнетворным микроорганизмам.

Иммунная система реагирует мгновенно и на нескольких уровнях. Иммунологи обычно различают специфическую и неспецифическую иммунные реакции организма. Специфическая, или приобретенная, иммунная реакция зависит от клеток, хранящих информацию о предыдущих вторжениях вирусов в организм, они играют весьма значительную роль в формировании иммунитета.

Одну из самых ответственных ролей в иммунной системе любого организма играют так называемые «Т-клетки».[12] Они ведут себя, как разведчики, двигаясь по системе кровообращения, попадают в лимфатические узлы, выискивая любые инородные вещества. Стоит только вирусу попасть в кровеносную систему и инфицировать первую клетку, как он будет немедленно распознан Т-клетками. Они реагируют на вирус и начинают воспроизводиться, рассылая сигналы антителам, привлекая их в очаг инфекции. Антитела способны бороться с вирусами и бактериями, пока они циркулируют по системе кровообращения, до того момента, как они проникнут в клетки организма.

Уже через нескольких секунд после того, как инфекция попала в организм, начинается высвобождение защитных белков и воспалительных веществ, которые в свою очередь активизируют клетки-убийцы и направляют их к зоне поражения. Интерферон, один из наиболее мощных и сильнодействующих антивирусных веществ, разрушает РНК вируса, замедляет синтез его белков и тем самым препятствует воспроизведению вируса в инфицированных клетках.

К концу первой или к началу второй недели организм в большинстве случаев вырабатывает антитела, которые стараются нейтрализовать вирус, прикрепляясь к его поверхности и тем самым препятствуя его проникновению в новые клетки. Однако все вирусы быстро приспосабливаются и мутируют. Среди бесчисленного числа мутировавших вирусов существуют формы, устойчивые к большинству лекарственных препаратов и проникающие через любую иммунную защиту.

Новые вирусы могут появляться неожиданно, а вирусы, некогда считавшиеся безвредными для человека, могут превратиться в смертельно опасные. К ним можно отнести вирус иммунодефицита человека или вирус лихорадки Эбола, а к менее опасным вирусам — те, которые вызывают появление бородавок. Есть вирусы, поражающие только растения или животных. Арбовирусы, передающиеся исключительно насекомыми, как правило, поражают мозг, мышцы, печень, сердце или почки. Кишечные вирусы поражают желудочно-кишечный тракт, попадая в организм человека через зараженную воду или пищу.

Респираторные инфекции, проникающие в организм через дыхательные пути, вызывают такие заболевания, как корь, свинка или ветрянка. Достаточно сказать, что одних только вирусов, вызывающих обычную простуду, известно в настоящее время более сотни.

Из всех инфекционных заболеваний, преследовавших человечество, самые глубокие раны оставили эпидемии оспы. Первые упоминания о них относятся еще к двенадцатому веку. Впервые отмеченная и зарегистрированная в 1122 году в Китае, она в течение многих веков опустошала Европу. Эпидемии оспы почти полностью уничтожили коренное население Северной Америки.

Оспа принадлежит к семейству вирусов, проникающих в организм человека через дыхательные пути. Variola major — научное название вируса оспы. Он начинает действовать по следующей схеме: внедряется в клетки, расположенные близко к поверхности кожи, а также в клетки нервной системы. Проникнув в клетку, вирус оспы избавляется от собственной оболочки и начинает активно размножаться. Вирусная транскрипция[13] происходит почти сразу же, препятствуя синтезу ДНК и, таким образом, не позволяя клетке привести в действие ее защитный механизм. Как только вирус ввел свою генетическую информацию в клетку «хозяина», она начинает вырабатывать белки и ферменты, которые способствуют развитию и созреванию вируса. Распространение вируса оспы по всему организму легко проследить по тому, как розоватые точки, покрывающие лицо и руки, переходят и на нижнюю часть туловища.

Симптомы оспы хорошо известны каждому врачу. После короткого инкубационного периода, который обычно длится от пяти до десяти дней, заболевание стремительно развивается. Сначала появляется лихорадочное состояние, сопровождающееся высокой температурой, рвотой, головной болью. Это может продолжаться от двух до четырех дней. Но не проходит и недели, как на коже появляются красные пятнышки, сначала они образуются на лице, затем распространяются по всему телу. Через какое-то время эти пятнышки, едва заметные вначале, превращаются в болезненные пузырьки, наполненные прозрачным содержимым. При нормальном течении болезни пузырьки вскоре покрываются корочкой, которая не отпадает в течение нескольких недель, пока не подсохнет и не отвалится сама, оставив на коже шрам. Более серьезные формы оспы, такие, как черная или красная оспа, обычно приводят к летальному исходу за четыре-пять дней.

Борьба с вирусом оспы началась еще в 1796 году, когда

английский врач Эдвард Дженнер вдруг подметил, что доярки, заразившиеся оспой от коров (причем в самой слабой форме), приобрели иммунитет к этой болезни. Дженнер решился на смелый опыт: заразил восьмилетнего мальчика коровьей оспой, взятой из пораженного участка на руке одной из заболевших женщин. У мальчика слегка поднялась температура. Два месяца спустя Дженнер попытался заразить мальчика натуральной оспой, однако у него ничего не вышло. В результате проведенного эксперимента врач сделал вывод, что более слабый штамм оспы, названный им vaccinia (от лат. vacca — «корова»), повысил сопротивляемость организма и сделал человека невосприимчивым к этому страшному заболеванию.

«Вакцина» оспы, названная так в честь выдающегося открытия Дженнера, стала самым главным оружием в борьбе с оспой. Его открытие — первая вакцина — совершила революцию в медицине.

8 мая 1980 года Всемирная организация здравоохранения провозгласила, что оспа навсегда исчезла с нашей планеты. Последние из официально зарегистрированных случаев заболевания человека оспой были отмечены в 1977 года в Сомали, после чего на протяжении трех лет на всем земном шаре не появилось ни одного заболевшего. После этого Всемирная организация здравоохранения рекомендовала приостановить или вообще прекратить программы вакцинации населения от оспы, мотивируя это тем, что в настоящее время уже нет никакой необходимости делать людям прививки: ведь любая вакцинация всегда несет с собой хоть и минимальный, но все-таки риск.

Одновременно с этим была принята резолюция, согласно которой вирус оспы остался лишь в четырех научных институтах, где он хранился в ограниченных количествах, исключительно для научных целей. Через несколько лет их количество сократилось до двух: это были Центр контроля и предотвращения заболеваний (CDC, Атланта, США) и Институт вирусных препаратов (Москва).

Заслуга Советского Союза в том, что оспу удалось победить, была немалая. Ведь именно Москва в 1958 году на одном из заседаний Всемирной организации здравоохранения призвала мировую общественность начать борьбу с оспой, а финансирование многочисленных программ по вакцинации населения в странах третьего мира принесли нашей стране признание за рубежом. Россия, как и другие страны, пережила множество эпидемий оспы. В 1936 году, после десятилетней программы вакцинации, когда прививки от оспы были сделаны всему населению огромной страны, Россия смогла окончательно избавиться от оспы.

Вскоре после заявления Всемирной организации здравоохранения советское военное командование внесло оспу в список вирусов и бактерий, на основе которых возможно создание бактериологического оружия. Была даже предусмотрена программа по ее усовершенствованию.

И пока все остальные страны праздновали величайшую победу в истории медицины, Кремль увидел в этом военное преимущество. Мир, более не защищенный от оспы прививками, стал уязвимым. В 1981 году советские исследователи приступили к работе над новым оружием на основе вируса оспы. Исследования сначала были поверхностными. Военное командование неодобрительно относилось к тому, чтобы расходовать силы и средства на то, что не сулило им немедленных результатов.

В 1947 году в Советском Союзе был построен первый небольшой завод по производству оружия на базе оспы. Располагался он под Загорском (Сергиев Посад), где еще в четырнадцатом веке был возведен Троице-Сергиев монастырь с высокими каменными стенами. А всего лишь в нескольких километрах в стороне от древнего монастыря находится здание Центра вирусологии Министерства обороны, где советские ученые культивировали вирусы оспы, лихорадки Ку и венесуэльского энцефаломиелита лошадей.

Это был весьма трудоемкий процесс. Используя тонкие шприцы, лаборанты вводили очень маленькое количество вируса оспы в куриные эмбрионы, после чего покрывали каждое яйцо тонким слоем парафина. Яйца на несколько дней помещались в термостаты, для того чтобы клетки эмбриона возродили к жизни клетки вируса. Там вирус начинал успешно размножаться — это происходило до тех пор, пока пораженные клетки эмбриона-»хозяина» не погибали. После этого яйца прокалывали и находящуюся внутри жидкость переливали в специальные колбы. Затем добавляли стабилизирующие вещества, и полученное оружие могло храниться при пониженной температуре в специальных контейнерах в течение целого года.

Каждый месяц сотни тысяч яиц отправлялись в Загорск. Процесс «инкубаторного» производства вируса оспы с помощью куриных яиц оказался настолько успешным, что вскоре под Покровом, на базе завода, находившегося в ведении Министерства сельского хозяйства, была построена еще одна производственная линия.

В 1959 году в Москву приехал турист из Индии и заразил оспой сорок шесть человек. Он был привит от оспы, но вакцина, видимо, со временем стала менее эффективной. Его собственного

иммунитета оказалось достаточно, чтобы не заболеть. Но он тем не менее оказался способен заразить оспой других людей. Штамм Variola major, обнаруженный в его организме, оказался настолько смертоносным, что едва не стал причиной настоящей эпидемии, которую с трудом удалось предотвратить. После этого случая Советское правительство послало в Индию целую делегацию медиков, чтобы помочь уничтожить вирус.

Среди них были и сотрудники КГБ.

Они вернулись назад в Россию со штаммом индийской оспы, прекрасно подходившим для того, чтобы использовать его в качестве оружия. Он обладал высокой степенью вирулентности и, кроме всего, сохранял поражающую способность в течение длительного времени. А это означало, что с применением соответствующих добавок он мог храниться дольше, чем какой-либо другой штамм. Через несколько лет неожиданный подарок «индийского друга» стал боевым штаммом. Он получил кодовое название Индия-1967 (год, когда он был выделен). У нас он условно назывался Индия-1.

В 1970-х годах оспу стали считать настолько важным видом биологического оружия, что военное командование приказало поддерживать его годовой резерв на уровне двадцати тонн. Запасы хранились в специальных контейнерах ТР-50 на военных заводах под Загорском и обновлялись каждый год, поскольку со временем вирус оспы попросту терял свои свойства.

Происшествие с приезжим из Индии помогло выявить смертоносные свойства штамма Variola major, чрезвычайно важные для оружия. Оспа — высокозаразное заболевание, передающееся воздушно-капельным путем или через одежду. Больной заразен, начиная с момента появления первых симптомов заболевания и вплоть до полного заживления ранок — это примерно две-три недели.

Конечно, далеко не все вирусы передаются контактным способом, но те, к которым это относится, наиболее контагиозны (заразны). Даже обычный вирус гриппа передается от одного человека к другому с невероятной скоростью и несколько раз в год вызывает эпидемии или даже пандемии, как печально известная «испанка» 1918 года. Каждый из нас, кто в детстве переболел корью или ветрянкой, помнит, как на карантин закрывались школы и детские сады, потому что вирус остается живым долгое время даже вне тела человека. Некоторые из возбудителей геморрагической лихорадки — вирусы Мачупо, Эбола, Хунин и вирус лихорадки Ласса — передаются от одного человека к другому при прямом контакте. Вирус лихорадки Эбола после смерти заболевшего очень быстро погибает под

воздействием окружающей среды, хотя было немало случаев, когда люди, находившиеся рядом с больными лихорадкой Эбола, так же становились жертвами этой ужасной болезни.

Большинство западных ученых считают оспу, несмотря на ее контагиозность, абсолютно неподходящей для использования в качестве оружия. Вирус оспы практически никогда не встречается среди животных. Хотя обезьяну можно заразить специально, но при этом она будет не заразна для других особей. Единственными естественными носителями этого вируса являются люди. Поэтому природных очагов инфекции не существует. Некоторые ученые утверждают, что любую вспышку оспы среди людей можно остановить введением карантина и всеобщей вакцинацией еще до того, как она превратится в настоящую эпидемию.

Кроме этого, те же ученые убеждены в том, что длительный инкубационный период вируса оспы также служит естественной преградой на пути его распространения. Он продолжается от семи до десяти дней. Таким образом, у медиков появляется дополнительное время для того, чтобы они могли принять все нужные меры для борьбы с заболеванием. В первую очередь необходима всеобщая вакцинация населения. Вакцина обычно начинает действовать через несколько дней. Однако нет никакой гарантии, что в результате проведенной вакцинации вирус оспы будет убит. Для того чтобы вакцина подействовала, ее нужно ввести до появления первых симптомов заболевания.

Боевой штамм вируса оспы, который мы создали, имел очень короткий инкубационный период. В опытах над обезьянами первые симптомы заболевания появлялись уже через пять-шесть дней после распыления аэрозоля, содержавшего высоко вирулентный вирус Индия-1.

До сих пор не существует методов лечения оспы на стадии появления первых симптомов. Самое большее, что может сделать врач в начале заболевания, это ввести больному лекарства, облегчающие течение болезни.

Эффективность данного вируса в качестве оружия обусловлена в первую очередь высоким уровнем смертности среди заболевших. Когда речь идет о не привитых людях, уровень заболеваемости составляет от 60 до 90 процентов, а смертность колеблется от 30 до 50 процентов. Выжившие могут потерять зрение. Шрамы от оспы остаются на теле навсегда.

Через двадцать лет после отмены вакцинации позиция Всемирной организации здравоохранения по поводу оспы не изменилась. Школьникам Соединенных Штатов, России и других стран уже не делают прививок против оспы, а туристам больше не нужно иметь справку о вакцинации.

В настоящее время Соединенные Штаты Америки имеют в запасе двенадцать миллионов доз вакцины против оспы, из которых, по сведениям Центра контроля и предотвращения заболеваний в Атланте, только семь являются достаточно эффективными. Во всем остальном мире насчитывается примерно около двухсот миллионов доз. На первый взгляд кажется, что этого достаточно для экстренных случаев. Но это не так. Только представьте себе, что произойдет, если вирус оспы попадет в такой густонаселенный город, как Нью-Йорк.

Вирусы десятилетиями притягивали к себе создателей биологического оружия. Во время Второй мировой войны на Западе всерьез рассматривали возможность использования в качестве оружия некоторых смертельных вирусов, включая венесуэльский энцефаломиелит лошадей и оспу. Американские, канадские и британские ученые выяснили, что управлять вирусами гораздо труднее, чем бактериями. Поскольку они не могут размножаться самостоятельно, то их нужно выращивать в клетках живых организмов или в живых тканях в стерильных лабораторных условиях.

При использовании вирусов в качестве оружия была выявлена их ненадежность. В 40-х годах аэрозоли находились еще на самой ранней стадии разработки, а большинство научных методов, которые тогда применялись союзниками с целью превратить вирус оспы в грозное оружие, сейчас вызывают удивление. Например, всерьез рассматривался вопрос об использовании азиатского штамма вируса оспы в виде тонкого порошка для обработки писем. К концу войны союзники в основном оставили мысль о том, чтобы использовать вирусы в качестве оружия.

Но все эти трудности не могли остановить Советский Союз. На протяжении всего периода «холодной войны» вирусы у нас считались самым мощным оружием. Их способность поражать огромное количество людей при небольшом расходе самого вещества превращали их в идеальное оружие в условиях стратегической войны. Поэтому, как только появились системы создания аэрозолей, более совершенные с технической точки зрения, мы обнаружили, что они дают больший эффект, чем другие бактериологические боеприпасы, особенно если речь шла о заболеваниях, которые распространяются контактным способом. В наших лабораториях нам удалось достичь заражения более 50 процентов подопытных животных при использовании менее пяти вирусных частиц оспы в аэрозоле. Чтобы добиться такого же процента заражения людей сибирской язвой, потребовалось бы от десяти до двадцати тысяч спор. Для чумы это количество составило бы полторы тысячи клеток. На глаз невозможно

определить разницу в количестве всех этих вирусов и бактерий, но для широкомасштабной биологической атаки она имеет громадное значение. В производстве оспы не нужен процесс повышения концентрации вируса.

И пока мы использовали метод выращивания вируса оспы в куриных эмбрионах, западные лаборатории уже производили вакцину в специальных реакторах. При этом использовались культуры, выращенные в живых тканях, полученных как от животных, так и от людей. Но эта технология требовала специальной научной подготовки и наличия компетентных специалистов. Ведь ткани, находящиеся вне естественной среды, необходимо было поддерживать в жизнеспособном состоянии в клеточных линиях при определенной температуре. Не все клетки подходят для выращивания вирусных культур, лучше всего для этих целей предназначены клетки почек африканских зеленых мартышек или легочная ткань человеческих эмбрионов.

Питательная среда для выращивания тканевых культур сильно отличается от той, которую используют для выращивания бактерий. Специально подобранная смесь аминокислот, витаминов, солей растворяется в дистиллированной и мягкой воде. Все это поддерживает жизнь в клетках ткани и обеспечивает рост вирусов.

Эти новые методы были намного эффективнее наших, к тому же их разработку было легче замаскировать под другие виды деятельности.

Звание полковника мне присвоили почти на два года раньше, чем это принято по армейским меркам. Но самое важное — перевод в сентябре 1987 года в Москву — был еще впереди. А пока я стал замечать некоторую неприязнь со стороны Калинина.

В разговорах по телефону он бывал резок и даже суров, пренебрежительно отзывался о результатах моей работы. Калинин даже выступил против моего награждения медалью за работу по созданию оружия на основе сибирской язвы.

— Алибекова награждают чуть ли не каждый год, — пожаловался он в разговоре одному сотруднику, который позже передал весь этот разговор мне. — Зелен еще, молоко на губах не обсохло, а он уже карабкается вверх. Больно прыткий!

К счастью, у меня были могущественные покровители. Руководство Военно-промышленной комиссии (ВПК) и 15-го Управления увидели в моем переводе возможность давления на Калинина.

«Ты напоминаешь мне меня в молодости, — еще до моего назначения признался мне Алексей Аржаков, который был в то время заместителем председателя ВПК. — Я ведь сам стал

директором завода по производству химического оружия в тридцать три года!»

Но на самом деле меня перевели в Москву еще и потому, что в стране началась перестройка. Горбачев, придя в марте 1986 года к власти, был преисполнен решимости уничтожить коррупцию и бюрократию, появившиеся в эру правления Брежнева, и создать новое, сильное правительство. Он стал тем реформатором, которого так долго ждало мое поколение. Почти каждый из работавших в то время на «Биопрепарате», кому еще не исполнилось сорока, считал его единственной надеждой.

Реформы должны были коснуться области разработки и производства биологического оружия. К середине 80-х годов она представляла собой чудовищное нагромождение управлений, главков, лабораторий, институтов и так далее, внутри которых шла непрерывная грызня. Предприятиями управляли старые бюрократы и консерваторы.

Перестройка вдохнула жизнь в нашу программу. «Биопрепарат» и Главмикробиопром, ответственные за производство вакцин и медицинских препаратов, перешли в ведение вновь созданного Министерства медицинской и микробиологической промышленности. Его возглавил Валерий Быков — опытный аппаратчик и специалист в области химического оружия. Калинин был назначен его заместителем.

Их совместное руководство предприятием сулило одни неприятности. Они были старыми соперниками. В годы правления сначала Брежнева, а потом Андропова они вели непрерывную войну и соперничество в области разработки и производства биологического оружия. Оно было не только профессиональным, но и личным. «Биопрепарат» оказался в центре ожесточенной борьбы между военными и чиновниками. В свое время Брежнев предоставил 15-му Управлению полную и неограниченную свободу в руководстве «Биопрепаратом»: они сами утверждали бюджет и направления исследований, кадры тоже были в их руках.

С приходом к власти Горбачева все изменилось. Очень скоро военное руководство обнаружило, что молодые реформаторы начали вторгаться в их область деятельности. В «Биопрепарате» Калинин тоже был вынужден считаться со строгим контролем гражданских. И когда Быков принял решение о моем переводе в Москву, передо мной открылись новые перспективы.

Калинин тут же извлек выгоду из сложившейся ситуации. Он изменил свою позицию и вскоре стал всячески меня поддерживать, давая при этом понять, что идея о моем переводе в Москву принадлежала ему. Он также задумал произвести

некоторую перестройку.

Калинин планировал воспользоваться мной, чтобы сместить с должностей своих конкурентов — генерала Льва Ключерова, главу научного отдела, и генерала Анатолия Воробьева, старого заслуженного ученого, которого я должен был сменить на посту заместителя директора «Биопрепарата» в течение этого года.

В декабре 1987 года Калинин дал мне первое важное задание, назначив ответственным за разработку нового оружия на базе вируса оспы.

Я провел немало времени в архиве Первого отдела «Биопрепарата», изучая инструкции и другие секретные документы. В них согласно плану вплоть до 1990 года подробно перечислялись цели и задачи советской программы разработки биологического оружия. В списке заболеваний, которые должны были использоваться при создании биологического оружия, оспа была указана отдельной строкой.

Пятилетний план, под которым стояла характерная размашистая подпись Михаила Горбачева, включал в себя самую грандиозную программу по разработке биологического оружия из всех когда-либо порученных нашему Управлению. В его рамках планировалось строительство завода по выращиванию вирусов в Йошкар-Оле — столице автономной республики Мордовии. На это было выделено триста миллионов рублей (около четырехсот миллионов долларов в тогдашнем эквиваленте). Планировалось также строительство еще одного военного завода в Стрижах, неподалеку от Кирова, предназначенного для производства бактериологического оружия. Но, что еще более важно, в плане предусматривалось финансирование постройки огромного, на 630 литров, реактора для выращивания вирусов оспы в научно-исследовательском центре вирусологии и биотехнологии, который известен под названием «Вектор». Наше высшее военное руководство решило бросить все силы на решение самой сложной задачи — превращения вирусов в оружие, которое можно было бы использовать в случае войны.

Пятилетний план (в особенности его щедрое финансирование в размере, эквивалентном одному миллиарду долларов) должен был позволить нам достичь уровня западных технологий, а может быть, и превзойти его.

Когда в 1987 году я впервые появился на «Векторе», наш новый проект с вирусом оспы только-только делал первые шаги. Предприятие, построенное в самом начале 1970-х годов для исследований в области производства вирусов по указанию «Биопрепарата», находилось в Кольцове — маленьком сибирском городке. О нем на время забыли, но постановление Горбачева

быстро возродило его к жизни.

Когда я приехал туда, то десятки новых лабораторий и производственных помещений, оснащенных оборудованием для исследования вирусов, были уже построены. Но в планах было строительство еще нескольких объектов. Например, специально для лабораторных экспериментов с контагиозными вирусами, такими, как оспа, Марбург, лихорадка Ласса и Мачупо, было сконструированы огромные сооружения — так называемые «корпус 6» и «6А», были предусмотрены также камеры для испытания взрывчатых веществ и специальные помещения для разведения подопытных животных.

Самым бесценным приобретением для «Вектора» стал новый дорогостоящий реактор. Он был разработан в одном из московских институтов и собран на оборонном заводе на западе России. Этот реактор не имел аналогов в мире. Он был установлен на высоте полутора метров и обшит толстыми листами нержавеющей стали. Внизу располагалась мешалка, взбивающая и перемешивающая смесь, словно в стиральной машине. К реактору были подведены трубы, одни — для слива отходов, другие — для транспортировки готовой культуры для заполнения боеприпасов. Смотровое окно, расположенное на выпуклой крышке реактора, позволяло ученым постоянно наблюдать за вирусными культурами.

Лев Сандахчиев, директор «Вектора», биохимик по специальности, работал в «Биопрепарате» с 1973 года, с момента его основания. Сандахчиев считался признанным экспертом по ортопоксвирусам[14] — вид вирусов, к которому относится и оспа. Когда мы познакомились, я понял, что он не представляет себе, как нужно организовать работу по созданию оспенного оружия.

По мере расширения программы каждый месяц на «Вектор» прибывали все новые и новые люди: инженеры, научные работники и технический персонал. Сандахчиеву приходилось заниматься их размещением, определять участие каждого в программе и вдобавок решать строительные вопросы. Видный вирусолог, он когда-то возглавлял научно-исследовательскую группу из ста человек. Теперь же ему предстояло руководить коллективом в четыре тысячи человек.

— Просто скажите, что вам нужно, и я помогу вам с этим, — предложил я ему, решив на деле проверить свои способности руководителя.

Сандахчиев смерил меня ироничным взглядом, как будто перед ним стоял молодой лаборант.

— Время! — ответил он. — Мне не хватает времени!

Может быть, на военных и чиновников в Москве я и

производил благоприятное впечатление, но научная элита относилась ко мне с изрядной долей скептицизма, нисколько не сомневаясь, что мне ни за что не справиться с подобным заданием. В словах Сан-дахчиева я вновь почувствовал недоверие.

— Да, в этом я вам помочь не смогу, — с улыбкой ответил я. — Единственного, чего у нас нет и не будет, это времени.

Но постепенно между мной и Сандахчиевым установились нормальные рабочие отношения. Мы стали уважительно относиться друг к другу, и я даже помог ему обойти кое-какие бюрократические препоны. Первым нашим совместным опытом работы стала разработка системы безопасности. Даже утечка небольшого количества вируса оспы может привести к ужасным последствиям: разразится эпидемия и скрыть ее будет куда труднее, чем последствия аварии в Свердловске.

Сандахчиев был намерен обеспечить полную безопасность персонала. Он все время повторял, что никогда не станет рисковать жизнью или здоровьем кого-то из своих работников ради выполнения плана.

Но управлять производством биологического оружия гораздо сложнее, чем скромным научно-исследовательским институтом. Это была игра с очень высокими ставками и с новыми правилами. Чтобы не быть уличенными в разработке биологического оружия и избежать дискредитации самой программы, Москва решила ввести карантин для сотрудников «Вектора», работавших с вирусом оспы. Весь персонал после работы перевозился в круглосуточно охраняемый карантинный поселок, находившийся рядом с производственной территорией.

Но тут возникла еще одна проблема. Мы подумали, что если спустя много лет после того, как в Советском Союзе перестали делать прививки от оспы, в городе вдруг появится сразу множество людей с характерными свежими рубцами на руках, то, несомненно, возникнут подозрения. И мы решили, что будет лучше, если нашим сотрудникам прививки будут делать не в плечо, как это было принято, а в верхнюю часть ягодицы.

Сандахчиев был человеком весьма эрудированным и компетентным в своей области, но мало что знал о технологическом процессе промышленного производства вируса оспы. Поэтому нам нужен был специалист, который был бы не просто экспертом в области вирусов (в частности, оспы), но который наладил бы эффективную и бесперебойную работу нашей производственной линии. Без заведующего производством весь наш проект был обречен на неудачу. И мы принялись искать подходящего человека.

Было раннее утро. Я сидел за письменным столом в своем

кабинете, вдруг зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал взволнованный голос Сандахчиева.

— Кажется, я нашел того, кто нам нужен, — объявил он. — Но чтобы перевести его сюда, мне понадобится ваша помощь.

При этих словах я с тревогой вспомнил, как набирал сотрудников в Степногорске и как поплатился за свою беспечность.

— Сделаю, что смогу, — осторожно сказал я. — А кто он такой?

— Его зовут Евгений Лукин. Он полковник из 15-го Управления, работает в Загорске. В стране нет никого, кто знал бы больше него о производстве вируса оспы. Я уже переговорил с ним, и он сказал, что с радостью приедет. Вам нужно заняться подготовкой и оформлением всех нужных документов.

Я как-то даже и не думал искать специалиста в 15-м Управлении. Из-за недоверия военных, которое они испытывали к Калинину, перевод сотрудников из Управления в «Биопрепарат» был трудновыполнимой задачей.

Я сделал несколько звонков. Сандахчиев оказался прав: Лукин великолепно подходил для этой работы. Попав в Загорск в 19бО-е годы молодым специалистом, он почти сразу же стал одним из светил только зарождавшейся программы по разработке и созданию оружия на базе вируса оспы. Подумав немного, я решил пригласить его в Москву для разговора с Калининым.

Лукину было уже за пятьдесят, но благодаря военной выправке он казался намного моложе. Мне он понравился с первого взгляда.

Разговор получился неожиданно тяжелым. Калинин долго расспрашивал Лукина, который, казалось, был готов провалиться сквозь землю от его пристального взгляда.

— Евгений, — произнес с подчеркнутой медлительностью генерал, — я что-то не припомню, чтобы ты раньше заикался. Это что-то новенькое!

И вдруг я вспомнил, что Калинин тоже работал когда-то в Загорске. Они с Лукиным были почти ровесниками и наверняка хорошо знали друг друга. Но сейчас Калинин намеренно подчеркивал разницу в их служебном положении.

Наконец разговор закончился, и расстроенный Лукин ушел. Я тоже собирался выйти вслед за ним, но вдруг Калинин приказал мне остаться. Было видно, что он доволен собой.

— В общем, он неплохой парень, — сказал он, — но не могу понять, почему он был так испуган.

— Вас могие боятся, — пояснил я.

Калинин склонился над столом. Его лица я не видел, но

почувствовал, что мои слова ему польстили.

— Ладно, — заявил он наконец. — Подготовь и подпиши приказ о его переводе на должность заместителя директора.

Не прошло и недели, как Лукин уже ехал в Сибирь.

С этого момента мое мнение о Калинине стало постепенно меняться. Меня и многих моих коллег раздражала его манера руководить и холодное высокомерие. Однако вскоре мы поняли, что без этих черт характера он не сохранил бы возглавляемую им организацию от беспощадных политиканов. К тому же я прекрасно сознавал, что нынешним своим положением я обязан именно Калинину. Но, будучи свидетелем его общения со своими подчиненными в столь жесткой манере, как с Лукиным, я невольно задавал себе вопрос: не настанет ли когда-нибудь день, когда он точно так же поступит и со мной?

Назначение Лукина на должность заместителя директора было одним из самых удачных решений, когда-либо принятых руководством «Биопрепарата». Лукин был тем самым человеком, который мог организовать производство вируса оспы в промышленных масштабах. Весь год я с удовлетворением следил, как «Вектор» под умелым руководством Сандахчиева рос на глазах, становясь огромным комплексом.

В декабре 1990 года мы уже провели испытания новой рецептуры вируса оспы. Они проходили на «Векторе», в малой взрывной камере УСД-25. Наше изделие работало прекрасно. По расчетам получалось, что производственная линия в только что построенном Здании 15 в Кольцове будет способна производить от восьмидесяти до ста тонн вируса оспы в год, если поступит задание на промышленное производство. Параллельно велись работы по выведению штамма оспы принципиально нового типа, и мы надеялись, что скоро сможем наладить и его производство.

10
«ВЕКТОР»
КОЛЬЦОВО, СИБИРЬ
1988 ГОД

Окна административного здания «Вектора» заиндевели. Была середина зимы, а она в Сибири суровая — за окном столбик термометра опустился до минус сорока. Научные сотрудники, теснившиеся в маленькой комнатке, кутались в шерстяные свитера, некоторые даже сидели в куртках. Они недовольно ворчали, проклиная холод и советский продснаб.

— Я уже не помню, когда в последний раз видел свежий помидор, — чертыхнулся кто-то.

— Скоро дойдем до того, что станем таскать еду из клеток животных, — хихикнув, откликнулся другой.

Я добродушно улыбнулся. Достаточно хорошо зная почти всех ведущих сотрудников, я оценил их черный юмор.

Человека, рассмешившего этой шуткой почти всех, кто был в комнате, звали Николай Устинов. Когда мы познакомились, ему было сорок четыре года. Это был сибиряк, крецкого телосложения, общительный и остроумный. Устинов обожал свою работу. Он руководил группой сотрудников, работавшей с вирусом Марбург — вирусом геморрагической лихорадки, который мы раздобыли еще в 70-х годах. Этот проект считался не менее значительным, чем работа над вирусом оспы.

Устинов проработал на «Векторе» уже много лет. Его очень любили и ценили в коллективе «Биопрепарата». Он всегда находил время поговорить с коллегами по работе. Его жена Женя работала в другой лаборатории этого же института. У них в семье было двое сыновей-подростков. Прежде чем перейти к обсуждению дел, я подумал о том, что нужно спросить Устинова, не могу ли я помочь ему с продуктами. Я забыл это сделать.

Спустя два месяца, в середине апреля, ранним утром раздался телефонный звонок. Взяв трубку, я услышал голос Льва Сандахчие-ва.

— Случилось ужасное, — пробормотал он.

— Несчастный случай?

— Да. Устинов уколол большой палец и занес в рану вирус Марбург, — в его голосе слышалась и жалость, и разочарование. — Он работал в лаборатории с морскими свинками, когда это случилось.

— Погодите-ка, — перебил я его. — Вы ведь знаете правила. Пришлите шифрограмму. И больше ни слова по телефону.

Конечно, с моей стороны было бестактно обрывать Сандахчиева на полуслове, но вести такие переговоры по телефону строжайше запрещалось.

Вирус лихорадки Марбург был одним из самых опасных среди всех, с которыми мы работали. И не только потому, что мы мало что о нем знали, но еще и потому, что он имел самое разрушительное воздействие на человеческий организм.

Первая официально зарегистрированная вспышка заболевания, вызванная этим вирусом, произошла в Марбурге, тихом университетском городке в восьмидесяти километрах к северу от Франкфурта, в 1967 году на одном из фармацевтических предприятий Беринга.[15] Смотритель, ухаживавший за животными, умер через две недели после того, как он заметил симптомы таинственного заболевания у зеленых мартышек, привезенных в лабораторию Беринга из Центральной Африки. В лаборатории выращивали вакцину, используя клетки почек этих обезьян. Очень скоро заболели и остальные работники лаборатории. Аналогичные случаи были отмечены в лабораториях Беринга во Франкфурте и в Белграде, в которые были завезены зеленые мартышки из той же партии.

Двадцать четыре человека, работавших в лаборатории, стали жертвами какого-то неизвестного заболевания, позже заболели шесть медицинских сестер, которые за ними ухаживали. Семь человек из всех заразившихся скончались. Эта вспышка неизвестного инфекционного заболевания вызвала тревогу во всем мире и привлекла к этой трагедии внимание ведущих биологов и специалистов по редким тропическим болезням.

Загадочный, никому не известный вирус, как выяснилось, разжижал человеческие органы. Он провоцирует множественные кровоизлияния внутренних органов, и, перед тем как жертва погибает, каждый сантиметр тела кровоточит. Один из выживших после этой болезни сошел с ума. Таинственное заболевание буквально растворило клетки его мозга.

Следуя традиции, неизвестный вирус был назван по имени того места, где его впервые обнаружили.

Наиболее выдающиеся и известные микробиологи и биохимики учились в Марбурге, в их числе и Альбрехт Коссель, чьи исследования помогли открыть ДНК, и Александр Иерсен, один из тех, кто обнаружил возбудителя чумы (названного в его честь Yersinia pestis). Вирус Марбург впервые был исследован в лаборатории имени Эмиля фон Беринга.

Очень похожий вирус был обнаружен через девять лет на

берегах реки Эбола в Заире (теперь Демократическая Республика Конго). За время эпидемии в Заире и соседнем Судане умерли четыреста тридцать человек. Вирус, вызвавший это страшное заболевание, был назван Эбола. В 1995 году почти в тех же районах Заира вспыхнула очередная эпидемия лихорадки Эбола.

Вирусы, обнаруженные в Африке, генетически слегка отличались от штамма, зарегистрированного в Германии, но тем не менее были родственными. Исследование под электронным микроскопом обоих штаммов вируса выявило, что они размножаются, «выстреливая» из клеток, уже захваченных ими для получения необходимых питательных веществ, крошечные волокна или нити, — это похоже на забрасывание удочки рыбаком. Нити эти были слегка загнуты на конце, точь-в-точь как рыболовный крючок. Готовясь захватить очередную клетку, они свиваются в кольца, словно микроскопические лассо. Считалось, что Марбург и Эбола принадлежат к какому-то совершенно новому виду вирусных микроорганизмов. Им дали название филовирусы.[16]

Несмотря на многолетнее изучение филовирусов, они все еще остаются загадкой. Мало что известно и о том, где скрываются эти вирусы и каким именно образом они передаются человеку. В некоторых случаях заражение может произойти от укуса животного или насекомого. Есть случаи передачи заболевания половым путем. Некоторые ученые предполагают даже, что вирус может содержаться в некоторых растениях. Известно также, что Эбола и Марбург могут передаваться от одного человека к другому без непосредственного контакта. Некоторые люди в Германии и Африке заразились после пребывания в одной комнате с инфицированными пациентами. Уровень смертности от лихорадки Эбола составляет от 70 до 90 процентов.

До сих пор неизвестно, что служит природным очагом возникновения этих вирусов. Однако проведенные за последние годы исследования позволяют предположить, что вирусы веками сосуществовали с человеком, но оставались при этом незамеченными, лишь изредка давая о себе знать. Марбург и Эбола были отнесены к новой категории «экстренных или чрезвычайных вирусов»,[17] которые могут стать такими же распространенными, как многие хорошо знакомые инфекционные заболевания.

Во время наших поисков по всему миру «многообещающих» вирусов, штамм вируса Марбург был найден и привезен в Советский Союз. Это случилось почти через десять лет после того, как он был выделен. Из имеющихся записей до сих пор неясно, приобретен ли он в Соединенных Штатах или же прямо в

Германии, однако совершенно точно известно, что его тут же включили в список тех вирусов, которые представляют особый интерес для создания на их базе оружия массового уничтожения. Мы к тому времени уже успели изучить некоторые другие микроорганизмы, которые также поражают кровеносные сосуды и вызывают геморрагическую лихорадку, например вирус Хунин из Аргентины и Мачупо из Боливии. Но Марбург по сравнению с ними обладал более мощным потенциалом в военном применении.

Вернемся в Кольцове Устинов проводил там серию экспериментов с подопытными кроликами и морскими свинками, чтобы проследить реакцию организма на возрастание концентрации вируса Марбург. Случайный укол при такой концентрации вируса означал, что количество вирусных частиц в крови превышает в сотни, может быть, даже в тысячи раз то, которое было у жертв в Германии. Я подумал, что его шансы на выживание были равны нулю.

Немедленно позвонив в отдел специальной техники безопасности, я попросил их послать своих сотрудников в Институт вирусологии Министерства обороны в Загорске, где ученые разработали антисыворотку.[18] После этого я позвонил в Министерство здравоохранения и велел отправить в Кольцово группу врачей с необходимой антивирусной сывороткой.

Но все это было напрасно. До Кольцова нужно лететь на самолете четыре часа, а ближайшей рейс был только вечером. Но даже если сыворотку успеют привезти, то с момента заражения пройдет почти два дня — в случае с вирусом Марбурга это была почти вечность. А в Загорске в нашем распоряжении находилось всего лишь сто миллилитров антисыворотки.

У Калинина проходило какое-то совещание, когда я заглянул в приемную и спросил у секретаря, можно ли с ним поговорить. Татьяна, только взглянув на меня, кинулась в кабинет. Генерал прервал совещание и выслушал подробный доклад о том, что произошло.

— Сейчас я ожидаю шифрограмму из «Вектора», но мне кажется, что у нас будет труп, — добавил я. Калинин слегка побледнел.

— Неужели его не удастся спасти? — спросил он.

— Я бы не слишком на это рассчитывал.

— Придется доложить наверх, — вздохнул он.

Реакция в верхах на сообщение о несчастном случае волновала его больше, чем вероятная гибель бедняги Устинова, но нельзя было винить его за это. Нам было хорошо известно, что достаточно одной серьезной аварии, чтобы поставить под вопрос

существование «Биопрепарата». Были еще достаточно свежи в нашей памяти воспоминания о катастрофических последствиях трагедии в Свердловске. Да и после чернобыльской катастрофы прошел всего год, и Советскому Союзу меньше всего сейчас нужны были новые потрясения.

Однако вина за то, что произошло с Устиновым, ложилась и на государство. Приезжая с очередной проверкой на «Вектор», я не раз убеждался в том, как нещадно эксплуатируют порой наших лучших ученых. Сандахчиев никогда не говорил о том, что его сотрудники вынуждены работать в невыносимых условиях. Работа на «Векторе» была очень опасной. И полным безумием было позволять техническому персоналу работать подолгу со столь контагиозными микроорганизмами. Работая в Зоне III в тяжелых защитных костюмах, люди очень быстро уставали. От усталости реакция притуплялась, а в таком состоянии легко было совершить ошибку. Наша проблема усугублялась еще и тем, что работа с вирусом Марбург началась до того, как «Вектор» обеспечили антисывороткой.

Устинов болел не больше трех недель. И все это время работы с вирусом не прекращались.

* * *

Шифрограмма, составленная Сандахчиевым, пришла после обеда в тот же день. Описание произошедшего было подробным, со всеми необходимыми деталями и не оставляло никаких надежд на благополучный исход.

Там говорилось о том, что Устинов с помощью лаборанта делал инъекцию вируса Марбург морской свинке. Как и положено, ее проводили в перчаточной камере. При этом Устинов надел две пары тонких резиновых перчаток вместо обычных толстых рукавиц, в каких по существующим правилам всегда полагалось работать в Зоне III. Эти рукавицы были достаточно эластичными и позволяли удерживать подопытных животных, которые пытались вырваться из рук.

По правилам животное, которому делась инъекция, привязывали к деревянной панели. Но в тот раз Устинов нарушил инструкцию. Он, по-видимому, был уверен, что без труда удержит морскую свинку в руке. Вполне возможно, он просто решил, что в этом случае животное будет вести себя спокойнее. А может, просто спешил.

Вдруг лаборант случайно слегка толкнул его под локоть. Рука Устинова соскользнула как раз в тот момент, когда он начал

впрыскивать содержимое шприца. Игла, проткнув насквозь складку кожи животного, вошла ему в палец, проколов перчатку. Показалась кровь.

Игла вошла в палец всего на пару миллиметров, однако капелька крови говорила о том, что вирус попал в кровь. Как только Устинов сообразил, что произошло, он бросился к телефону, стоявшему в лаборатории, и вызвал дежурного диспетчера.

Правила, установленные для подобных аварийных случаев, в дальнейшем соблюдались неукоснительно. Как только Устинов вышел из душа, его уже ждали медики, одетые в защитные костюмы. Его немедленно перевезли в небольшую больницу, находившуюся на территории «Вектора», с изолятором на двадцать коек, который был отделен от внешнего мира толстыми стенами и герметичными дверьми.

До того как из Москвы привезли антисыворотку, врачи делали все, чтобы хоть как-то облегчить страдания Устинова. Он отлично понимал, что произошло, но иногда вдруг начинал верить, что все обойдется и что он останется в живых. Долгое время он был в сознании и смог во всех деталях описать все, что случилось в лаборатории, и даже примерно подсчитать количество попавшего к нему в организм вируса. Его жена, узнав о сучившемся, бросилась в больницу. Но ни ее, ни детей в изолятор не пустили. Позже ей одной разрешили навещать его, но только до тех пор, пока она могла выносить его страдания.

Так продолжалось две недели, и каждый день на моем столе появлялись шифрограммы, сухим медицинским языком извещавшие о ходе болезни Устинова. Уже потом из разговоров с коллегами и врачами, которые были рядом с ним, мне удалось составить более полную картину происходившего. Она дополнила рапорты живыми деталями и человеческими отношениями.

Устинов поначалу сохранял присутствие духа и даже шутил с медсестрами, планируя, какими делами будет заниматься в первую очередь. Через два дня он стал жаловаться на сильную головную боль и тошноту. Постепенно он становился вялым, неразговорчивым, черты лица как бы застыли: это было следствием токсического шока. На четвертый день глаза у него сильно покраснели, на теле появились небольшие кровоподтеки, началось кровоизлияние в сосудах, расположенных прямо под кожей.

От боли Устинов только молча вздрагивал, лежа на койке. Вирус стремительно размножался в его организме. От слабости он не мог ни есть, ни говорить, ни двигаться и долго молча глядел в пространство. Он часто терял сознание. Когда его

состояние ненадолго улучшалось, ясность ума снова возвращалась к нему. Тогда Устинов просил принести ему ручку и бумаг} . Пользуясь краткой передышкой, он старался записать свои наблюдения и ощущения. Но вирус с каждой минутой все больше разрушал его организм. Иногда замечали, как по его щекам текли слезы.

На десятый день лихорадка вдруг прекратилась, прошли и мучительные приступы рвоты. Устинову стало казаться, что ему улыбнулась удача и есть надежда на выздоровление. Он снова начал шутить и даже спросил о своей семье.

Но это был лишь краткий период ремиссии. Сравнивая шифрограммы о ходе болезни Устинова с клинической картиной заболевания, вспыхнувшего в \%1 году в Марбурге, я пришел к выводу, что для оптимистических прогнозов не было никаких оснований. Надежды наши таяли с каждым днем.

По просьбе Калинина я составил краткую справку о том, как протекает болезнь Устинова. Насколько мне известно, он передал эту информацию в Кремль.

На пятнадцатый день кровоподтеки на теле Устинова стали темно-фиолетовыми, а кожа его истончилась и напоминала пергамент. Кровь, скопившись под кожей, начала просачиваться наружу. Она капала у него из носа, изо рта, сочилась даже из гениталий. До конца еще не изучен механизм, который запускается при попадании вируса в кровь и препятствует нормальному свертыванию крови; тромбоциты, отвечающие за свертывание крови, разрушаются в первую очередь. По мере того как вирус распространяется по всему телу, все внутренние органы начинают разрушаться.

Бесконечные, изнурительные приступы диареи оставляли зловонные черные лужи на простынях. Листки бумаги, на которых он время от времени делал записи, описывая симптомы своей болезни, медсестры осторожно поднимали с пола и выносили наружу, чтобы расшифровать. Но скоро он не мог уже больше писать.

Теперь количество филовирусов достигло многих миллиардов, и они продолжали размножаться в тканях с чудовищной быстротой, отыскивая оставшиеся здоровые клетки. Каждый вирион, подобравшись к клетке жертвы, образовывал нечто вроде «бруска», которым атаковал стенку клетку до тех пор, пока та не разрывалась. После этого выпущенные наружу дрожащие отростки, похожие на бесчисленные антенны, выискивали следующую жертву и процесс преследования выбранной цели и разрушения повторялся снова.

Теперь Устинов подолгу лежал без сознания. Некоторые

вспоминали, что, придя в себя, он порой испытывал беспричинные приступы ярости. Рассказывали, что он иногда бредил, жалуясь на то, что свалившаяся на него работа превышает все разумные пределы. Другие утверждали, что такого никогда не было. Поскольку сейчас уже доказано, что многие вирусы могут оказывать влияние на поведение человека, то, вероятно, Устинова преследовала навязчивая мысль послать в Москву письмо с обвинениями.

Врачи, которые привезли антисыворотку в Кольцово, особенно не удивились, когда она оказалась совершенно бесполезной. Не помогли и обычные антивирусные препараты, такие, как рибавирин и интерферон. Геморрагические лихорадки иногда можно вылечить полным переливанием крови заболевшему. Но врачи, обсудив все, пришли к выводу, что в данном случае это вряд ли даст положительный эффект.

30 апреля я получил длинную шифрограмму, в которой подробно описывалось состояние Устинова в тот день. Торопливо читая ее, я понял, что, судя по симптомам, его состояние ухудшилось. И вдруг в глаза мне бросилась последняя строчка: «Пациент умер. Требуется разрешение на проведение патолого-анатомического вскрытия». Я без сил опустился на стул.

Хотя я ждал этого сообщения каждый день, потрясение все равно было ужасным. Немного придя в себя, я отправился к Калинину. Войдя к нему в кабинет, я сказал, что все кончено. Устинов умер.

— Они хотят провести вскрытие, — добавил я.

На лице Калинина не дрогнул ни один мускул.

— Я доложу об этом наверх, — пообещал он и вернулся к бумагам, с которыми работал. Он не спросил ни о состоянии вдовы Устинова, ни о его сотрудниках.

Не знаю, какова была реакция высших чиновников на смерть Устинова, но одно могу сказать совершенно точно: ни единого письма с соболезнованием так и не было отправлено его вдове. Сандахчиев обратился в Москву с просьбой выделить жене и детям погибшего десять тысяч рублей помимо пенсии, которую по закону должна была получить семья, потерявшая кормильца. В те годы это были немалые деньги, и Калинин поначалу проигнорировал просьбу, но в конце концов подписал приказ.

Но даже после смерти Устинов по-прежнему был в плену убившего его вируса. Риск заражения делал обычную в таких случаях процедуру омовения тела невозможной, поэтому его просто обработали дезинфицирующим раствором, положили в пластиковый мешок, затем в металлический контейнер, который заварили и поместили в обычный деревянный гроб. Только после

этого решили, что можно без опасений предать его земле.

Похороны прошли достаточно быстро, чтобы не привлекать внимания. Сандахчиев произнес прощальную речь над мраморной надгробной плитой. Семья Устинова, его коллеги и близкие друзья пришли проводить его в последний путь. Их окружал плотный кордон сотрудников КГБ, следивших за тем, чтобы никто из посторонних не узнал об обстоятельствах его смерти. Из Москвы так никто и не приехал.

Обсуждение каких бы то ни было происшествий или аварий (безразлично, закончилось ли все смертью или нет) было запрещено. Но слухи о трагедии распространились очень быстро. В ходе расследования, проведенного совместно КГБ и Министерством здравоохранения, было установлено, что трагедия произошла по вине самого Устинова, нарушившего правила безопасности.

Поток административных указаний и приказов о строгом соблюдении правил техники безопасности захлестнул все находившиеся в подчинении у «Биопрепарата» институты и заводы. Был издан приказ о модернизации систем хранения биологического материала. Необходимо было в течение десяти дней доложить о принятых мерах в Москву, точно так же, как это было сделано после аварии в Свердловске. Как и тогда, не было сказано ни слова о самой трагедии, только приказ строго соблюдать все меры безопасности.

В этой истории Устинов был не последней жертвой. Патологоанатом из Министерства здравоохранения, приехавший делать вскрытие тела Устинова, случайно поцарапался иглой шприца, которым брал у покойного образцы костного мозга. Этот человек, обозначенный в документах буквой «В», прошел через те же самые круги ада, что и Устинов, хотя, по мнению врачей, получил куда меньшую дозу вируса. После того как он провел в изоляторе «Вектора» полтора месяца, в его состоянии наступило некоторое улучшение. Потом ему снова стало хуже, и его перевезли в Москву. Официально никто в «Биопрепарате» не знал о его дальнейшей судьбе, но два врача из Третьего управления Минздрава сказали мне, что вскоре после переезда он умер.

Вирус, выращенный в лабораторных условиях, попав в живой организм, становится еще опаснее. Поэтому неудивительно, что образцы вируса Марбург, взятые из тканей Устинова во время патологоанатомического вскрытия, отличались от первоначального штамма. Дальнейшие исследования вскоре показали, что новый штамм обладает гораздо большей устойчивостью, чем тот, с которым работал Устинов.

Предсказать следующий шаг было нетрудно. Как только

стали известны результаты исследований, решили заменить старый штамм на новый, который назвали Вариант U в честь Устинова.

В конце 1989 года в Москву пришла шифрограмма. Она была подписана Сандахчиевым. В ней сообщалось, что рецептура на основе вируса Марбург Вариант U готова к использованию в качестве оружия. Сандахчиев просил разрешить проведение испытаний.

Строительство на «Векторе» отставало от намеченного графика, и поэтому испытательные камеры все еще не были готовы. Оставались только три объекта, где можно было бы провести испытания нового опасного штамма: в Омутнинске, в Степногорске и в Оболенске. Оболенск отвергли сразу же — из-за его близости к столице. В Омутнинске полным ходом шла подготовка к испытаниям нового вида оружия на основе чумы. Единственным вариантом был Степногорск.

Но на этом заводе никогда еще не проводились подобные испытания с вирусами. Как только я отдал приказ подготовить завод к испытаниям вируса Марбург, полковник Геннадий Лепешкин, сменивший меня на посту руководителя предприятия в Степногорске, тут же принялся протестовать.

— Я думаю, это слишком опасно, — твердил он.

Оказывается, что человек, когда-то называвший беднягу Николая Чернышова «парнем, угробившим кучу народа в Свердловске», был здравомыслящим, рассудительным директором огромного объекта. И я его хорошо понимал, но приказ есть приказ…

— Гена, прекрати спорить, — заявил я. — Мы должны это сделать.

Бомбочки, или, как мы их называли, изделия, наполненные вирусом Марбург, надежно зафиксировали и поместили в металлические контейнеры, чтобы перевезти по железной дороге. Груз сопровождала вооруженная охрана и группа ученых. Дорога в Степногорск заняла почти двадцать семь часов. Вслед за этим составом вышел второй, с подопытными животными.

В период подготовки к испытаниям я дважды побывал в Степногорске. После моего перевода в Москву прошло два года, но комплекс настолько вырос, что его было не узнать.

Аэрозольные испытания нового оружия в камерах на обезьянах прошли успешно: все двенадцать обезьян умерли в течение трех недель.

В начале 1990 года вирус Марбург Вариант U был готов к приемке, ждали только приказа из министерства.

Оказалось, что культивировать вирус Эбола куда сложнее,

чем Марбург. Нашим ученым никак не удавалось достичь необходимой концентрации. Но к концу 1990 года эта проблема была наконец решена. Мы были в двух шагах от создания еще одного вида оружия — на базе вируса Эбола. А в Загорске ученые заканчивали работу над вирусом лихорадки Ласса и обезьяньей оспы.

ТАЙНЫ И ЛОЖЬ

11
ИНСТИТУТ ОСОБО ЧИСТЫХ БИОПРЕПАРАТОВ ЛЕНИНГРАД 1989 ГОД

Был конец октября 1989 года, понедельник, раннее утро. Заглянув в кабинет, секретарь доложила:

— Звонит Николай Фролов. Говорит, что должен немедленно поговорить с вами!

Отодвинув в сторону документы, громоздившиеся на столе, я вздохнул — больше всего на свете мне хотелось прямо сейчас, уронив голову на стол, хоть часок поспать. С момента смерти Устинова и до конца испытаний Варианта U ни у кого из нас не было ни минуты свободного времени. Тем более что на следующий день в Протвино должно было состояться совещание, на котором обязаны были присутствовать более ста руководителей и старших ученых подведомственных предприятий. Я не горел желанием попасть туда. Что я мог сказать присутствующим? Ничего утешительного, ведь мы отставали от графика практически по всем проектам.

Каждому руководителю была отправлена срочная шифрограмма, в которой указывалось место и время проведения совещания. Все утро я спешно решал кое-какие оперативные вопросы, сыпавшиеся на меня со всех сторон, пришлось собрать волю в кулак и полностью сконцентрироваться.

Фролов был заместителем директора Ленинградского института особо чистых биопрепаратов — одного из наших важнейших научно-исследовательских предприятий. Директором института был Владимир Пасечник — видный ученый.

Я взял трубку.

— У нас проблема, — сказал Фролов. От едва скрываемого волнения голос его дрожал.

— Да какие там могут быть проблемы? — я постарался, чтобы голос мой звучал помягче.

— Пасечник не приехал.

— Пасечник не приехал? Хотите сказать, не приехал в Протвино? Не волнуйтесь вы так. Ничего не случится, если он немного опоздает.

— Да нет же, нет! — теперь Фролов уже почти кричал в трубку. — Я хочу сказать, Пасечник не вернулся из Франции!

— Из Франции?! А что он там делает? — я чуть было не рассмеялся, решив, что это шутка.

— Так ведь вы сами отправили его туда! Вы дали ему разрешение на поездку!

И тут я все вспомнил! Полгода назад, когда я был в командировке в Ленинграде, Пасечник сообщил мне, что получил приглашение от одного из крупнейших производителей фармацевтического оборудования, француза. Он приглашал посетить его производство в Париже.

— Было бы интересно посмотреть новую линию по производству ферментаторов, — сказал Пасечник.

— В самом деле, почему бы и не съездить? — согласился я. — Да и в Париже побывать тоже неплохо, верно? А то вы совсем заработались.

Пару месяцев назад он позвонил мне, чтобы напомнить о нашем разговоре. Честно говоря, я немного удивился. Мне казалось, что он уже давно уехал.

— Слишком занят был, — поспешно объяснил он. — А сейчас звоню, чтобы просто убедиться, что вы не против моей поездки.

Этот разговор состоялся в сентябре. Потом я о Пасечнике ничего не слышал и решил, что он съездил в Париж и давным-давно вернулся в Ленинград.

— В конце концов можете объяснить толком, что там у вас происходит?! — спросил я, изо всех сил стараясь держать себя в руках и говорить спокойно.

Фролов, захлебываясь словами, начал рассказывать. Казалось, он сам до конца не верил в то, что это произошло на самом деле.

Неделю назад вместе с еще одним сотрудником института Пасечник вылетел во Францию. Все намеченные им встречи прошли чудесно, потом он позвонил в институт и рассказал, как великолепно он проводит время. В это время в Ленинград пришла вышеупомянутая шифрограмма о совещании в Протвино. Фролов позвонил в Париж, чтобы сообщить об этом Пасечнику и его коллеге.

— Они оба жили в каком-то тихом отеле за городом, — продолжал Фролов. — Билеты были забронированы на субботу. Но, узнав о шифрограмме, Пасечник пообещал, что возьмет билет на более ранний рейс, на пятницу, так как хочет подготовиться к совещанию. И добавил, что его коллега останется тут еще на один день и улетит, как они и планировали, в субботу.

Войдя рано утром в пятницу в номер, его коллега увидел, что Пасечник в одежде лежит на кровати. Его вид говорил о том, что он всю ночь не сомкнул глаз. По полу валялись окурки, а ведь Пасечник не курил. Сотрудник стоял в нерешительности.

— Владимир Артемович, — сказал он, опомнившись, — поторопитесь, а то опоздаете на самолет!

— Спасибо, — как-то вяло пробормотал Пасечник, вставая с кровати. Он был явно не в себе.

Подойдя к своему коллеге, Пасечник вдруг крепко обнял его и сказал «прощай» вместо обычного в таких случаях «до свидания», что выглядело несколько странно. На следующий день сотрудник улетел в Москву. В аэропорту он наткнулся на жену Пасечника, встречавшую мужа.

— А что вы здесь делаете? — удивленно спросил он.

Женщина спокойно сказала, что ждет Владимира. В воскресенье они вместе встречали следующий рейс из Парижа, но Пасечника среди пассажиров не было.

— Поэтому я решил позвонить вам, — закончил свой рассказ Фролов.

Я слушал его и чувствовал, как комок подкатывает к горлу. У меня засосало под ложечкой. Было только два объяснения: либо с Пасечником что-то случилось, либо он решил не возвращаться в Союз.

Я мысленно вернулся к нашей последней встрече в Ленинграде. Тогда мы многое обсудили. День был на редкость тяжелым. Поздно вечером Пасечник отвез меня на вокзал: я рассчитывал успеть на последний поезд и вернуться в Москву. Выглядел он плохо и был чем-то расстроен. Не выдержав, я поинтересовался, что случилось. Конечно, задавать такой вопрос было довольно бестактно. Он — известный ученый, да еще старше меня почти на двадцать лет. К тому же Пасечник всегда держался довольно отчужденно. Я заволновался, как бы он не обиделся.

— Канатжан, — вдруг спросил он, с грустью глядя на меня, — я могу быть с тобой откровенным?

— Конечно.

— Видишь ли, в чем дело… Мне ведь пятьдесят один год, а у меня такое странное чувство… Даже не знаю, успею ли я сделать все, что хотел. А мне со всех сторон твердят, что скоро на пенсию.

Я понял, о чем он говорит: ведь для работающих в нашей отрасли пятьдесят пять лет — это время идти на пенсию. Я дружески похлопал его по плечу.

— Ей-богу, не знаю, что вы так волнуетесь? — весело сказал я и рассмеялся. — Четыре года — долгий срок! Может впереди самые лучшие годы!

Улыбка у Пасечника вышла какой-то печальной, мы попрощались, и я заторопился к поезду.

Если бы я мог тогда предположить, чем обернется эта командировка Пасечника не только для меня, но и для всего

«Биопрепарата», то, несмотря на свою занятость, сопоставил бы многие факты: и наш разговор на вокзале; и то, что он так долго откладывал поездку в Париж; и многое другое. Но не принято у нас забивать себе голову чужими проблемами. Теперь случившееся могло многое изменить.

Ленинградский институт особо чистых биопрепаратов со времени своего основания в начале 70-х годов сразу стал ключевым звеном в нашей программе. Пасечник был талантливым управленцем. Под его руководством в институте было разработано много новейших технологий для оборонной промышленности. Таких, например, как создание мельниц, в которых использовались мощные потоки сжатого воздуха, превращавшие смесь бактерий и вирусов в мельчайший порошок. Насколько нам было известно, подобного устройства в мире не существовало. Предполагалось заменить ими тяжелые шаровые мельницы, десятилетиями использовавшиеся на предприятиях Министерства обороны.

Были также достигнуты значительные успехи в таких технологических процессах, как высушивание и микрокапсулирование: вещества покрывались полимерным составом и превращались в капсулы. Это способствовало более длительному хранению и предохраняло от воздействия ультрафиолетовых лучей. Так как в городской зоне было строжайше запрещено работать с болезнетворными микроорганизмами, институт занимался разработкой новейшего оборудования.

Одним из наиболее значительных проектов, над которым работал Пасечник, было проведение расчетов по применению крылатых ракет для распыления биологического оружия. Ленинградским ученым была поставлена задача: проанализировать эффективность аэрозолей, распыляемых с «быстро— и низколетящего объекта», в котором находилось несколько двадцатилитровых канистр с жидким или порошкообразным веществом. Была рассчитана платформа, имитирующая движение крылатой ракеты, которая сбрасывала канистры над целью.

С появлением крылатых ракет произошел настоящий переворот во всей оборонной промышленности. Они были оснащены электронной системой самонаведения и картографической системой, что позволяло им лететь совсем низко над землей, поэтому их невозможно было обнаружить при помощи наземных радиолокационных установок. Запуск можно было производить с земли, с воздуха и даже с кораблей, причем на очень большом расстоянии от цели. Если приспособить их для

наших целей, то это позволило бы многократно увеличить стратегическую эффективность нашего биологического оружия. Для крылатых ракет требуется меньше биологических веществ, чем для баллистических. И возможности их использования не ограничены. Многозарядные боеголовки баллистических ракет можно легко обнаружить с помощью электронных систем слежения уже в первые минуты после пуска. Самолеты также легко обнаружить системой ПВО, давая войскам гражданской обороны и медикам время для действий, а военным — возможность мобилизовать все силы для нанесения ответного удара. А крылатая ракета может появиться совершенно неожиданно.

Именно над решением задачи переоборудования крылатых ракет трудились некоторые сотрудники «Биопрепарата» в годы, когда я там работал. Чем все это закончилось, я не знаю.

Если Пасечник не вернется, то «Биопрепарат» лишится талантливого ученого. Кроме того, существовала опасность разглашения им секретных сведений. За пятнадцать лет существования «Биопрепарата» никто из ученых или инженеров не пытался сбежать за границу.

Закончив разговор с Фроловым, я велел ему держать язык за зубами. Затем я позвонил Савве Ермошину:

— Савва, — проговорил я, — у меня неприятности.

— У тебя их всегда хватало, — хохотнул он.

— Похоже, Пасечник сбежал.

На том конце провода повисла гнетущая тишина. Потом я услышал:

— Вот черт! Лучше сразу дать знать Калинину, — добавил он на конец после долгого молчания.

— Для этого-то я и позвонил тебе. Хотел, чтобы ты был со мной, когда я преподнесу ему эту новость.

Когда мы вошли, Калинин разговаривал с Валерием Быковым — министром медицинской и микробиологической промышленности.

Не шжню, кто заговорил первым, я или Ермошин, но никогда не забуду, как обменялись взглядами Калинин и Быков. Глядя на их лица, можно было подумать, что они только что услышали о смерти кого-то из близких.

Я быстро пересказал им разговор с Фроловым.

Калинин опомнился первым:

— Кто дал ему разрешение?

— Я, но об этом вам было доложено.

Да, я рассказал Калинину о разговоре с Пасечником и о приглашении, поступившем от руководства французской

фармацевтической фирмы. Конечно, я и сам мог дать разрешение на зарубежную поездку, однако Калинин всегда настаивал, чтобы я информировал его обо всем.

— Не помню такого, — резко откинувшись назад, Калинин исподтишка глянул на Быкова. — Ты мне ничего не говорил!

Я вдруг почувствовал, как по спине у меня побежали мурашки. Калинин недвусмысленно дал мне понять, что вся ответственность за случившееся ложится на меня одного. Мастер подковерной борьбы, он отлично знал, как в такой ситуации выйти сухим из воды.

— Кто готовил шифрограмму, предписывающую Пасечнику вернуться в Москву? — как на допросе спросил он низким, «начальственным» голосом.

— Я сам, — признался я. — Но мы всем руководителям посылали такие. Все они касались совещания в Протвино.

— Кто ее подписал?

— Смирнов, — я назвал фамилию одного из замов Калинина. Именно его я попросил подготовить и подписать шифрограммы, поскольку сам был завален работой.

Этот факт был мне на пользу. Если бы моя подпись стояла под шифрованной телеграммой, это только подкрепило бы ту стройную версию, которую выстраивали на моих глазах: сначала Алибеков дает разрешение Пасечнику уехать в Париж, а потом ему приходит телеграмма за подписью того же Алибекова с приказом вернуться раньше. Что это, если не зашифрованное предупреждение Пасечнику, чтобы тот немедленно исчез? Конечно, логики в этой теории было мало.

Быков не отступал. Он потребовал, чтобы я рассказал все снова, с самого начала. Потом велел Ермошину изложить собственную версию событий, которая, естественно, мало чем отличалась от моей. Подумав немного, я решил промолчать о подавленном состоянии Пасечника незадолго до отъезда, решив, что сделаю только хуже. И совсем не хотел объяснять, почему я немедленно не проинформировал их обоих о странном поведении директора. Наконец Быков выдохся.

— Михаил Сергеевич наверняка об этом узнает, — пробормотал он, имея в виду Горбачева. — От Кремля такое не скроешь. И двух дней не пройдет, как все узнают о том, что случилось. Так что лучше приготовься заранее.

— К чему? — спросил я.

— Кто-то будет козлом отпущения, — невозмутимо объяснил Быков. — И если Горбачев решит, что кого-то нужно будет непременно наказать, то этим человеком будешь ты. Впрочем, не исключено, что он закроет на это глаза. Тогда можешь считать,

что тебе повезло. Есть шанс прожить остаток своих дней счастливо и умереть в собственной постели.

Я угрюмо кивнул. Что тут говорить? Все и так было ясно.

Через пару дней я вернулся из Протвино. В кабинете меня уже поджидал Ермошин.

— Что-нибудь известно о Пасечнике? — коротко спросил он.

— Нет, ничего. А что такое?

Ермошин сосредоточенно разглядывал свои руки:

— Ну… похоже, мы знаем, где он.

— И как вам удалось его найти?

— С помощью экстрасенса, — пояснил Ермошин. — Показали ему фотографию Пасечника. Он долго смотрел на нее, потом сказал, что видит изображенного на ней человека, он сейчас на острове, каком-то очень большом острове, близко от моря.

— На острове? — изумленно переспросил я, не веря собственным ушам.

— Ну да, на острове, — продолжал Ермошин. — И еще он увидел огромный старый дом, в котором с ним «работают» два или три человека.

Я улыбнулся. До этого мне и в голову не могло прийти, что КГБ сотрудничает с экстрасенсами.

— Да ладно тебе, Савва, — отмахнулся я, — прекрати дурачиться. Неужели в такой организации, как наша, нельзя обойтись без столоверчения, духов и прочей чертовщины?

— Послушай, — вдруг рассержено сказал Ермошин, — ты не понимаешь, ведь это очень серьезно. Помнишь, над чем Пасечник работал последние годы?

Я постарался замять разговор. Мне показалось, что Ермошин принимает эту ситуацию слишком близко к сердцу. Самое странное, что, как позже выяснилось, его экстрасенс оказался прав: Пасечник был в Англии.

Спустя много лет, когда я уже сам уехал за границу, в январе 1995 года английское правительство пригласило меня принять участие в обсуждении вопросов биозащиты. Во время перерыва ко мне подошли английские офицеры, и между нами завязался разговор. Я общался через переводчика. Речь зашла о Пасечнике, которого я не видел с 1989 года. Настроение у всех было отличным, и я в шутку рассказал им о том, как КГБ пытался отыскать следы Пасечника с помощью экстрасенса. Но в ответ никто не засмеялся.

— Так ведь именно там мы его и поселили, — сказал вдруг один из офицеров. — Необходимо было обеспечить его безопасность, вот мы и поселили его на побережье в одном из старых домов.

Да… Либо экстрасенс, который помогал КГБ, был настоящим гением, либо… либо у него была отличная агентура. Еще тогда, при разговоре с Ермошиным, я начал подозревать, что Савве было приказано проверить мою реакцию. Наверняка или Быкову, или Калинину принадлежала идея подловить меня. Если бы я не удивился новости о том, что Пасечник находится на острове, это стало бы подтверждением моей причастности. Сказать по правде, я разозлился на Ермошина за то, что он согласился участвовать в этом психологическом эксперименте.

В конце недели Калинин позвонил мне и сообщил, что я «в безопасности». Оказалось, что Горбачев, узнав о Пасечнике, распорядился лишь принять все необходимые меры, чтобы подобное не повторилось, однако ни о каких репрессивных мерах речь не шла.

Еще через две недели в кабинете Калинина состоялось заседание специальной комиссии, в которую входили два офицера КГБ, полковники Никулин и Царенко, и несколько человек от нашего ведомства, включая Савву Ермошина и Владимира Давыдова — военного инженера, ответственного за «организационные вопросы». Давыдов был неприятным человеком: нетерпимым и иногда грубым по отношению к подчиненным. Казалось, он только и искал случая, чтобы угодить начальству, и был готов сделать все, что от него потребуют.

Сначала комиссия обсуждала первоочередные меры. Все пришли к единому мнению, что от использования всего того, что разработал Пасечник, необходимо отказаться. Институт особо чистых биопрепаратов должен будет заниматься исключительно гражданскими разработками. Конечно, это очень сильно тормозило наш проект, но выбора у нас не оставалось.

Когда разговор зашел о Пасечнике, я заметил, что обстановка в кабинете тут же обострилась. Какие только обвинения не сыпались в его адрес! Его называли и предателем, и перевертышем, и даже трусом и «тряпкой».

— Нельзя это так оставить, — объявил Давыдов, — надо что-то делать.

Все в ожидании уставились на него.

— Нельзя, чтобы это сошло ему с рук. Есть только один выход: его нужно кончать!

В комнате стояла тишина. Вдруг кто-то заерзал, но все старались не смотреть друг другу в глаза. Мне показалось, что даже Ермошин почувствовал себя неловко. Калинин молча смотрел в окно. Я был в шоке.

— Мы не можем так поступить, — возразил я.

Конечно, я был зол на Пасечника, так как он поставил меня в

очень трудное положение. Тем не менее мысль об убийстве казалась мне дикой и неуместной. Молчание прервал полковник Никулин:

— Хватит рассуждать на эту тему, — негромко сказал он, — никто не собирается обсуждать здесь какое-то убийство, КГБ уже отказалось от этих методов.

Кое-кто облегченно вздохнул. Но тревога осталась. Думаю, все при этом подумали, что если в КГБ примут решение разделаться с Пасечником, нашего мнения никто спрашивать не будет.

Не знаю, пытались ли покушаться на жизнь Пасечника или нет. В настоящее время он находится в Англии, жив и здоров.[19]

Начиная с 1986 года американцы требовали открыть наши объекты для посещения. На Западе после бегства Пасечника подозрения по поводу нашей деятельности только возросли. Вскоре мы узнали, что американцы все настойчивее требуют разрешить им доступ в наши лаборатории, чтобы проверить, не нарушает ли Советский Союз условия Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов биологического и токсинного оружия. Эти бесконечные требования, конечно, нервировали Москву. Но отказать им было нельзя, хотя в условиях Конвенции не было ни одного пункта, предусматривающего механизм такой проверки. Все отлично понимали, что стоит компетентному зарубежному специалисту переступить порог любой нашей лаборатории, как сразу станет ясно, с чем мы здесь работаем.

В 1988 году, за год до слушаний в Конгрессе США по биологическому оружию, Горбачев подписал секретный указ, в соответствии с которым необходимо было разработать мобильные производственные линии, которые в случае проведения инспекции можно было бы перевезти в другое место.

Когда я в 1988 году занял пост первого заместителя начальника «Биопрепарата», то именно на меня была возложена обязанность сделать все необходимые приготовления к инспекторской проверке, и это задание очень скоро стало для меня основным, оттеснив все остальные дела. Также я должен был представлять наше ведомство в специальной комиссии Министерства иностранных дел, называемой Межведомственной комиссией, которая «давала рекомендации» министру иностранных дел относительно контроля над вооружением. Но в основном она занималась тем, что отвечала на жалобы американцев о различных нарушениях условий Конвенции. В комиссию должен был входить представитель от каждого государственного предприятия, имеющего отношение к

программе разработки и создания биологического оружия, включая 15-е Управление, Военно-промышленную комиссию, Министерство обороны и Академию наук СССР.

В отношениях между Вашингтоном и Москвой за год возникло столько вопросов, требующих решения, что комиссии приходилось заседать каждый месяц.

Совещания, проходившие на Смоленской площади, в здании Министерства иностранных дел, обычно проводил заместитель министра иностранных дел Владимир Петровский. Официально никто в его министерстве не знал о существовании нашей программы. Казалось, что и сам министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе (член Политбюро, соратник и доверенное лицо Горбачева) оставался в неведении. Себя же мы неизменно называли «специалистами в области систем биологической защиты». Но я никогда не сомневался, что большинство представителей правящей верхушки отлично знали, чем мы занимаемся на самом деле.

Иногда кресло Петровского занимал Никита Смидович, молодой и проницательный человек. Как-то раз он принес на заседание очередную ноту американцев, которую и прочитал нам.

— Они утверждают, что в Омутнинске есть завод по производству биологического оружия, — сказал Смидович.

Генерал Валентин Евстигнеев, начальник 15-го Управления, был удивлен.

— Абсолютная чушь, — заявил он. — Все заводы под Кировом производят исключительно вакцины.

Все посмотрели на меня.

— Что ж, — признался я, — мы в Омутнинске выпускаем еще и биопестициды.

Смидович подмигнул мне.

— Да ладно тебе! Не такой я дурак, как ты думаешь. Скажи же нам хоть сейчас правду-то!

— Не знаю, на что ты намекаешь, Никита, — отпирался я. — Я тебе говорю чистую правду.

Смидович покачал головой:

— Хватит вешать мне лапшу на уши, — проворчал он. Мы все сделали вид, что абсолютно не понимаем, о чем идет речь. Впрочем, всем было ясно, что дипломатов на данном этапе используют для прикрытия нашего ведомства.

В связи с этими событиями в Москве в Институте прикладной биохимии был создан специальный отдел. На самом деле этот институт не имел никакого отношения к биохимии. Он разрабатывал и производил специальное оборудование для наших лабораторий.

Перед этим отделом была поставлена задача создать прикрытие нашей деятельности. На это было выделено более четырехсот тысяч рублей. Они разработали проектную документацию фиктивного завода по производству средств биозащиты. Причем сразу вместе с этим были подготовлены правительственные приказы, разрешающие строительство объекта со столь высоким уровнем биологической защиты. На эти документы мы могли бы сослаться, если бы пришлось объяснять, почему десятки тысяч квадратных метров производственных площадей находятся в Зоне III. За рубежом очень мало фармацевтических предприятий с подобными уровнями защиты. В Соединенных Штатах, насколько мы знали, существовали всего два предприятия, работавших на четвертом уровне биозащиты, что соответствует нашей Зоне III.

Если все-таки кто-то из наблюдателей, попав в нашу «гражданскую» лабораторию, где и в самом деле выпускались вакцины, заметил бы несоответствие реального уровня защиты с тем, который фигурировал в наших «фальшивках», то на этот случай у нас тоже был готов ответ. Мы бы объяснили это тем, что лаборатории были построены много лет назад, теперь же в Советском Союзе приняты другие, гораздо более высокие требования по безопасности работ.

Чтобы поддержать эту версию, было создано еще одно подразделение, в чьи обязанности якобы входило наблюдение за строительством этого мифического завода. Фальшивка создавалась на самом высоком уровне.

Советский Союз к тому времени обладал достаточно богатым опытом и знал, как можно ловко одурачить иностранцев, не говоря уже о собственном народе.

И тем не менее многим не давала покоя мысль, что западные инспекторы раскроют наш обман. Полковник Виктор Попов, руководитель Института прикладной биохимии, в рапорте, присланном на мое имя, выражал беспокойство по поводу того, что никто не поверит в то, что гигантские ферментаторы и испытательные камеры, которых полным-полно на наших заводах, используются для изготовления пестицидов. Я отклонил его рапорт.

— Вам бы не выделили эти деньги, если бы не считали вас способным обеспечить надежное прикрытие, — отрезал я.

Задетый за живое, он вернулся к работе. Конечно, он был прав: наиболее подозрительно выглядевшее оборудование следовало бы отправить на закрытый склад, хотя большую часть его нельзя было демонтировать.

В 1988 году для сотрудников «Биопрепарата» нами была

разработана специальная инструкция, в которой четко было расписано, как отвечать на вопросы инспектирующих. На любой возможный вопрос: «для чего это помещение?», «что это за оборудование?» — имелся определенный ответ, и каждый сотрудник должен был знать его наизусть.

Больше всего я беспокоился за наш проект с вирусом оспы. Если западные специалисты привезут с собой соответствующие приборы для инспектирования «Вектора», то без особого труда обнаружат присутствие генетического материала вируса оспы в помещениях. А это уже нарушение с нашей стороны условий резолюций Всемирной организации здравоохранения, в соответствии с которыми подобные вирусы могут храниться только в Институте вирусных препаратов. Мы предложили даже перевезти некоторые из хранившихся в Москве штаммов в Сибирь, на «Вектор», чтобы хоть как-то объяснить наличие там следов оспы, но Министерство здравоохранения, в чьем ведении находилось хранилище со штаммами, не согласилось с нами.

А в это время Межведомственная комиссия непрерывно обрабатывала запросы американцев. Каждый ответ, написанный под диктовку нашего «специалиста по биологической защите», был точным, высокопрофессиональным и исчерпывающим — и при этом от первого до последнего слова лживым. Поток лжи был настолько огромным, что это уже начинало всех утомлять.

В начале 1990 года на одном из заседаний комиссии Петровский, широко улыбаясь, сказал, что желает сделать важное заявление. Я, было, обрадовался, решив, что американцы оставят нас в покое со своими инспекциями.

— Следующее наше заседание, — радостно объявил он, — будет вести новый заместитель министра Виктор Карпов.

У Петровского был забинтован палец. Я обратил внимание на то, что он, как ребенок, теребит его и ковыряет повязку. Для человека, которого уволили, он был слишком довольным. Заметив, что все удивленно смотрят на него, ожидая объяснений, он смущенно добавил:

— Слава Богу, я теперь свободен от всего этого.[20]

* * *

В конце 1989 года послы США и Великобритании предприняли дипломатический демарш в отношении Анатолия Черняева — советника Горбачева по международной политике. В послании говорилось, что правительства этих стран обладают «новой информацией», подтверждающей, что Советский Союз

грубо нарушает принятую в 1972 году Конвенцию по биологическому оружию. Источником этой «информации» мог быть только Пасечник.

Посол США Джек Мэтлок и посол Великобритании Родрик Брэйтуэйт выслушали туманные объяснения Черняева.

— Насчет тех обвинений, которые вы мне представили, могу заявить следующее, — невозмутимо сказал Черняев, — либо вы располагаете неверной информацией, либо президент не поставил меня в известность об этих нарушениях, либо речь идет о том, о чем не знает ни он, ни я.

Советник пообещал «разобраться в этом деле».

Дальше события развивались стремительно. Меня вызвал к себе Калинин и сообщил, что из Вашингтона и Лондона поступили ноты протеста и что это напрямую касается нашей программы. Я еще никогда не видел его таким встревоженным.

— Да, головная боль нам обеспечена, — добавил он. — Шеварднадзе рвет и мечет. Когда ему сказали про послов, говорят, что он пошел прямо к Горбачеву и потребовал объяснений. По-видимому, ему не понравилось, что иностранцы знают о том, что у нас происходит, больше, чем он.

Калинин, как и все военные, не скрывал легкого презрения к министру иностранных дел, который вел переговоры, в результате которых мы должны были вывести наши войска из Восточной Европы. Можно представить себе ярость Шеварднадзе! Все усилия, предпринятые им и Горбачевым для того, чтобы изменить отношение Запада к Советскому Союзу, могли быть сведены на нет. Ради этого Горбачев даже отправился в Ватикан, став первым коммунистом, получившим аудиенцию у Папы. Он старался показать, что не сочувствует свергнутым коммунистическим режимам в странах Восточной Европы и что их попытки вернуть себе власть и уничтожить нарождающуюся демократию заранее обречены на поражение.

Шеварднадзе не знал о существовании программы по созданию биологического оружия. Только четверо из наших руководителей: Горбачев, председатель КГБ Владимир Крючков, министр обороны Дмитрий Язов и член Политбюро, ответственный за военную промышленность, Лев Зайков — были в курсе дел.

Мы успокаивали себя мыслью, что Пасечник многого просто не знал. Он лично никогда не принимал участия в разработке программы по производству биологического оружия, поэтому то, что он рассказал на Западе, основывалось исключительно на слухах и разговорах. К сожалению, наш самый главный секрет — настоящее назначение «Биопрепарата» — стал по вине Пасечника

достоянием гласности.

Бегство Пасечника на Запад доставило много хлопот нашему правительству. Игорю Белоусову, заместителю председателя Совета Министров и главе Военно-промышленной комиссии, было поручено подготовить ответ на ноту протеста. В феврале 1990 года проект ответа был готов и представлен на подпись министрам.

Большая часть документа была написана сотрудниками «Биопрепарата». В нем со всей ответственностью заявлялось, что Советский Союз всегда придерживался и впредь будет придерживаться условий Конвенции. Мы признали, что некоторым наблюдателям отдельные аспекты нашей деятельности, действительно, могли бы показаться подозрительными. Но настаивали, что все наши исследования в области биологического оружия касаются только мер по защите собственного государства от возможной агрессии. Неоднозначное определение того, что может считаться биологической защитой, данное в самом договоре, предоставляло нам лазейку для выхода из этого положения.

Мы согласились обсудить график проверок биологических предприятий. Речь шла не об обычных проверках — Запад бы это не удовлетворило. Но наша готовность распахнуть двери наших предприятий должна была продемонстрировать нашу искренность и добрую волю. Никто из нас не верил в то, что правительство США примет наше предложение, тем более что это заставило бы американцев также допустить наших представителей на их предприятия.

Просмотреть и подписать этот документ должны были следующие лица: председатель КГБ Владимир Крючков, председатель Госплана Юрий Маслюков, глава Военно-промышленной комиссии Игорь Белоусов, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе и министр обороны Дмитрий Язов. А после этого он направлялся для окончательного согласования Горбачеву.

Калинину было поручено собрать все нужные подписи. Ко всеобщему удивлению, все, кроме министра иностранных дел Шеварднадзе, поставили свои подписи под документом. Калинин забеспокоился. Но вскоре он, сияя, зашел ко мне в кабинет.

— Решили, что достаточно будет подписи Карпова, замминистра, так как он является еще и главой Управления по разоружению, — объявил он. — Можешь отнести документ ему на подпись.

Я отправился в здание на Смоленской площади без охраны, ведь у меня в портфеле не было абсолютно ничего, кроме папки,

полной откровенной лжи.

Карпов сидел в кабинете. Оторвав взгляд от бумаг, он удивился, хотя мне было известно, что он ждал меня.

— Что там у вас, Алибеков? — полюбопытствовал он.

Протянув ему документ, я терпеливо ждал, пока он прочтет его.

— Знаете, молодой человек, по-моему, у вас будут большие проблемы в будущем, — промолвил он наконец. Я был застигнут врасплох таким заявлением.

— Что вы имеете в виду? — удивился я. — Посмотрите на подписи! А я что? Я просто курьер.

— Канатжан, — Карпов устало покачал головой, — думаете, я не знаю, кто вы такой на самом деле и чем вы занимаетесь? Или не догадываюсь, что во всем этом нет ни слова правды?

— Понятия не имею, о чем это вы, — пытаясь сделать круглые глаза, ответил я.

Подняв руку, Карпов махнул ею устало:

— Все, хватит. Не будем об этом.

Размашисто подписав документ, Карпов протянул его мне.

Через несколько дней дипломатический ответ был направлен послам США и Великобритании в Москве. Документ был отпечатан на бланке Министерства иностранных дел. На нем стояла подпись Эдуарда Шеварднадзе.

* * *

«Биопрепарату» сообщили, что американцы и англичане согласились молчать об истории с Пасечником в обмен на максимально полный ответ на ноту. Наш ответ можно было назвать как угодно, только не полным. Однако они не нарушили взятых на себя обязательств. О Пасечнике все узнали только после развала Советского Союза.

Почему же Запад пошел нам навстречу? Ведь обнародование информации Пасечника причинило бы нашей стране огромный вред. Когда я уже жил в Соединенных Штатах, один высокопоставленный чиновник Администрации президента Буша рассказал мне, что в США и Англии решили, что публичный скандал может сильно'ослож-нить международные отношения. Вполне возможно, это поставило бы под угрозу уже достигнутые договоренности по сокращению других видов вооружений и в конечном итоге ослабило бы позиции Горбачева. Они также были убеждены, что скрытое воздействие скорее заставит нас отказаться от разработки биологического оружия.

Такой поворот событий сыграл нам только на руку. Мы еще целых два года продолжали заниматься разработкой и производством нового биовооружения.

12
«КОСТЕР»
ОБОЛЕНСК
1989 ГОД

Война с применением бактериологического оружия — это наука, перевернутая с ног на голову… величайшее извращение…

(Из официального документа, опубликованного в Советском Союзе в 1951 году)

На юге Московской области, в Обо-ленске, в закрытом поселке городского типа, расположен исследовательский комплекс, находящийся в ведении «Биопрепарата». Там же располагался и наш «музей культур». Сотни штаммов различных бактерий, хранившиеся в стеклянных пробирках, служили сырьем для экспериментов с генетически измененными видами бактерий, которые проводились в конце 80-х годов.

Особенно выделялось высокое стеклянное Строение 1, где находились лаборатории Зон II и III. Пять из восьми его этажей были поделены в соответствии с теми болезнетворными микроорганизмами, с которыми работали ученые. Например, третий этаж занимали специалисты по туляремии. Над ними располагались лаборатории, в которых велись работы с бактериями сибирской язвы, сапа и мелиоидоза. Остальные этажи были отданы под лаборатории, где создавались новейшие промышленные технологии.

В ноябре 1989 года в Оболенске проходило ежегодное совещание, на котором ведущие научные сотрудники «Биопрепарата» обсуждали результаты своей работы. Более пятидесяти человек собрались в большой, лишенной окон аудитории Строения 1. Туда запрещалось вносить папки или портфели. Каждому участнику выдавался блокнот для записей, который после совещания необходимо было сдать сотрудникам Первого отдела. Чтобы взять его снова, требовалось специальное разрешение.

Предпоследний докладчик, молодой ученый из Оболенска,[21]

начал свой доклад о работе над проектом под названием «Костер». Вначале его почти не слушали. Работа над проектом «Костер» велась почти пятнадцать лет, многие из нас потеряли надежду когда-либо дождаться результатов. Проект был грандиозным и требовал немалых усилий. Его целью было создание нового типа токсинно-го оружия. В течение долгого времени проектом руководил блестящий специалист в области молекулярной биологии Игорь Домарадский. В последствии он осудит само существование программы по созданию биологического оружия.

Ученые десятилетиями пытались создать смертельно опасные отравляющие вещества на основе яда змей или пауков, а также ядовитых растений, грибов и бактерий. Большинство стран, работавших над созданием бактериологического оружия, включая Советский Союз, в конце концов были вынуждены признать идею использования токсинов растительного происхождения неосуществимой. Все пришли к единому выводу, что производить эти вещества в количествах, необходимых для ведения боевых действий в масштабах современной войны, невозможно. Однако в начале 70-х годов в Советском Союзе решили вновь развернуть работы над этим проектом. В его основу было положено замечательное открытие, сделанное группой микробиологов и иммунологов из Академии наук СССР.

Эти ученые изучали пептиды — цепочки аминокислот, которые выполняют в нашем организме различные функции: от регулирования уровня гормонов или улучшения пищеварения до управления иммунной системой. Важная группа пептидов, названных регу-ляторными пептидами, активизируется в моменты стрессов, болезней или при сильных эмоциях: чувстве страха, любви, вспышках гнева. Некоторые регуляторные пептиды воздействуют на центральную нервную систему. Их чрезмерное количество может изменить настроение и даже психику человека. Другие при превышении их нормального уровня в человеческом организме вызывают более серьезные негативные последствия, такие, как сердечный приступ, инсульт и даже паралич. Проведя серию экспериментов, биологи научились получать в лабораторных условиях гены, ответственные за целый ряд регуляторных пептидов, имеющих известные токсические свойства, если они продуцируются в избыточных количествах. Выяснилось, что один из них, введенный в больших дозах, способен уничтожать миелиновую защитную оболочку, покрывающую нервные волокна, передающие по всему телу электрические импульсы от головного и спинного мозга. Эти пока еще неизвестные на Западе пептиды назвали миелиновым

токсином.

Конечно, этот пептид (впрочем, как и другие) было трудно получать в количестве, достаточном для проведения масштабных экспериментов. Эту проблему решила генная инженерия: биологи научились синтезировать гены, ответственные за выработку миелинового токсина, получать их искусственным путем в лабораторных условиях и внедрять в клетки бактерий. Если этот штамм бактерий оказывался совместимым с миелиновым токсином, то трансплантированный ген размножался вместе с бактерией. Этот проект раскрывал колоссальные возможности, но клеймо, поставленное на исследованиях по генетике во времена Сталина и Лысенко, делало маловероятной правительственную поддержку проекта.

Биологи обратились за помощью к Юрию Овчинникову, который только начинал свою политическую карьеру, что привело в будущем к созданию «Биопрепарата». Он мгновенно оценил проект и увидел в нем возможность создания принципиально нового вида оружия. Вместе с группой своих коллег Овчинников тут же составил письмо, в котором обосновал необходимость возобновления разработки пептидного оружия, и направил его в ЦК КПСС.

В этом письме отмечалось, что западные технологии генной инженерии позволяют клонировать гены так же продуктивно, как и культуры бактерий. Научную часть письма аппаратчики из ЦК могли и не понять, но на них должны были произвести впечатление имена тех, кто его подписал. Одним из них был Рем Петров, ведущий иммунолог и эксперт по регуляторным пептидам, в настоящее время вице-президент Российской Академии наук. А против последнего аргумента ученых и вовсе было нечего возразить: оружие на основе веществ, вырабатываемых человеческим организмом, не входит в список тех, что были в свое время запрещены Конвенцией. Для проекта «Костер» тут же были выделены необходимые средства. Гены миелиновых токсинов, созданные в Академии наук СССР, были отправлены в Оболенск. Началась научная работа.

Если бы все шло по намеченному плану, Советский Союз очень скоро получил бы принципиально новый вид оружия, а российские ученые смогли бы на равных состязаться в области биотехнологий со своими коллегами из других стран.

Развитие генной инженерии было, в частности, ответом на одно из наиболее неблагоприятных явлений в современной медицине. Менее чем через двадцать лет после открытия мощных антибиотиков множество бактерий стали к ним невосприимчивы. Естественные мутации болезнетворных микроорганизмов привели

к тому, что они внезапно перестали погибать под воздействием чудодейственных лекарств, изобретенных в 30-е и 40-е годы.

Антибиотики не всегда убивают бактерии, иногда они просто ограничивают их размножение, позволяя иммунной системе организма самой справиться с болезнью. Одним из принципиальных различий между клетками человеческого тела и клетками бактерий является наличие плотной оболочки, защищающей бактерию от враждебной среды. Поэтому принцип действия многих антибактериальных средств состоит в разрушении данной оболочки. Бацит-рацин, например, мешает поступлению протеинов из цитоплазмы через оболочку, тем самым препятствуя ее регенерации. Пенициллин и цефалоспорины препятствуют формированию клеточной оболочки бактерий. Аминогликозиды, включая стрептомицин и гентамицин, убивают бактерии, связывая их рибосомы и блокируя синтез протеинов. Эритромицин и тетрациклин действуют примерно по такому же принципу.

Некоторые антибиотики препятствуют процессу формирования бактерии из составляющих, необходимых для ее роста и размножения, или вмешиваются в этот процесс. Еще в 30-х годах ученые обнаружили, что если добавить к бактериальным культурам некоторые химические красители, содержащие серу, то сама бактерия начинает размножаться чрезвычайно медленно. После 1935 года применение сульфонамидов и прочих серосодержащих препаратов практически ликвидировало пневмонию в Великобритании. Дальнейшие исследования показали, что с помощью грибков или определенного вида плесени, которые достаточно легко вырастить в лабораторных условиях, также можно замедлять рост бактерий. Наибольший эффект давал пенициллин.

К началу 40-х годов в распоряжении врачей оказались десятки антибактериальных препаратов, которые позволяли лечить и дифтерию, и чуму, и тиф, и туберкулез. Однако через несколько лет некоторые из них постепенно утратили свою эффективность, в то время как количество штаммов болезнетворных бактерий, устойчивых к воздействию препаратов, стало неуклонно расти.

В 1946 году биологи из США Джошуа Ледерберг и Эдвард Тейтем определили одну из причин невосприимчивости организмов к антибиотикам и таким образом положили начало современной науке — генной инженерии. Оказалось, что микробы как бы «учатся» сопротивляться антибиотикам (новой и неизвестной для них угрозе), заимствуя гены друг у друга. Когда ученые смешали между собой штаммы двух микроорганизмов,

результатом этого стал спонтанный перенос генетического материала от одного микроорганизма к другому. Тейтему Ледербергу а вместе с ними и Джорджу Бидлу в 1958 году была присуждена Нобелевская премия за исследования, доказывающие, что биохимические реакции в микроорганизмах регулируются с помощью генов.

Вскоре была найдена технология, позволяющая управлять переносом генов. Разработанные учеными методики нашли применение не только в медицине, но и в фармакологии, в сельском хозяйстве и других областях. Например, инсулин — гормон, используемый в лечении сахарного диабета. Если организм вырабатывает его в недостаточном количестве, то можно производить его в лабораторных условиях, просто переместив его гены в бактерии. Так впервые человеческий инсулин стал легко доступен для больных диабетом. Приблизительно таким же способом стало возможно внести изменения в гены кукурузы, риса и других злаков для того, чтобы повысить сопротивляемость растений к болезням.

Сообщения об этих разработках вызвали в Советском Союзе не только восхищение, но и зависть. Разве наши ученые не в состоянии создать нечто подобное? Решение Брежнева от 1973 года о разрешении генетических экспериментов под эгидой «Биопрепарата» стало неожиданным подарком для многих советских ученых, которые до этого были вынуждены лишь со стороны наблюдать за стремительным развитием генной инженерии. Желание оказаться на переднем крае исследований в области биологии было настолько сильным, что ученые, откликнувшиеся на призыв принять участи в новой научной программе, охотно пересмотрели свои взгляды на участие в создании биологического оружия.

Зимой 1972 года Игорь Домарадский, известный генетик и микробиолог, отдыхая в Подмосковье, получил из Министерства здравоохранения срочное сообщение. В нем говорилось, что за ним заедет правительственная машина, которая доставит его на какое-то чрезвычайно важное совещание. Не прошло и часа, как Домарадский был доставлен в Кремль и беседовал с одним из руководителей Военно-промышленной комиссии.

Домарадскому предложили работу в новой организации, в которой, как ему сказали, будут проводиться исследования штаммов бактерий чумы и туляремии, устойчивых к воздействию существующих антибиотиков. Еще в молодости ученый Игорь Домарадский внес ощутимый вклад в исследования природы чумы. В 50-е годы он был сначала директором противечумного института в Сибири, а потом продолжил свои исследования уже

на юге России, где под его непосредственным руководством велись исследования по повышению эффективности вакцин против чумы, холеры и дифтерии. Конечно, Домарадский понимал, чем ему предложат заниматься. Однако он рассчитывал, что в рамках программы по созданию новейшего вида оружия он сможет продолжить собственные исследования.

«Наша работа была направлена на решение сугубо научных задач, — писал Домарадский в своих мемуарах, опубликованных частным образом в Москве в 1995 году. — Только потом мы задумались над морально-этической стороной наших исследований».

Домарадский стал заместителем председателя Научно-технического совета «Биопрепарата». Он считал, что биологам и генетикам, желающим идти в ногу с мировой наукой, больше некуда податься. «Можно по пальцам пересчитать тех, кто, отвергнув златые горы, что сулило правительство, смог хоть чего-то добиться в жизни, — писал он позже в своих мемуарах, — или хотя бы вообще найти работу в данной области».

Межведомственный научно-технический совет, в котором Домарадский представлял «Биопрепарат», отвечал за обмен информацией между различными правительственными и научными учреждениями, участвующими в советской программе разработки биологического оружия. В нее входили Министерство здравоохранения, Министерство сельского хозяйства, Министерство обороны, Министерство химической промышленности, Академия наук СССР и 15-е Управление. Совет собирался регулярно, раз в два или в три месяца, для того, чтобы обсудить основные направления исследований по созданию нового вооружения. Наиболее важным было участие Академии наук. В программе были задействованы четыре института, входящих в ее состав. Они не разрабатывали оружие как таковое, но постоянно консультировали «Биопрепарат» по вопросам, связанным с фундаментальными исследованиями в области патогенных микроорганизмов и делились разработками в области генной инженерии.

В Межведомственный совет входили выдающиеся академики: Рэм Петров, специалист в области регуляторных пептидов; академик Скрябин, директор Института биохимии и физиологии микроорганизмов; академик Мирзабеков, молодой ученый, получивший известность благодаря своим исследованиями в области молекулярной биологии; и профессор Воронин, ставший преемником Скрябина в качестве директора института.

Когда спустя десять лет я встретил Домарадского, он показался мне озлобившимся человеком. Несколько

раздражительный, слегка прихрамывающий из-за перенесенного в детстве полиомиелита, этот блестящий теоретик презирал военных, руководивших институтом. В программе он участвовал так давно, что наверняка помнил молодыми таких людей, как Калинин или Ключеров. Дома-радский всегда считал, что военные не умели работать и мешали его исследовательской работе.

Я, конечно, не был исключением. На защите моей докторской диссертации он раскритиковал мою работу. Но все равно многие из нас понимали его и больше жалели, чем недолюбливали.

Вскоре после прихода в «Биопрепарат» Домарадского привлекли к созданию Института прикладной микробиологии в Оболенске. В 1973 году он занял еще один пост — заместителя директора этого института — и начал работать вместе с небольшой группой исследователей в только что построенном лабораторном комплексе.

Вначале в Оболенске было всего несколько зданий из белого и красного кирпича, соединенных между собой грязными дорогами. Но комплекс быстро разрастался, по мере того как приезжали новые сотрудники и завозилось лабораторное оборудование.

Местным жителям было известно только, что Институт прикладной микробиологии занимается разработками средств борьбы с инфекционными болезнями. Институт был огорожен и круглосуточно охранялся. Как и многие другие учреждения, он имел собственный номер почтового ящика В-8724.

Домарадский пригласил в свою группу ученых со всей страны. Им предстояло усовершенствовать технологии, которые в будущем предполагалось использовать в проектах «Костер» и «Метол». Название «Метол» было присвоено параллельному проекту, в котором основной акцент делался на создание бактерий и оружия на их основе, не подверженных воздействию антибиотиков. Среди них на первом месте стоял возбудитель чумы. И вскоре в Оболенске начались исследования генов различных бактерий.

В своих мемуарах Домарадский не упоминает о проектах «Костер» и «Метол». Может быть, из-за страха перед возможными последствиями — ведь сведения об этих проектах в России до сих пор считаются государственной тайной.

Для того чтобы изменить генную структуру болезнетворной бактерии, необходимо решить две очень сложные задачи. Первая — найти подходящий метод переноса генов в ДНК другого микроорганизма. Вторая проблема — как осуществить данную пересадку, не уменьшая вирулентности бактерии.

Для решения первой задачи Домарадский обратился к

плазмидам. Плазмиды — это цепочки генетического материала, обнаруженные в бактериях, которые могут отвечать за такие свойства, как вирулентность и сопротивляемость антибиотикам. Их широко используют в генной инженерии, так как они обладают способностью к репликации[22] вне организма, из которого они взяты и, следовательно, могут быть перенесены в другую клетку.

Ученые из группы Домарадского обнаружили плазмид с генами, обладающими невосприимчивостью к тетрациклину — одному из самых мощных и эффективных антибиотиков широкого спектра действия. Данная плазмида содержалась в штаммах бактерии под названием Bacillus thuringiensis, обычно использующейся при производстве биопестицидов.

В чашке Петри они, смешав небольшое количество Bacillus thuringiensis и бактерий сибирской язвы, вырастили оба штамма вместе, а затем поместили их в пробирку с тетрациклином, проверяя, выживут ли бактерии сибирской язвы. Опыты повторялись снова и снова. Могло пройти много месяцев, а может быть, и лет, прежде чем удалось бы вывести штамм, обладающий нужной степенью невосприимчивости к антибиотику. Антибиотик уничтожил большую часть бактерий сибирской язвы, однако несколько клеток все-таки выжило. Большинство уцелевших клеток содержало невосприимчивые к антибиотикам гены из Bacillus thuringiensis. Теперь на базе этих клонированных клеток можно было создавать невосприимчивые к тетрациклину штаммы сибирской язвы и чумы.

Проблема сохранения вирулентности генетически измененных бактерий оказалось намного сложнее. Несмотря на весь свой талант, Домарадский не мог предоставить Министерству обороны то, что от него требовали. Военным не нужно было оружие, обладавшее невосприимчивостью только к одному виду антибиотиков. Ведь врачи располагали широким спектром методов лечения бактериальных заболеваний. Поэтому бактериологическое оружие должно быть невосприимчивым ко всем видам лекарственных средств. В 1976 году Домарадский представил созданный под его руководством штамм возбудителя туляремии с «тройной невосприимчивостью». Почти десять лет он бился над тем, чтобы создать штамм бактерии, обладающий невосприимчивостью ко всему спектру существующих антибиотиков, но ему так и не удалось решить эту задачу.

В руководстве не скрывали своего разочарования. Но Домарадский не считал это неудачей. Он во всеуслышание заявил, что научные результаты нельзя планировать, как пятилетку. Ему тут же напомнили, что именно он когда-то взял

на себя обязательство разработать штамм, обладающий абсолютной невосприимчивостью к антибиотикам. Для него это лишь подтверждало, что военные не имеют ни малейшего понятия о том, как ведется работа в исследовательских лабораториях.

Для такого ученого, как Домарадский, программа по созданию биологического оружия была одновременно и благословением, и проклятием. С одной стороны, не было недостатка в финансировании и имелись большие технические возможности для проведения исследований, а с другой — приходилось мириться с тем, что из-за строжайшей секретности о результатах работы всегда будет известно лишь весьма ограниченному кругу людей. Домарадскому удалось запатентовать десять различных методов переноса плазмид. Он один из первых в мире сумел выделить плазмиду, ответственную за вирулентность сибирской язвы. Но на всех его патентах и открытиях до сих пор стоит гриф секретности.

В своих мемуарах Домарадский описывает все строжайшие правила, принятые в «Биопрепарате» с первого дня его создания, Уче-ным не разрешалось рассказывать о работе даже родным. Их свобода была ограничена до такой степени, что даже свои отпуска они были вынуждены проводить только в специальном доме отдыха.

Сотрудников «Биопрепарата» не пускали на научные конференции, если они проходили за рубежом. Домарадский считал это особенно возмутительным. «Я постоянно выдумывал самые разные причины, чтобы отказаться от приглашений коллег из-за рубежа, — возмущался он. — То мне приходилось врать, что я сломал ногу, то ссылаться на семейные проблемы».

Случались и курьезы. Однажды Домарадскому пришлось просить разрешения у самого Юрия Андропова, в то время возглавлявшего КГБ, чтобы начать работу над особой культурой чумы. После успешного завершения работы ему было приказано доставить все результаты опытов непосредственно в Кремль. В сопровождении вооруженного охранника он привез туда колбу с культурой генетически измененного возбудителя сибирской язвы и торжественно с самым серьезным видом продемонстрировал генералитету и партийному руководству страны запаянную колбу. Это было не совсем то, что они надеялись увидеть.

Подобные абсурдные ситуации порой доводили Домарадского до отчаяния, но самые большие неприятности ждали его впереди. Они были связаны с приходом в Оболенск нового военного начальника, приказ о назначении которого был подписан в 1982 году непосредственно Калининым.

Генерал Николай Николаевич Ураков работал в 15-м Управлении, а еще раньше был заместителем директора военного института в Кирове. Отдавая приказы, он часто использовал грубый армейский жаргон. Он терпеть не мог гражданских, которых презрительно называл «симулянтами».

Ураков был ученым. Когда-то он даже получил государственную награду за разработку оружия на основе лихорадки Ку.[23] За годы нашего знакомства он не раз вспоминал о «своем» оружии в самых нежных выражениях. «Хотелось бы мне, чтобы мы снова вернулись к лихорадке Ку, — ностальгически вздыхал он. — Вот это было настоящее оружие! Жаль, что теперь его никто не воспринимает всерьез».

Ураков превратил жизнь Домарадского в настоящий ад, постоянно напоминая о срываемых сроках работ. Он никогда не упускал случая подчеркнуть свое более высокое положение, то и дело назначая молодых офицеров начальниками лабораторий. Даже как-то попытался переманить из Степногорска меня. «Из нас получилась бы великолепная команда», — повторял он.

Возможность перебраться поближе к Москве и работать под началом выдающихся ученых делали его предложение невероятно заманчивым, но тем не менее я отказался. Вряд ли Калинин позволил бы мне перейти к Уракову.

Закулисная борьба, начатая в Оболенске, затронула и руководство «Биопрепарата». Однажды я оказался свидетелем ожесточенного спора, который Ураков и Домарадский затеяли в кабинете Калинина. Он шел на столь повышенных тонах, что фразы слышны были на первом этаже. Я слушал все это за дверью кабинета. Оба противника перешли уже ко взаимным оскорблениям. Домарадский обвинил Уракова в «солдафонской» тактике, генерал ответил ему в том же духе. Калинин, в конце концов, не выдержал и, обращаясь к Домарадскому, попросил, чтобы тот взял себя в руки:

— Разве так должен вести себя настоящий ученый?!

Собственно говоря, этот вопрос можно было бы задать всем нам, кто предал науку, разрабатывая биологическое оружие.

В итоге Калинин предпочел интересы военных интересам ученых. Когда я в 1987 году приехал в Оболенск, Домарадского там уже не было. Его понизили в должности до начальника лаборатории и перевели в московский Институт биологического приборостроения.

В своих мемуарах Домарадский утверждает, что биологическими разработками до сих пор продолжают руководить военные. Он отмечает, что и Калинин, и Ураков так и остались во главе крупнейших научных институтов, и сетует на

то, что из-за недостатка средств он не может продолжить эксперименты с плазмидами.

Оценивая свою карьеру, Домарадский заявляет, что программа, над которой он работал столько лет, «не оправдала ни надежд, ни колоссального объема затраченных средств»:

— По сути, ничего выдающегося не сделали, — заключает он.

К сожалению, он заблуждался. То, что начал Домарадский, суждено было закончить Уракову, который сумел завершить создание плазмид, обладающих гораздо более широким спектром невосприимчивости к антибиотикам. Кроме того, проект «Костер», которым руководил Домарадский, получил неожиданное продолжение.

Совещание в Оболенске длилось уже несколько часов, когда на кафедру вышел молодой ученый. Немного устав к тому моменту, я вначале слушал его доклад без особого интереса. Он рассказывал о попытках его научной группы внедрить гены, ответственные за токсичность, в различные виды бактерий.

Я заинтересовался докладом, когда ученый объявил, что удалось найти подходящую бактерию-»хозяина» для миелинового токсина. Им оказалась Yersinia pseudotuberculosis, родственная Yersinia pestis. Результаты лабораторных испытаний были успешными и поэтому держались в строжайшем секрете.

Эксперимент проходил следующим образом. В лаборатории внутри застекленной клетки около десятка кроликов или морских свинок были привязаны к деревянным доскам, чтобы ограничить свободу их движений. На мордочке каждого животного закрепили устройство наподобие маски, подключенное к вентиляции. Это был один из обычных методов испытаний аэрозолей на мелких животных.

Затем находящийся снаружи техник нажимал на кнопку, и каждому зверьку через вентиляцию подавалась небольшая порция генетически измененных бактерий. После этого животных возвращали в обычные клетки для последующего наблюдения. У них поднималась высокая температура и появлялись симптомы, похожие на псевдотуберкулез. Но у некоторых животных проявились признаки иного заболевания: у них начались судороги, при этом задняя часть туловища оказывалась парализованной, что свидетельствовало о действии миелиновых токсинов.

Эксперимент увенчался успехом. Один генетически измененный патоген привел к появлению симптомов двух различных заболеваний, происхождение одного из которых невозможно было выяснить.

В аудитории стояла полная тишина. Все присутствующие по

достоинству оценили результаты эксперимента, проведенного молодым ученым.

Да, был изобретен новый вид биологического оружия, основанный на действии соединений, которые вырабатывались человеческим организмом естественным путем. Эти токсины поражали нервную систему, изменяли поведение, вызывали психические расстройства и приводили к смерти. Работа сердца регулируется с помощью пептидов, и если их количество резко возрастает, то может начаться фибрилляция и человек может умереть.

Для КГБ особый интерес, конечно, представляли свойства регу-ляторных пептидов, позволяющие менять поведение человека. Ведь патологоанатомы не найдут впоследствии никаких признаков насильственной смерти. Какая бы разведка не заинтересовалась веществом, способным убивать, не оставляя следов?

Оставалось лишь сделать последний шаг — перейти от внедрения миелиновых токсинов в Yersiniapseudotuberculosis к их внедрению в Yersinia pestis, или возбудителя чумы.

Самые страшные и опустошительные пандемии вызывала бактерия Yersinia pestis, которую обычно разносят блохи и грызуны. На протяжении многих веков эпидемии чумы неумолимо уничтожали целые города и страны. В четырнадцатом веке четверть населения Европы умерла от чумы, которую часто называли «черной смертью». В 1665 году в самый разгар Великой чумы в Лондоне каждую неделю умирало около семи тысяч человек. Последняя пандемия началась в 1894 году в Китае, она продолжалась более десяти лет, распространившись из Гонконга через порты по всему миру. Она опустошила Бомбей, а также Сан-Франциско и другие города на Тихоокеанском побережье Соединенных Штатов. Заболели двадцать шесть миллионов человек, из них двенадцать миллионов умерли.

Чума — наиболее заразное заболевание, известное человечеству. Это одно из трех инфекционных заболеваний, при которых вводится обязательный карантин. По международным правилам о каждом случае заболевания следует сообщать во Всемирную организацию здравоохранения. При укусе зараженной блохи в кровеносную или лимфатическую систему может попасть до двадцати четырех тысяч клеток чумного патогена. Инкубационный период длится от одного до восьми дней, потом у жертвы начинается озноб и лихорадка, организм пытается сопротивляться, но, как правило, безуспешно. Если сразу не начать лечение, то бактерии чумы успеют поразить внутренние органы тела, что вызывает шок, бред, отказ основных органов и,

наконец, смерть.

Через шесть-восемь часов после появления первых симптомов заболевания на теле возникают болезненные узлы, называемые бубонами. Они увеличиваются в размерах и темнеют, по мере того как происходит некроз тканей. Лимфатические узлы на шее, в паху и подмышками распухают и болят настолько невыносимо, что люди кричат в агонии.

Самая тяжелая форма чумы — легочная. Она передается воздушно-капельным путем при чихании или кашле, бактерии проникают в легкие и вызывают пневмонию, при которой легкие заполняются жидкостью, перекрывающей поступление кислорода к остальным органам. Инкубационный период легочной чумы очень короткий, всего несколько дней. Ее симптомы появляются неожиданно, и их трудно отличить от симптомов других инфекционных заболеваний. А неправильный или несвоевременный диагноз ведет к смертельному исходу.

Когда иммунная система человека начинает борьбу с бактериями чумы, выделяется мощный токсин, который вызывает сильнейшую прострацию и дыхательную недостаточность. Смерть от этой формы чумы всегда болезненна. Жертвы погибают от действия токсинов примерно через восемнадцать часов, корчась в конвульсиях, впадая в бредовое состояние.

В двадцатом веке развитие медицины сделало вспышки чумы редкими: ежегодно в мире регистрируется не более двух тысяч случаев заражения. Но природные очаги чумы существуют на западе Соединенных Штатов: в Техасе, Калифорнии и Сьерра-Неваде, где обитают различные грызуны. Случаи легочной чумы отмечались среди населения Индии, Африки, Южной Азии и Юго-Восточной Европы. Была даже вспышка заболевания среди американских солдат, воевавших во Вьетнаме.

С 1948 года наиболее эффективным лекарством от чумы считался стрептомицин. Успешно применялись также тетрациклин, доксициклин и гентамицин. Первая противочумная вакцина была получена русским врачом Владимиром Хавкиным в 1897 году во время пандемии в Гонконге. С тех пор вакцины были усовершенствованы, но все они эффективны только против бубонной чумы, причем прививки следует делать каждые шесть месяцев. При этом степень иммунизации у людей различная, а появление неблагоприятных реакций нарастает по мере частоты вакцинаций.

Самые ранние документальные свидетельства о применении Yersinia pestis в военных целях появились в четырнадцатом веке в Крыму. При взятии татарами города Каффа тела больных чумой забрасывали в осажденный город. Во время Второй мировой

войны Япония применяла бактериологическое оружие, сбрасывая бомбы, начиненные бактериями чумы. Правда, этот метод имел недостаток: бактерии погибали при взрыве. Тогда нашли более эффективный метод — обстрел намеченного района снарядами, содержащими миллиарды зараженных чумой блох.

Американцы тоже пытались разработать оружие на базе чумы, но обнаружили, что оно быстро теряет вирулентность. Бактерии становились неболезнетворными настолько быстро (иногда менее чем за тридцать минут), что применение аэрозоля оказывалось напрасным. В Америке постепенно утратили интерес к чуме, мы же продолжали упорно с ней работать, потому что бактерии чумы можно было легко выращивать в различных средах и в широком диапазоне температур. В конце концов мы получили аэрозоль, в котором чума не теряла своей смертоносности. В Кирове хранилось двадцать тонн чумы, и этот запас ежегодно обновляется.

Успех проекта «Костер» позволил проводить наши работы с чумой на новом уровне. Через несколько месяцев ученые Оболенска успешно внедрили ген миелинового токсина в Yersinia pestis. Оружие на основе чумы и токсина не было запущено в производство, но успех этих экспериментов открыл путь дальнейшим исследованиям соединений токсинов и бактерий. Вскоре ученые Министерства обороны уже изучали практическую возможность внедрения в бактерии генов ботулинического токсина, вызывающего ботулизм — смертельно опасное заболевание.

Открытие российскими учеными возможности воспроизводства человеческих регуляторных пептидов в лабораторных условиях могло бы принести нам мировую известность. Это стало бы неоценимым вкладом в понимание природы неврологических заболеваний. Но на нем поставили гриф «совершенно секретно».

Последним на совещании выступил Ураков. Подойдя к микрофону, он с нескрываемым удовлетворением заявил:

— Как всегда, мы добились несомненного успеха.

Это было бесспорно. Комплекс в Оболенске настолько вырос, что сотрудников от одного подразделения до другого подвозили на автобусе. На предприятии работали около четырех тысяч человек. Годовой бюджет института составлял более тридцати миллионов рублей и позволял приобретать дорогое западное оборудование — электронные микроскопы, хроматографические приборы, высокоскоростные центрифуги, лазерные анализаторы.

Доклад по миелиновым токсинам был последним в тот день. Были и другие доклады об успешно проведенных работах.

Например, одна из научных групп разработала генетически измененный штамм сибирской язвы, устойчивый к пяти видам антибиотиков, другая — сап, устойчивый к медикаментозному лечению.

Но в своей заключительной речи Ураков сказал:

— В Соединенных Штатах, Великобритании и Германии продолжают создавать новые лекарства, которые пока еще недостаточно нами изучены. Помните, наша работа никогда не закончится.

13
ПЕРВОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МОСКВА
199О ГОД

Закрытый характер нашей работы не позволял нам жить полноценной столичной жизнью. Мы были вынуждены вариться в собственном соку, сплетничали о работе, жаловались на Калинина, рассказывали о женах и детях, ходили друг к другу в гости.

Но был среди нас один человек, который никогда не присоединялся ни к одной из наших компаний. Его звали Валерий Бутузов. Высокий, нескладный, коротко подстриженный мужчина. Ему было чуть больше сорока лет. Улыбаясь, он всегда радостно здоровался при встрече, но ни с кем близко не общался. Он защитил кандидатскую диссертацию по фармакологии. В нашей организации Бутузов числился ведущим инженером, но никто не знал, чем он занимается. Иногда он исчезал на несколько дней.

Генерал Анатолий Воробьев, заместитель Калинина, постоянно на него жаловался:

— Он ничего не делает, в жизни не встречал такого лентяя, — ворчал он.

Как-то вместе с ним я просматривал приказы о новых назначениях сотрудников.

— Почему вы не уволите Бутузова? — спросил я. — На его место есть много кандидатур.

Генерал помолчал несколько секунд.

— Не могу, — неохотно признался он.

— Почему?

Воробьева явно раздражал этот разговор. Он начал нервно перебирать бумаги на столе.

— Это не ваше дело, Канатжан, — ответил он. — Вам что, делать нечего?

Я больше не возвращался к этой теме, хотя и удивлялся, почему генерал, второй по значимости человек в нашей организации, не может уволить простого, хотя и ведущего инженера.

Когда я занял место Воробьева в качестве первого заместителя директора, то узнал, кем является Валерий Бутузов. Он оказался не инженером, а полковником из Первого главного

управления КГБ — службы внешней разведки. Работа в «Биопрепарате» являлась для него просто прикрытием. На самом деле его деятельность была настолько секретной, что даже высшее руководство нашей организации о ней не знало. Ермошин, конечно, знал, кем был Бутузов, но не мог рассказать мне.

— Ребята из этого управления мне не подчиняются, — пожимал он плечами. — Я вообще не должен знать, что он оттуда. Ты сам видишь, какой он талантливый фармаколог.

Желая поближе узнать его, я начал при каждой встрече приставать к нему с вопросами. Вначале он едва переносил мою назойливость, но не хотел казаться невежливым с первым замом Калинина. Постепенно мы немного сблизились, обсуждая последние книги, фильмы и спорт, болтая на чисто мужские темы.

Но мой собеседник искусно уходил от обсуждения своей работы, хотя о своем прошлом рассказывал мне охотно. Как-то он даже проговорился, что в молодости работал в каком-то Институте фармакологии.

Однажды после очередного его исчезновения, я поинтересовался, где его носило. Бутузов выглядел изможденным и невыспавшимся.

— Меня вызвали в лабораторию, в Ясенево, — ответил он, тряхнув головой. — Ребята там иногда делают такие глупости… Приходится разбираться.

Это подогрело мой интерес, ведь он говорил об известном здании КГБ, построенном на окраине Москвы специально для Первого главного управления. Ермошин говорил об этом сооружении с завистью. Его родное 2 ГУ (контрразведка и внутренняя безопасность) находилось на Лубянке, в центре Москвы. А здание в Ясенево было построено по образу и подобию штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния, и было личной вотчиной Владимира Крючкова, четырнадцать лет возглавлявшего внешнюю разведку, прежде чем в 1988 году стать председателем КГБ. Но я никогда не слышал о том, что там есть фармакологическая лаборатория.

В 1989 году Калинин и я прибыли на закрытое совещание в Третье главное управление Министерства здравоохранения, которое размещалось в здании на Ленинградском проспекте. Его руководитель, Сергеев, был ученым и одновременно заместителем министра здравоохранения. Мы часто встречались, хотя я не понимал причины, ведь вопросами вакцинации и иммунизации занимались другие отделы.

В тот день мы обсуждали случай с Устиновым в Сибири.

Сергеев нудно говорил о том затруднительном положении, в которое попало в связи с этим его министерство. Затем он перешел к обсуждению причин дефицита антисыворотки Марбург и проблемам, связанным с ее транспортировкой на «Вектор», хотя его управление не имело прямого отношения к этому вопросу.

Пока мы с Калининым ждали на улице служебную машину, я выплеснул свое раздражение:

— Юрий Тихонович, почему мы должны зря тратить здесь время? — спросил я. — За биологическую защиту на нашем предприятии отвечаем мы с вами, поэтому нет необходимости выслушивать Сергеева.

Калинин взглянул на часы. Он не любил ждать, особенно если при этом приходилось вести, праздные разговоры.

— Ты, Канатжан, в чем-то прав, — ворчливо ответил он. — Мы действительно не нуждаемся в их помощи в вопросе безопасности, но они занимаются и другими вещами, ради которых стоит поддерживать с ними хорошие отношения.

— Чем же? — поинтересовался я.

Он некоторое время колебался, прежде чем ответить.

— Я скажу, но больше никому ни слова, — серьезным голосом сказал он.

— Конечно, — подтвердил я.

— Это управление отвечает за программу «Флейта». Они курируют работу нескольких институтов.

— «Флейта»? — переспросил я.

Калинин кивнул головой.

— А о каких институтах идет речь? — продолжал я настаивать.

Он перечислил только пару из них: институт Северина, расположенный на территории психиатрической больницы в Москве, и фармакологический институт (полное его название не прозвучало, но, похоже, это был тот, где раньше работал Бутузов).

— Что это за программа? — поинтересовался я.

Калинин сделал характерный жест, проведя ладонью поперек шеи.

— Знаете, люди иногда перестают существовать, — многозначительно произнес он.

— Юрий Тихонович, не понимаю, на что вы намекаете?

Моя тупость ему не понравилась.

— Я и так слишком много сказал, — отрезал он.

Тут подъехала машина, и наша беседа прервалась. Я понимал, что проявлять излишнее любопытство было опасно. Я пошел другим путем, чтобы выяснить, что кроется за этим проектом, и стал уделять больше внимания совещаниям в

Третьем главном управлении.

Институт Северина, как мне удалось узнать, занимался разработкой психотропных веществ, изменяющих поведение человека. Ученые исследовали биохимические соединения, включая и регуляторные пептиды, что отдаленно напоминало нашу программу «Костер». Еще один институт, Медстатистика, контролируемый Третьим управлением, собирал статистические данные по всем биологическим исследованиям, ведущимся в мире. Фармакологический институт специализировался на разработке токсинов, вызывающих паралич или смерть. Все эти институты каким-то образом были связаны с программой «Флейта», целью которой было получение психотропных и нейротропных биологических веществ для специальных операций КГБ, включая политические убийства.

Калинин, наверное, был прав, говоря, что есть вещи, о которых лучше не знать.

«Биопрепарат» формально никак не был связан с «Флейтой» (наша задача — производить оружие для войны), но на самом деле связь все-таки существовала. Разработанные нами методы по выращиванию, выделению и клонированию микроорганизмов в лабораторных условиях использовали и в других государственных программах. «Биопрепарат» выполнял лишь часть секретных научных исследований.

Меня интересовал еще один вопрос: если Бутузов не работает в фармакологическом институте, то чем он занимается в ясеневской лаборатории?

Тем временем наша дружба с Бутузовым продолжалась, и мне он нравился все больше и больше.

Мы с Бутузовым много времени проводили вместе и стали более откровенны друг с другом. Вместе рыбачили на подмосковной речушке Уче, с семьями проводили выходные на моей даче. Он, оказывается, был замечательным поваром и вообще мастером на все руки: отремонтировал мои «Жигули», которые сломались через два месяца после того, как я их приобрел.

— Даже автомобили мы не умеем делать, — смеялся он. — Кажется, что часть деталей специально выкинули, чтобы нам было интереснее с ним возиться.

Я бывал в его скромной московской квартире, где он жил с женой, дочерью и престарелой матерью, и в моем сознании никак не укладывалось, что такой открытый и душевный человек может работать в КГБ. Я многое узнал о его работе во время откровенных бесед. Он рассказывал, что в лабораторию в Ясенево его перевели из фармакологического института задолго до того,

как он начал работать в «Биопрепарате». Так называемую «12-ю лабораторию» еще в 1920 году создал Генрих Ягода, тоже, кстати, фармаколог. Эта лаборатория специализировалась на веществах, убивающих быстро и тихо.

О своей работе в лаборатории Бутузов говорил очень осторожно, но все же упомянул о некоторых «эпизодах». В конце 40-х годов там производился порошок чумы, который помещали в небольшие флаконы. Убийца мог подойти к человеку сзади, рассыпать смертельный порошок и исчезнуть, прежде чем жертва поймет что-либо.

По такой схеме готовилось и покушение на маршала Тито — коммуниста, возглавлявшего послевоенную Югославию. В 1948 году он вызвал гнев Сталина, обнародовав свой план создания Балканской Федерации. В самый последний момент Сталин отменил покушение.

— Почему же Сталин передумал? — спросил я.

Бутузов расхохотался.

— Об этом знает только он сам, — ответил он.

В 70-е годы 12-я лаборатория продолжала напряженно работать. Всем известна история с Георгием Марковым — болгарским диссидентом. В сентябре 1978 года он умер в лондонской больнице от какой-то странной болезни. Перед смертью Марков вспомнил, что на мосту Ватерлоо какой-то незнакомец уколол его кончиком зонта. Врачи не смогли определить причину смерти, пока не поступило сообщение, что другой болгарский эмигрант в Париже заболел после похожего укола зонтиком. Это заставило их сделать повторное вскрытие Маркова, при котором в ране обнаружили крошечные гранулы со следами рицина — яда из семян клещевины.

Этот яд был произведен в 12-й лаборатории.

За восемь месяцев до вышеупомянутых событий болгарская разведка обратилась в КГБ с просьбой убрать неугодного диссидента Маркова. Андропов отказался предоставить своего человека для этой работы, но разрешил передать в Софию некоторое количество рицина из 12-й лаборатории и направил сотрудников КГБ для обучения болгарских агентов. Примерно в одно и то же время было совершено несколько неудачных покушений на эмигрантов из Болгарии.

Бутузов также рассказал мне, как он оказался в «Биопрепарате».

— Фармакологические институты работают только с химическими веществами, но у биологии большие возможности. Вот меня и послали в вашу лавочку, — сказал он.

Не могу точно сказать, что в действительности он думал о

своей работе, но отмечу, что, когда началась перестройка, работы у этого человека, несомненно, поубавилось. Когда я вновь повстречался с Бутузовым, он выглядел отдохнувшим, но, как мне показалось, поскучневшим.

Как-то весной 1990 года он заглянул в мой кабинет.

— Канатжан, мне нужен твой совет, — произнес он.

— Давай, валяй, — ответил я. — Вопрос личный или профессиональный?

— Профессиональный.

Я ждал продолжения.

— Мне нужно кое-что, что можно использовать в одной штуке, которую я придумал. Это маленькая батарейка, как в часах, подсоединенная к вибрационной пластине и электрическому пьезоэлементу.

— Продолжай, — попросил я.

Бутузов говорил спокойно и буднично, словно мы обсуждали футбольный матч:

— Итак, когда срабатывает элемент, пластина начинает вибрировать с высокой частотой, правильно?

— Правильно, — согласился я.

— Значит, если на пластину положить щепотку сухого порошка, то при вибрации он превратится в аэрозоль.

Бутузов взглянул на меня, ожидая поощрения, я кивнул ему, чтобы продолжал.

— Скажем, поместим мы такое устройство в маленькую коробочку, например в пустую пачку из-под сигарет, а потом она случайно окажется под чьим-нибудь столом или в мусорной корзине. Останется только привести устройство в действие, и аэрозоль сделает свое дело, правда?

— Это зависит от вещества, — заметил я.

— Именно об этом я и хочу тебя спросить. Какое вещество лучше всего взять для этой цели?

Не знаю почему, но я продолжил этот разговор:

— Можно взять минимальное количество бактерий туляремии, но они не обязательно убьют.

— Знаю, — кивнул Бутузов. — Мы подумываем о чем-то вроде лихорадки Эбола.

— Это подходит. Но велика вероятность убить не только конкретного человека, но и всех вокруг.

— Это не имеет значения.

— Валера, можно задать тебе вопрос? — спросил я.

— Конечно.

— Твой интерес чисто теоретический или ты что-то задумал сделать?

Он усмехнулся.

— Никого конкретно я не имею в виду, — ответил он. — Ну, может быть, и есть один человек… Гамсахурдиа, например.

Я понимал, что имя президента Грузии прозвучало не случайно. Как и большинство советских республик, Грузия стремилась к независимости. Гамсахурдиа был для Москвы очень неудобным человеком. Когда-то он возглавил в республике движение правозащитников и публично заявил, что Москва вынашивает план его убийства. Особенно не любили Гамсахурдиа военные из-за развязанной им кампании против Советской Армии после разгона демонстрации 1989 года в Тбилиси, когда погибли девятнадцать человек.

Оказавшись у власти, он стал ярым националистом. Гамсахурдиа был непопулярен в России.

Я решил не продолжать этот разговор, и мы с Валерием перешли к другой теме.

Несколько месяцев я был очень занят и редко видел Бутузова. Однажды в воскресенье он вместе с семьей приехал ко мне на дачу. Когда мы жарили шашлыки, я тихо спросил его:

— Валер, а что с твоей идеей, помнишь, насчет батарейки и Гамсахурдиа?

Он улыбнулся:

— А, это… По правде говоря, идея не получила практического продолжения. Мы кое-что планировали, но начальство отказалось от идеи. Сказали, время не то.

В начале 1992 года Гамсахурдиа был изгнан из Грузии. Президентом независимого государства избрали Эдуарда Шеварднадзе. Через год в декабре 1993 года Гамсахурдиа умер при загадочных обстоятельствах. Сообщалось, что он покончил жизнь самоубийством, но кое-кто утверждал, что его убили агенты Москвы или политические оппоненты в Грузии.

Основное преимущество биологического оружия заключается в том, что после его применения может не остаться никаких следов, указывающих на инициатора нападения. Поэтому оно идеально подходит как для совершения террористических актов и заказных убийств, так и для создания стратегических вооружений.

Известно, что некоторые бывшие сотрудники КГБ работают на российские криминальные структуры и даже создают собственные преступные группировки. Они не потеряли связи со своими бывшими коллегами и вполне могут воспользоваться ими для доступа к тем технологиям и веществам, которые мы разрабатывали.

Примером может служить, наверное, история с Иваном

Кивели-ди, председателем Совета по малому предпринимательству при Правительстве Российской Федерации, президентом круглого стола «Бизнеса России». Третьего августа 1995 года его привезли в одну из московских больниц прямо из офиса. Несколькими часами позже в реанимацию была доставлена его секретарь Зара Исмаило-ва с теми же симптомами необъяснимой болезни. Ночью умерла она, Кивелиди — на следующий день.

Кивелиди имел смелость открыто обвинить в коррупции нескольких высокопоставленных чиновников российского Правительства. В круглом столе «Бизнеса России» участвовали ведущие банкиры и предприниматели, которые объединились, чтобы противостоять коррупции и бандитскому контролю над всеми сферами бизнеса. Из девяти участников в живых оставался тогда только Кивелиди. Остальные уже стали жертвами заказных убийств.

Конечно, Кивелиди предпринял необходимые меры безопасности и дома, и в своем офисе. Но вот в начале лета он объявляет о намерении создать новую политическую партию с целью наведения порядка в российском-бизнесе. Это стало сигналом к действию.

Следователи, расследующие это убийство, обнаружили на телефонной трубке в офисе Кивелиди неизвестное вещество. После проведенной экспертизы выяснилось, что оно содержало кадмий, поэтому причиной смерти бизнесмена и его секретаря по версии следствия стало «радиационное отравление». Когда я услышал в новостях это сообщение, то вспомнил давний разговор с Бутузовым о смертельном действии различных аэрозолей.

— Мы придумали новое интересное решение, — взволнованно сказал он мне тогда. — Скажем, можно опрыскать руль автомобиля.

— А чем будете опрыскивать? — поинтересовался я.

— Это неважно, — ответил он. — Смысл в том, что или водитель вдохнет вещество, или оно проникнет через его кожу. Такой метод не подведет.

— Но вещество должно быть очень стабильным с точки зрения токсичности, — заметил я. — Ведь вы не знаете, сколько времени пройдет между тем, как вы распылите вещество, и когда жертва подвергнется его воздействию.

— Мы это учли, — признался он. — Все будет выглядеть как сердечный приступ.

Я поразился.

— Да ладно, — отмахнулся Бутузов, — у нас есть штуки и покруче.

К счастью, убийства не входили в обязанности «Биопрепарата», хотя присутствие на предприятии Бутузова свидетельствовало о том, что КГБ использует наши исследования.

Однажды в моем кабинете появился Ермошин с известием, что председатель КГБ Владимир Крючков послал Горбачеву докладную записку, где предлагал приостановить производство биологического оружия.

По словам Ермошина, там говорилось о том, что после побега Пасечника Советский Союз попал в очень трудное и неприятное положение: программа по созданию биологического оружия перестала быть секретом. В дипломатическом ответе правительствам Соединенных Штатов и Англии мы были вынуждены принять предложение о рассекречивании некоторых наших предприятий. Открытость могла даже сыграть нам на руку, так как это вынудило бц американцев также рассекретить их заводы по производству биологического оружия.

Я был уверен, что ни военные, ни руководство «Биопрепарата» не согласятся с предложением Крючкова.

— В КГБ единого мнения по этому вопросу нет, — сказал Ермошин, — например, Бобков — против.

Он говорил о первом заместителе председателя КГБ.

— Но вы не знаете, что Горбачев полностью доверяет Крючкову!

Как ни странно, но в этом вопросе я был склонен согласиться с председателем КГБ.

Вместе со всеми я был возмущен поступком Пасечника и считал, что он поставил под удар безопасность страны. Многие никак на это не отреагировали, но мне казалось, что нужно изменить линию поведения. Если бы американцы и англичане приехали с инспекцией на наше предприятие, то мы были бы вынуждены свернуть всю программу исследований. Пасечник знал многое, но отнюдь не все. Он был знаком с нашей исследовательской работой, но производство было не в его компетенции. В таком случае, почему бы не подстраховаться? Если мы рассекретим часть наших предприятий, то нас заставят свернуть производственную программу, зато, может быть, удастся сохранить исследовательскую часть. Пока в наших хранилищах есть штаммы бактерий, нам потребуется всего три-четыре месяца для полного восстановления мощностей.

Ермошин сообщил, что ему поручено обсудить ситуацию с руководством «Биопрепарата» и военными. Крючков был опытным политиком и понимал, что необходимо заручиться поддержкой военных.

Я высказал мнение, что Калинин будет сопротивляться изо

всех сил. Ермошин не удивился.

— Потому-то я начал не с него, — признался он. — Ведь ты в руководстве второй человек. Мы вместе могли бы сходить к Быкову.

Это было рискованно. Калинин расценил бы это как действия за его спиной и прямое неподчинение, а то, что мы обратились к его основному сопернику, счел бы предательством. Но выхода не было.

Через несколько дней я и Ермошин без предупреждения пришли к Быкову в Министерство медицинской промышленности.

Для Быкова наше появление не было неожиданным.

— И что привело вас ко мне? — без интереса спросил он.

— Валерий Алексеевич, мы хотели бы с вами посоветоваться, — начал Ермошин.

Быков глянул на часы и, вздохнув, пригласил нас в кабинет.

— Давайте ближе к делу! — скороговоркой произнес Быков, даже не предложив нам присесть.

— Дело в том, что в КГБ считают, что технологические работы по биологическому оружию следует приостановить. Меня уполномочили заручиться вашей поддержкой, — отчеканил Ермошин, стоя по стойке смирно.

— А вы как думаете? — обратился ко мне Быков.

— Полностью согласен, — тут же ответил я. — Программа не пострадает. А мы всегда сможем…

Хозяин кабинета прервал меня на полуслове.

— Этого не будет никогда, — отрезал он, повернувшись к нам спиной. — Можете идти.

14
В КРЕМЛЕ
МОСКВА
1990 ГОД

На территории Кремля находилось здание, где располагалась Военно-промышленная комиссия. С 1988 года я почти постоянно посещал кабинеты этой влиятельной организации.

На одном из закрытых совещаний, куда был приглашен и я, присутствовали председатель комиссии Игорь Белоусов, Алексей Аржаков, его заместитель, генерал Валентин Евстигнеев, недавно назначенный начальником 15-го Управления, и Олег Игнатьев, начальник Управления по биологическому оружию в ВПК.

Совещание началось с обсуждения того, как ответить на обвинения американцев и англичан.

Я помалкивал. Новых идей ни у кого не было. О докладной Крючкова даже не вспомнили. Когда совещание закончилось, Аржаков попросил меня остаться.

Я насторожился, но настроение у него было вполне доброжелательное.

— Тут кое-кто хочет с вами поговорить, — сказал он и кивнул в сторону двух мужчин, стоявших в глубине зала.

Перед тем как выйти, Белоусов бросил на меня многозначительный взгляд.

К нам подошли те двое и стали вытаскивать бумаги из одинаковых черных портфелей. Манера их поведения говорила о том, что это сотрудники разведки. Разговор с ними начал Аржаков:

— Вы слышали, что у нас возникли серьезные проблемы с Соединенными Штатами по поводу биологической программы. Я пригласил полковника Алибекова для беседы с вами.

Представленные мне сотрудники КГБ оказались генералами. Один занимал высокий пост в Первом управлении КГБ, а второй был одним из заместителей директора ГРУ — службы внешней разведки. До этого мне никогда еще не приходилось встречаться лицом к лицу с представителями таких серьезных организаций.

— Мы можем решить вопрос достаточно просто, — начал я. — Единственный способ противостоять Соединенным Штатам — это знать как можно больше об их программе создания биологического оружия. К сожалению, такой информации очень мало.

— Ну, существует Форт-Детрик, — начал один из генералов, имея в виду Медицинский научно-исследовательский институт инфекционных болезней армии США (USAMRIID) в штате Мэриленд, где программа создания биологического оружия началась еще в 1943 году.

Я оборвал его:

— Все, кто хоть что-то знает об американской программе, упоминают Форт-Детрик. Это не актуально. Есть ли новая информация?

Человек из ГРУ разозлился:

— Скажите конкретно, что вам нужно.

— Хорошо, — согласился я.

Я начал с того, что американское биологическое оружие на самом деле представляет собой меньшую угрозу, чем предполагают наверх. Маловероятно, что американцы, заявив в 1969 году о закрытии своей программы, действительно, это сделали. Было неясно, зачем они так настойчиво хотят получить доступ на наши предприятия. Ведь мы потребуем того же от них. Но, похоже, их такая перспектива не пугала. Это могло означать, что американская программа менее успешная, чем наша. На мой взгляд, это был еще один аргумент в пользу прекращения нами производства биологического оружия.

Пока я говорил, генералы что-то записывали в свои блокноты.

— Во-первых, нам нужны названия и расположение новых предприятий, созданных за последние двадцать лет, — сказал я. — Понадобятся имена руководителей и организационная структура. Выясните, с какими биологическими веществами они работают и какие системы доставки разрабатывают. И еще нам нужны данные о всех проводимых испытаниях.

Мне казалось, что меня сочтут наивным. Но лица у моих собеседников были мрачные.

— Дайте нам пару недель, — попросил один из них.

Прошло несколько недель, и меня снова вызвали в ВПК. На этот раз нас было трое. Первым заговорил представитель КГБ:

— Вы слышали о Плам-Айленде? — спросил он.

— Конечно, — разочарованно ответил я.

В Плам-Айленде, в нью-йоркском Лонг-Айленд-Саунде, еще во время войны проводили опыты с биологическими веществами. Потом он перешел в ведение Министерства сельского хозяйства и стал карантинным центром для ввозимых в страну животных и пищевых продуктов.

— И еще мы нашли кое-что в Иллинойсе, — добавил представитель ГРУ.

— И об этом знаю, — сказал я, не давая ему продолжить. —

Там еще в 50-х годах запретили производить биологическое оружие, так как не был создан необходимый уровень биологической безопасности. Сейчас там располагается большая фармацевтическая компания.

Разведчики встревожились.

— А что-нибудь еще у вас есть? — спросил я.

Было перечислено еще несколько мест, но все их можно было не называть, так как они бездействовали. Потеряв терпение, я оборвал их:

— Ясно, что вы просто пролистали старые отчеты. Огромное количество информации об этих объектах напечатано в открытой литературе, и я не желаю выслушивать ее пересказ из уст профессионалов разведки.

Извинившись, я вышел покурить. В какой-то момент пришла мысль: а не было ли приказа скрыть от меня информацию? Но ведь председатель КГБ хотел закрыть нашу программу. Поэтому сотрудники этого ведомства должны были бы помочь мне с информацией о деятельности американцев.

Когда я вернулся, генералы уже убрали свои документы. Мы решили, что обсуждать больше нечего, и я холодно поблагодарил их за сотрудничество, но в глубине души был просто потрясен.

Поверить в то, что американцы отказались от проведения работ по созданию биологического оружия, было невозможно.

В мои обязанности в «Биопрепарате» входила регулярная корректировка плана по использованию выделяемых бюджетных средств, возрастающих год от года. Эту корректировку я проводил вместе с сотрудником Госплана генералом Романом Волковым. Он отвечал за обеспечение программ Министерства обороны. Каждый раз при нашей встрече он практически уговаривал меня изыскать возможности траты денег.

— Ваш ежегодный бюджет — триста миллионов рублей, — говорил он мне в 1990 году. — А вы все еще не представили плана расходования этих средств.

Но когда я предлагал выделить деньги на исследования по гражданской медицине, он возмущался:

— Еще раз представите подобные предложения — и никаких денег вообще не получите, — говорил он.

Все это выглядело абсурдным. Мы тратили огромные средства, тогда как система здравоохранения в нашей стране с каждым днем становилась все хуже и хуже. В прошлом году «Биопрепарат» выделил большое количество одноразовых шприцов в медицинские учреждения по всей стране в ответ на скандал с заражением СПИДом в Элисте. Двести пятьдесят детей в Главной педиатрической больнице были заражены СПИДом.

Медсестры оправдывались, что нехватка оборудования и персонала помешали им провести правильную стерилизацию шприцов.

В феврале 1990 года Валерий Ганзенко, начальник медицинского управления «Биопрепарата», пришел ко мне в кабинет с полной сумкой ампул с вакцинами.

— Их производит наша лаборатория в Грузии, — объяснил он. — А больницы отсылают их обратно нам, потому что ампулы не стерильны. Когда я поинтересовался у них, в чем дело, они ничего толком объяснить не смогли, а ведь мы только что выделили им большую сумму на модернизацию оборудования.

Я нес ответственность как за гражданские институты, работающие в рамках «Биопрепарата», так и за программу исследований в военных целях. Контроль за производством вакцин и выпуском антибиотиков для государственной системы здравоохранения также входил в круг наших обязанностей. Ни Калинин, ни другие руководители не уделяли этому большого внимания. Мы предоставили гражданским полную свободу действий. И оказалось, что большая часть нашего оборудования попала на черный рынок. Но это никого не волновало. Меня же все больше и больше интересовали наши медицинские программы, поэтому я посвящал им каждую свободную минуту.

— Может быть, нам следует съездить в Тбилиси? — спросил я Ганзенко.

Он удивился:

— Мне казалось, что никто не захочет тратить на это время.

В аэропорту нас встретил директор предприятия. Он сразу же, не спрашивая, повез нас в обзорную поездку по городу.

— Почему мы не едем в лабораторию? — спросил я.

— Позднее, — ответил он, — сначала насладитесь грузинским гостеприимством.

В первый вечер директор повел нас в ресторан. Накрытый стол ломился от мяса, сыра, рыбы и бутылок с вином. В Москве все это было дефицитом.

После роскошного ужина бедность лаборатории, которую мы посетили на следующее утро, просто поражала. Некоторым приборам было уже лет сорок. Для производства вакцины работники использовали очень старые термостаты и реакторы. Но директора это не смущало, он утверждал, что средства «Биопрепарата» пошли на зарплат) и оперативные расходы. Как только я переговорил с персоналом, стало ясно, что он говорит неправду. Из трехсот работающих большинство составляли женщины. Они рассказали, что им платят настолько мало, что даже на обеды не хватает.

Позднее, на общем совещании, я объявил, что лабораторию придется закрыть:

— Производимые вами лекарства нельзя использовать для лечения. Мы планируем отдать заказ на производство вакцин нашим лабораториям в Уфе и Ленинграде.

Тут поднялся такой крик, некоторые женщины даже разрыдались. На ломаном русском они стали объяснять, что не смогут найти другой работы, что мужей у многих нет, дети голодают. Меня потрясло их отчаяние. Такой нищеты я не видел с момента отъезда из Казахстана.

— Даю вам последний шанс, — в конце концов решил я, — мы пока оставим лабораторию и посмотрим, улучшатся ли результаты работы, но кое-что мы обязательно изменим прямо сейчас.

Вытащив бумагу, которую я попросил подготовить до начала совещания, я начал писать.

— Это приказ об увольнении вашего директора. На это место назначается его заместитель.

Все обаяние директора немедленно испарилось. Обвинив меня во всех смертных грехах, он пригрозил, что будет жаловаться правительству Грузии, которое провозгласило переход к суверенитету республики.

— Эта лаборатория является собственностью Советского правительства, — получил он ответ, — а я его представитель и о своем решении уже объявил.

Обратно в аэропорт нам пришлось добираться самостоятельно.

Поездка в Тбилиси открыла мне глаза на более серьезную проблему, чем взяточничество или врачебная некомпетентность. Национализм в республиках начал рвать страну на части, и это было удручающе.

Когда я учился в школе, мы не изучали историю Казахстана, даже над нашим языком там потешались. Прошли годы, и я приспособился. Сейчас я был одним из самых высокопоставленных казахов в России. Я знал только одного генерала-казаха, жившего в Москве. Калинин иногда просто забывал про мою национальность и мог при мне делать пренебрежительные замечания об азиатах или кавказцах, как будто я был таким же русским, как и он сам. Но как только я выходил из служебного автомобиля в Москве, то часто становился мишенью расистских шуточек Национализм развивался в Казахстане, как и в других центрально-азиатских республиках. И, по мере того как все больше республик провозглашало суверенитет или независимость, я стал задумываться, какой

Родине я должен служить.

Когда 11 марта 1990 года Литва провозгласила независимость, генерал Волков из Госплана созвал срочное совещание представителей руководства Министерства здравоохранения и других организаций, связанных с нашей программой.

— Нам надо знать, какие проекты в Литве, Латвии и Эстонии курируются вашими организациями, — сказал он.

Эти проекты рассматривались как составная часть экономического давления Кремля на Прибалтийские государства.

В Литве «Биопрепарат» имел несколько лабораторий. Одна из них была оснащена самым современным оборудованием благодаря моему предшественнику, генералу Анатолию Воробьеву, которому настолько нравились поездки в Прибалтику, что он выделил десять миллионов долларов для приобретения сложного западного оборудования.

Эта лаборатория в Вильнюсе была единственной в стране, которая производила генно-инженерный интерферон, используемый для лечения гепатита В и некоторых видов раковых опухолей. Если бы ее закрыли, то наше высшее партийное руководство лишилось бы высококачественного медицинского лечения. Приказ о прекращении финансирования сначала был отдан, но потом его отменили.

Общество будоражили сомнения и неуверенность в завтрашнем дне. Новые публикации, новые откровения, новые фильмы, новые книги с каждым месяцем изменяли наше сознание.

Так, роман «Белые одежды» Владимира Дудинцева стал настоящей сенсацией. В нем рассказывалось о борьбе лысенковцев с генетиками, во время которой в 40-х и 50-х годах так много ученых оказалось в тюрьме. Никто раньше не осмеливался говорить об этом. Роман был напечатан в 1988 году, но его было трудно достать. Когда кто-то из приятелей на-работе наконец дал мне его, то я провел за чтением всю ночь, а потом семь или восемь раз перечитывал.

В апреле 1990 года правительство объявило о реорганизации Министерства медицинской промышленности. Вскоре после этого мне предложили подумать о возможности работы с генералом Евстигнеевым, который сменил ушедшего по состоянию здоровья Лебединского на посту начальника 15-го Управления. Меня прочили на пост его заместителя, что соответствовало званию генерал-майора.

— Все считают, что «Биопрепарат» не удержится, — предостерегли меня. — Считай, что тебе бросили спасательный

круг.

Взвесив все, я все-таки решил отказаться от предложения и двигаться в другом направлении.

* * *

Однажды Калинин вызвал меня к себе в кабинет, чтобы обсудить готовящуюся реорганизацию.

— Нужно найти способ спасения «Биопрепарата», — задумчиво проговорил он. — Если бы удалось убедить людей Горбачева отделить «Биопрепарат» от министерства, то мы смогли бы себя защитить.

— Думаю, что Горбачев не станет вникать в работу «Биопрепарата», — возразил я. — У него и без нас много проблем.

Калинин с любопытством взглянул на меня:

— Хочешь сказать, что у тебя есть другое предложение?

— Есть, — ответил я.

— Ну, говори.

Я глубоко вздохнул. Объявленная реорганизация была шансом воплотить в жизнь идею, над которой я думал постоянно со времени докладной Крючкова.

— Предательство Пасечника ослабило наши позиции и дало американцам рычаги давления на нас, — начал я. — Нам следует изменить тактику.

— О чем это ты говоришь?

— Если мы предложим Горбачеву прекратить соответствующие исследования и свернуть производство наступательного биологического оружия, то мы сможем работать над лекарственными и биозащитными препаратами. Горбачев не станет читать предложение о выводе «Биопрепарата» из состава министерства, но может обратить внимание на наше необычное предложение. То, что мы предлагаем сделать, относится уже к вопросам государственной политики.

— Опять докладная Крючкова, — Калинин резко оборвал меня. — Я о ней все знаю, да и о твоих заигрываниях с Быковым тоже.

Но я не сдавался:

— Если этого не сделать, то мы перестанем существовать как организация, — твердо сказал я.

Калинин не ответил. Он, задумавшись, смотрел в окно. Наконец он заговорил, и его слова меня удивили:

— Иди и подготовь свои предложения, — распорядился он. — Если оно мне, то мы его отошлем наверх.

В приподнятом настроении я вернулся в свой кабинет и позвонил полковнику Прядкину, который отвечал в «Биопрепарате» за планирование, а также генералу Евстигнееву в 15-е Управление.

— Не верю, что ты или Калинин способен на такую глупость, — сказал Евстигнеев. — Только меня в это не втягивайте.

Евстигнеев ополчился на меня. Когда несколькими днями позже я встретился с ним на совещании, он не поздоровался со мной за руку.

— Поглядите только на нашего миротворца, — процедил он чиновнику, с которым беседовал, и отвернулся.

Только в Советском Союзе слово «миротворец» могло звучать как оскорбление.

Мы с Прядкиным написали проект постановления, в котором было всего четыре пункта. Первый гласил, что «Биопрепарат» прекращает заниматься наступательным вооружением. Последний — что организация выходит из Министерства медицинской промышленности.

Калинин изучал каждое слово с тщательностью юриста.

— Хорошо, — наконец решил он. — Оставь мне проект, я сам представлю его в Кремль.

Последовали недели напряженного ожидания. Каждый день Калинин звонил в аппарат Горбачева и разговаривал с его помощником, человеком по фамилии Галкин, с которым он был хорошо знаком.

— Не понимаю, почему они затягивают, — сокрушался Калинин. — Галкин утверждает, что у них завал бумаг, который растет с каждым днем, и что он не знает, как подсунуть Горбачеву наш проект.

5 мая 1990 года меня вызвал Калинин. У него в кабинете был Давыдов.

— Его подписали, — объявил Калинин и, улыбаясь, показал мне лист бумаги.

Я подошел к столу, чтобы прочитать постановление, — и потерял дар речи. Каждый пункт из проекта был на своем месте, но прибавился еще один. В нем «Биопрепарату» предписывалось «поддерживать все предприятия, входящие в его структуру, в мобилизационной готовности для дальнейшего производства и исследовательских работ».

Первая половина постановления прекращала работу «Биопрепарата» как организации по созданию биологического оружия. Вторая перечеркивала первую.

Разозленный, я повернулся к Давыдову:

— Володя, это твоих рук дело?

Он промолчал.

— Как мы сможем остановить исследования по наступательному оружию, если нам надо поддерживать лаборатории в готовности для его производства? — настаивал я.

Калинин попытался меня успокоить:

— Послушай, Канатжан, ты все воспринимаешь слишком серьезно, — сказал он. — Пойми, при наличии этой бумаги можно делать все что угодно.

Я не был полностью уверен в серьезности намерений Калинина и решил поймать его на слове. Используя первую половину постановления в качестве обоснования своих действий, я послал в Степногорск шифрограмму о демонтаже испытательной камеры, созданию которой когда-то посвятил столько времени и сил.

Геннадий Лепешкин, директор степногорского центра, сразу же позвонил мне.

— Ты что, пьян, Канатжан? — поинтересовался он. — Ты в своем уме?

— Делай, что приказано, — ответил я.

Подождав несколько дней и не получив сообщения о начале демонтажа камеры, я отправил еще одну шифрограмму. Она была короткой: «Не выполните приказ — уволю».

На следующей неделе работы уже шли полным ходом.

Сандахчиев из «Вектора» принял новости гораздо более спокойно. Мы с ним обсудили, как переоборудовать самые большие здания под гражданские цели. Я пообещал изыскать средства, чтобы они смогли наладить производство интерферона.

Несколько раз я приезжал в Сибирь проверять конверсионные работы. К концу 1990 года они были завершены.

Но Сандахчиев вел свою игру. Он понимал, что остановка производства биологического оружия влечет за собой прекращение военного финансирования. Кроме того, он знал (полагаю, от Калинина или Давыдова) и о дополнительном пункте постановления, обязывающем нас поддерживать мощности в состоянии готовности. Своей должностью Сандахчиев был обязан Калинину, поэтому он был верен ему. Позднее я узнал, что строительство нового здания для выращивания патогенных вирусов было продолжено в соответствии с прежним планом.

Подобные двойные игры велись повсюду в Системе. Если я закрывал где-то производственную линию, то Давыдов одновременно давал разрешение на закупку новых железнодорожных и морских контейнеров для создания мобильных производственных установок. А сделать это он мог

только при поддержке Калинина.

Постановление же вообще не дошло до директоров институтов. Они знали о его существовании, но не могли ему следовать без получения разрешения вышестоящего начальства.

В июле 1990 года партийным организациям во всех государственных учреждениях было приказано провести выборы руководителей. Это было вызвано проводимой в стране кампанией по демократизации всего общества.

Михаил Ладыгин, руководитель партийной организации «Биопрепарата», попросил меня помочь в проведении выборов.

— Вам надо бы обратиться к Калинину, — предложил я ему.

— Уже обращался, он не хочет этим заниматься.

Калинин был убежден, что в «Биопрепарате» нет места демократии. Военная организация должна соответственно иметь военную дисциплину. Тем не менее он был слишком хорошим политиком, чтобы долго противиться решениям партии.

Был достигнут компромисс. Вместо выборов мы организовали голосование, в котором кандидаты ранжировались на основе научных достижений и организаторских способностей. Результаты его ни к чему не обязывали, а Калинин был совершенно уверен в собственной победе. Правда, чтобы не было неожиданностей, он распорядился ограничить список тремя кандидатами: собой, полковником Давыдовым и мной.

Такая постановка вопроса Ладыгина не обрадовала, но он был вынужден смириться. В назначенный день каждый сотрудник послушно заполнил бюллетень, оценив кандидатов по стобалльной шкале. Набравший самое большое число баллов становился победителем.

Калинину полученные результаты не понравились.

Победил я, получив восемьдесят пять баллов. Калинин получил восемьдесят три, а Давыдов — тридцать.

На меня же результат голосования большого впечатления не произвел. Даже если бы я хотел получить место Калинина, то «выборы» не помогли бы мне. Искусственные реформы не могли изменить систему, в которой военные и партийные лидеры выбирали себе новых ставленников.

Ладыгин огласил результаты голосования маленькой группе сотрудников, собравшихся в кабинете Калинина, и спросил, следует ли их обнародовать. Генерал нахмурился. Удар был получен в самый неподходящий момент: он еще не ознакомил Быкова с постановлением о выходе «Биопрепарата» из министерства. И Быков мог, воспользовавшись результатами голосования, снять Калинина с должности.

— Нам не надо оглашать результаты, — вмешался я. — Пусть

люди узнают о них неформально. А мы сможем вернуться к этому вопросу после отпусков.

Калинин охотно согласился. Мне показалось, что тем самым я снял возникшее в наших отношениях напряжение, но я ошибся.

За несколько дней до отпуска Калинина мы обсуждали с руководителями подразделений некоторые крупные проекты. Я сидел рядом с Калининым, на своем обычном месте. Когда кто-то предложил обсудить тему, о которой уже говорили на прошлой неделе, я ответил:

— Мы это уже обсуждали и решили вопрос.

Калинин взглянул на меня.

— Ты теперь говоришь о себе во множественном числе? — раздраженно бросил он.

Присутствующие с интересом наблюдали за нами.

— Конечно, нет, — пояснил я. — Ведь это было наше общее решение.

Итак, в наших отношениях с Калининым наступил переломный момент. Пришло время мне покинуть Самокатную.

15
ИНСПЕКЦИЯ
МОСКВА
1991 ГОД

Осенью 1990 года я сообщил Калинину, что хотел бы перейти на другую работу. Он, по-моему, ничуть не расстроился.

Самым большим предприятием «Биопрепарата» в Москве был «Биомаш». Он был основан на базе Института прикладной биохимии и имел филиалы в четырех других городах. «Биомаш» разрабатывал и производил для нас техническое оборудование начиная с ферментаторов и установок для увеличения концентрации до измерительного оборудования.

Уже несколько месяцев Калинин пытался избавиться от директора этого института Виктора Попова, но не мог найти подходящей замены.

— Отдайте эту должность мне, — предложил я, встретив его по возвращении из летнего отпуска.

— Это скучная работа, — предостерег он.

— Только не для меня.

Калинин делал свою карьеру, убирая опасных соперников, а сейчас конкурент по собственному желанию покидал поле боя. Хотя момент для моего ухода был выбран неподходящий, у него не было времени подумать о том, кто займет мое место.

— Ты нужен мне здесь, — заявил директор.

В ответ я согласился остаться заместителем директора «Биопрепарата» и проводить часть рабочего времени на Самокатной, выполняя административные обязанности, в обмен на свое назначение в «Биомаш». Так никто раньше не делал, но времена изменились, и такое решение устраивало нас обоих. Калинин держал потенциального соперника на безопасном расстоянии, но не лишался эксперта, необходимого для исследовательской программы. А я готовился к тому, чтобы начать дистанцироваться от программы, в жизнеспособность которой больше не верил.

«Биомаш» находился в пятнадцати минутах езды от моего дома. Впервые за многие годы я мог довольно рано возвращаться домой и проводить вечера с семьей. В «Биомаше» руководители среднего звена были военными, но отделы возглавляли ученые. Меня привлекало то, что 40 процентов продукции «Биомаша» поступало в больницы и гражданские медицинские лаборатории,

причем я намеревался еще увеличить это количество. Мы с Калининым договорились, что я приступаю к работе 30 декабря 1990 года.

Но полностью отстраниться от дел «Биопрепарата» не получилось.

Через месяц после нашего разговора, в октябре 1990 года, нам сообщили, что между Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом заключено соглашение, согласно которому страны-участницы могли направлять комиссии с проверкой на предприятия, вызывавшие сомнения в отношении производства биологического оружия. В Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия не оговаривалась возможность таких проверок, но это всегда волновало международное сообщество, так как выполнение условий Конвенции зависит лишь от доверия и доброй воли всех участвующих сторон.

Это доверие, если оно вообще существовало, было изрядно подорвано. Нам объяснили, что переговоры были длительными и напряженными. И в Министерстве обороны, и в Военно-промышленной комиссии шли ожесточенные дебаты.

Письмо из Министерства иностранных дел уведомило нас о достигнутом соглашении и оставило на наше усмотрение, какие объекты открыть для посещений. Министерство обороны сообщило, что оно в этом не участвует.

— В «Биопрепарате» показывайте, что хотите, — рявкнул генерал Евстигнеев, когда я попросил у него совета. — Но на наши военные объекты иностранцам вход запрещен.

Калинин, предчувствуя открывающиеся возможности, дал согласие на прием комиссии. Он предоставил мне решать, какими установками можно «пожертвовать» в интересах развития внешнеполитических отношений.

Это был трудный выбор. Несколько камер для взрывов были демонтированы нами в соответствии с указом Горбачева, но по большим промышленным установкам для ферментации в Степногорске и Омутнинске можно было бы определить направление нашей истинной деятельности.

К тому времени «Биопрепарат» контролировал около сорока объектов в пятнадцати городах Советского Союза. Многие использовались исключительно для работ с наступательными вооружениями, но какие-то дополнительно служили и гражданским целям. Решение представить западной комиссии именно эти объекты двойного назначения должно было продемонстрировать нашу добрую волю и одновременно снять подозрения.

Итак, мы решили открыть Оболенск, «Вектор» и Любучаны (небольшой исследовательский институт недалеко от Москвы), а также Ленинградский институт особо чистых биопрепаратов, директором которого был Пасечник. Выбор последнего был очевиден: ведь именно там в первую очередь захотела бы побывать западная инспекция. Но все, свидетельствующее о проведении там исследований по созданию биологического оружия, было к тому времени уничтожено.

Я никогда не верил, что нам удастся справиться с этой задачей. Любой специалист по биологическому оружию, несомненно, догадался бы об истинной нашей деятельности. Определив предназначенные для посещений лаборатории и подготовив инструкции для персонала каждого института, я с облегчением отправился в «Био-маш». Дальше это была не моя забота.

В пятницу 11 января 1991 года Калинин вызвал меня к себе на совещание. Когда я вошел в кабинет, полковник Владимир Давыдов был уже там. Он сидел в самом удобном кресле напротив стола Калинина, что считалось признаком особого расположения начальства. Он надеялся в скором времени занять мое место замдиректора. Я присел на стул.

У генерала было прекрасное настроение.

— Канатжан, я хочу попросить тебя об одолжении, — начал он. — В понедельник прибывают американская и английская делегации, а мы с Владимиром, к сожалению, слишком заняты, чтобы их встретить.

Калинин бросил взгляд на Давыдова, прячущего от меня глаза.

— Я знаю, что ты не хотел бы этим заниматься, — продолжил директор, — но в руководстве, кроме тебя, поручить это некому. Не возражаешь?

— Конечно, возражаю, — сухо ответил я. — Мое место в «Биомаше», и я не хочу иметь ничего общего с этим делом. Не уверен, что мы сможем спрятать от них истину.

Но директор стоял на своем:

— Я знал, что ты так ответишь, но ведь мы можем договориться. Если ты проведешь визитеров по первым двум объектам — Любучанам и Оболенску то Владимир найдет время и возьмет на себя остальные два. Поможешь?

Конечно, Калинин как начальник мог просто приказать мне выполнить его распоряжение, но он понимал, что, призвав к чувству долга, он быстрее сломит мое сопротивление. Я согласился с неохотой.

— Решено, — подвел итог директор. — В семь утра в

понедельник на Смоленской тебя будет ждать автобус с иностранцами.

Самое любопытное, что мне начинала нравиться открывающаяся перспектива. Никогда раньше я не встречался с американскими или английскими учеными, а тут выпала возможность поговорить с зарубежными коллегами. Я считал себя настоящим патриотом и собирался все сделать, чтобы иностранцы не обнаружили ничего, что подтвердило бы их сомнения.

Пятнадцать человек, ожидавших на улице у Министерства иностранных дел в понедельник 15 января, выглядели сонными и замерзшими. На улице было еще темно. Несмотря на удобные утепленные куртки и меховые ботинки, они дрожали от холода. Мне было трудно начать общение, так как я не знал ни слова по-английски. Савва Ермошин, возглавлявший кэгэбешников, примкнувших к группе встречающих, на ломаном английском представился членам делегации. Позднее он прошептал мне, что вычислил, кто из них шпион.

Странно, но иностранцы многое о нас знали. Один через переводчика спросил, почему их не встречает директор «Биопрепарата» Калинин.

— К сожалению, Калинин сейчас очень занят, — ответил я, — но он очень хотел вас встретить и попросил меня передать вам свои извинения.

Это была первая ложь, но я получил удовольствие, говоря это, ведь Калинин специально предупредил меня, чтобы его имя нигде не упоминалось.

Все присутствующие с советской стороны, кроме меня, были в костюмах и при галстуках. Я же надел старый коричневый свитер. Кажется, мой наряд сбил визитеров с толка.

— Нас беспокоил этот свитер, — смеясь, вспоминал потом у меня дома в Вирджинии в 1998 году один американец, участник комиссии. — Мы решили, что вы его надели, чтобы спрятать какое-то секретное оборудование.

Мы уселись в большой автобус и сначала отправились в Институт иммунологии в Любучанах. Ермошин и его группа ехали следом.

Водителю автобуса было рекомендовано не спешить. Стратегия поведения была тщательно разработана в предыдущие недели. Мы должны были тратить на что угодно время, запланированное на посещение объектов, для того чтобы максимально сократить официальную часть, во время которой визитеры могли что-то увидеть. Мы также заблаговременно посоветовали директорам запастись водкой и коньяком, надеясь

русским гостеприимством ослабить внимание иностранцев.

Наш водитель очень тщательно выполнял полученные инструкции, и я испугался, что инспектирующие все поймут.

Объект в Любучанах был легким заданием — там в основном занимались фундаментальными исследованиями, связанными с обороной. И там не было никаких патогенных бактерий.

Тем не менее мы не оставили посетителям ни единого шанса. Директор института Завьялов большую часть времени посвятил рассказу об исследовательских проектах. Потом нас накормили роскошным обедом, по окончании которого у гостей на инспектирование осталось всего несколько часов.

На посещение одного объекта было запланировано два дня. На второй день в Любучанах я вынужден был остановить Криса Дэви-са, возглавлявшего английскую группу, когда тот достал крохотный магнитофон:

— Не разрешается, — заявил я.

Ученый удивился:

— Ведь нас предупредили, что запрещено снимать только на видеопленку, — запротестовал Крис.

После длительных препирательств я великодушно разрешил записывать.

После возвращения на Самокатную мне пришлось рассказывать обо всех наших приключениях довольному Калинину. Я решил не упоминать, что иностранцы спрашивали о нем.

— Прекрасно, — подвел итог директор. — Действуй в том же духе.

Со следующим объектом, Оболенском, справиться было труднее. Нужно было более-менее правдоподобно объяснить, почему здания и лаборатории комплекса изолированы от внешнего мира и многие другие неотъемлемые составляющие исследований по биологическому оружию. Я дугчал, что трудно будет скрыть наши проекты по разработке устойчивых к антибиотикам видов чумы, туляремии, бруцеллеза, сапа, сибирской язвы и представить все это как работу, посвященную исключительно биозащите.

Генерал Ураков разделял мои сомнения. Поэтому на приеме директор Оболенска был обаятелен и тактичен. Обслуживающий персонал сновал по конференц-залу с подносами выпивки и бутербродов.

Но к этому времени члены комиссии уже успели разобраться в наших приемчиках. Они отказались от угощения.

— Может, наконец приступим к работе? — поинтересовался Дэвис, когда Ураков попытался разразиться пространной

приветственной речью.

Но генерала это не смутило. Он объявил, что посетители могут свободно осмотреть здесь все, что захотят.

— Но хочу предупредить вас, что работа по биозащите сопряжена с очень опасными организмами, — сказал он. — И если вы решите посетить некоторые лаборатории, то нам придется на пару недель поместить вас в карантин — таковы правила.

Отчасти так и было. Были правила, согласно которым посетителей следовало некоторое время держать под наблюдением, хотя в данный момент можно было их не соблюдать, так как я приказал, чтобы за субботу-воскресенье Оболенск и «Вектор» полностью продезинфицировали. Поэтому инспектирующие могли пройти в любую лабораторию.

Но наши гости, конечно, об этом не знали. Они были в замешательстве.

— Итак, — радостно продолжал Ураков, — что бы вы хотели увидеть?

Делегация выразила желание полностью осмотреть комплекс. Первый неприятный сюрприз ожидал нас, когда Дэвис достал карту и, указав на большое здание, произнес:

— Ведите нас вот сюда.

Это был корпус 7/8, в котором находилась самая большая и совершенно новая камера для взрывов.

«Так, это конец», — подумал я. Вероятно, карта была составлена на основе спутниковых данных, ведь Пасечник об этом объекте не знал.

Я вернулся в главное здание комплекса, а иностранцы группами разошлись по выбранным объектам.

Группа, возглавляемая Дэвисом, вошла в интересующее их помещение. Сопровождающим был ведущий научный сотрудник по фамилии Петухов, который потом и рассказал мне о произошедшем.

Посетителям разрешили пройтись по коридорам, и вдруг они наткнулись на запертую дверь.

— А там что? — спросил Дэвис.

Никто не ответил.

— Вы можете ее открыть? — настаивал английский ученый.

— Ключ потеряли, — промямлил Петухов, — пойду поищу запасной.

Все недовольно ждали, пока он отыщет ключ. Наконец Петухов открыл дверь. В комнате было темно.

— Включите свет! — разозлился Дэвис.

— Не могу, — ответил Петухов, — лампочки нет.

Выведенный из себя, Дэвис достал карманный фонарик, и тут произошла потасовка. Петухов набросился на фонарик, Дэвис закричал, некоторое время они боролись друг с другом, пока кто-то не предложил вернуться в конференц-зал.

— Что-то случилось? — поинтересовался я через переводчика, когда они ворвались в комнату.

— Ничего особенного, но когда я вытащил карманный фонарик, чтобы осмотреть одну комнату, вот этот тип из КГБ попытался вырвать его у меня, — со злостью сказал Дэвис, указывая на Петухова.

— О чем вы говорите! — возмутился я. — Этот человек — уважаемый ученый, а не сотрудник КГБ.

Но мне пришлось признать, что пользоваться фонариками не запрещено.

Когда Дэвис наконец вернулся и включил фонарик, то все увидели, что стена вся покрыта выбоинами, что свидетельствовало о проводимых здесь взрывах.

— Вы использовали здесь взрывчатые вещества, — заявил Дэвис.

— Нет, что вы, — отрицал все Петухов. — Это следы молотков, которыми во время строительства рихтовали стены и ставили на место плохо пригнанную дверь. Вы ведь знаете, как у нас плохо работают строители.

Ответ был быстрый, но неправильный. Мы подготовили объяснение получше. Надо было сказать, что да, взрывы производились, но только для изучения действия аэрозоля в оборонительных целях. Как нам защитить солдат, если мы не знаем, как действуют биологические аэрозоли? Тот факт, что Петухов забыл, что он должен был ответить, по-видимому, ничего не значил. Все равно посетители сделали бы правильные выводы, но для нас было делом чести дать хотя бы какие-то разумные объяснения.

Вечером мы собрались в столовой. На каждом столе стояли бутылки с коньяком, но наши планы по спаиванию комиссии провалились.

— Должен сказать, что мы не верим ни единому вашему слову, — через переводчика заявил мне во время ужина Дэвис. — Мы все знаем.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — я изображал удивление. — Конечно, вы можете верить во что угодно!

Через два дня, когда иностранцы покинули Оболенск, Ураков позвонил Калинину.

— Мы с Канатжаном хорошо поработали, — похвастался он. — Они ничего не поняли.

Я предполагал, что посещение Оболенска положит конец моим обязанностям по приему делегаций, ноя совсем не удивился, когда Калинин заявил, что у Давыдова все еще полно важной работы.

— Мне надо срочно лететь в Иркутск для контроля за новым объектом по производству протеинов одноклеточных, — оправдывался Давыдов при нашей встрече в кабинете директора.

— С этим проектом я знаком и знаю, что ничего срочного там нет, — ответил я.

Тут вмешался Калинин:

— Не надо спорить, — твердо сказал он. — Ты, Канатжан, так хорошо справлялся со своими обязанностями, что наши гости удивятся, если ты их покинешь.

Было понятно, о чем думает директор. Если после визита делегации серьезные проблемы не появятся, значит, «Биопрепарат» справился с поставленной задачей. Если же что-то пойдет не так, то виноват сопровождающий. Калинин и Давыдов знали, насколько сильно я настроен против продолжения программы по разработке биологического оружия, так что мной можно было пожертвовать.

Пожав плечами, я отправился домой готовиться к поездке в Сибирь.

Мы вылетели из Москвы вечером спецрейсом. Плохая погода за Уралом заставила нас приземлиться в Свердловске.

Такие задержки часто случаются зимой в Сибири. Пассажиры регулярных рейсов иногда по нескольку дней пережидают в аэропорту. Но наши гости видели происходящее в другом свете: они сочли это еще одной попыткой их обмануть. Мне так хотелось объяснить им, что русская погода не признает ни коммунизма, ни капитализма, но я сдержался.

Иностранцы забеспокоились, когда узнали, где приземлился самолет. Они вспомнили, что в 1979 году здесь произошла вспышка сибирской язвы, впервые вызвавшая подозрения Запада.

— Мы надолго здесь не останемся, — убеждал их я. — Как только новосибирский аэропорт начнет принимать рейсы, мы полетим.

Несколько иностранцев, покинув зал для особо важных пассажиров, в котором нас разместили на ночь, в ужасе вернулись назад, когда увидели огромное количество пассажиров, сидящих в аэропорту на чемоданах или спящих прямо на полу. Правда, это убедило их, что наша задержка не подстроена специально. Когда в 4 утра пришел пилот и объявил, что можно лететь, они с облегчением вздохнули и последовали за ним в самолет.

В Кольцове нас ожидал Сандахчиев с целым караваном

машин. Он оказался лучшим хозяином, чем Ураков. Его, действительно, радовала возможность поговорить о науке с западными коллегами.

Правда, те не разделяли энтузиазма хозяина. Как только экспансивный армянин начал лекцию о последних достижениях советской иммунологии, его безжалостно прервали:

— Пожалуйста, — решительно произнес один из визитеров, — мы в первую очередь хотели бы осмотреть ваши лаборатории.

Сандахчиев выглядел разочарованным, а наших гостей еще раз предупредили о карантине и проводили на объект.

Их удивлению не было предела, когда мы показали огромные стальные ферментаторы, превосходящие размером те, которые применяются на Западе фармацевтическими компаниями для массового производства вакцин. Потом они посетили одну из основных исследовательских лабораторий «Вектора». Самое главное было не пускать их дальше первого этажа.

Выше располагались помещения, где работали с оспой, лихорадками Эбола, Мачупо, Марбург, Хунин и другими геморрагическими лихорадками, а также над VEE — венесуэльским энцефаломиелитом лошадей, русским весенне-летним клещевым энцефалитом, а также со смертоносными вирусами.

Визитеры попросили разрешения взять в некоторых лабораториях пробы воздуха и мазки.

— Мы не скрываем, что работаем с опасными видами бактерий… но только в оборонительных целях, — ответил я. — Но у меня нет инструкций, позволяющих вам брать пробы и вывозить их из страны. Мы не возьмем на себя ответственность, если что-нибудь случится. Конечно, можно запросить разрешение, — продолжал я, как бы желая помочь, — но на это потребуется время и ответ нужно будет ждать здесь. Но я уверен, что вас здесь примут хорошо.

Визитеры больше не настаивали.

Мы с Сандахчиевым вздохнули с облегчением, когда поняли, что у иностранцев нет специального оборудования. Мы опасались, что они привезут с собой современные контрольно-измерительные устройства, способные определять вирусные ДНК. Тогда они смогли бы собрать неопровержимые доказательства наличия вирусов оспы, вот тут-то нам пришлось бы объясняться.

Среди нас один только Ермошин, казалось, был полностью доволен собой. Он радовался, что определил американского офицера разведки, и во время экскурсии пытался подловить его.

— Он говорит по-русски и так же мало понимает в биологии,

как и я, — в полном восхищении прошептал он мне на ухо. — Только и умеет, что задавать вопросы на политические темы.

К моменту вылета комиссии в Ленинград я немного успокоился. Худшее было позади. Институт, где работал Пасечник, никакой угрозы не представлял, так мне, по крайней мере, казалось.

Во время обзорной экскурсии один из визитеров остановился перед установкой довольно внушительных размеров.

— А что это такое? — поинтересовался он.

Я чуть не застонал, ведь мы позабыли о мельнице, изобретенной Пасечником, в которой использовались мощные потоки сжатого воздуха. Она была слишком тяжелой, поэтому ее не стали убирать. И нас никто не предупредил, что она еще работает.

Виноградов, заместитель директора института, на ходу выдумал объяснение:

— Это для соли, — сказал он. — Мы здесь перемалываем соль.

Было заметно, что чаша терпения наших посетителей переполнилась, на их лицах не было даже и тени улыбки.

В последний вечер мы устроили банкет в гостинице. За столом я произнес тост:

— Конечно, вы убеждены, что мы были не слишком откровенны с вами, — начал я, — но согласитесь, что это только первый опыт общения после долгих лет недоверия между нашими странами.

Многозначительно помолчав, я продолжал:

— У каждого есть свои секреты… в том, что касается биозащиты, но в конце концов это не последний ваш визит, а мы надеемся в свою очередь вскоре посетить вас.

Я был горд собой, когда закончил говорить, решив, что нашел правильное сочетание искренности с дипломатической уклончивостью. Вспомнив, что вчера американцы начали в Кувейте операцию «Буря в пустыне», я решил подсластить момент, выразив нашу солидарность:

— Хочу, чтобы вы знали: многие советские люди поддерживают ваши действия в Ираке, — сказал я. — Мы искренне надеемся, что вы победите.

Странно, но на это никто не отреагировал. Я даже подумал, что наш переводчик не перевел мои слова.

— Канатжан, мне кажется, вам не надо было касаться политики, — спокойно сказал мне Ермошин после банкета.

Уже через две недели «Биопрепарат» подготовил отчет для Военно-промышленной комиссии. Мы сообщали об успешном

выполнении задания. Иностранцы многое увидели, и подозрения все же остались, хотя ничего доказать они не смогли, а мы никаких секретов не выдали.

Калинин был доволен. И я вернулся в свой кабинет в «Биомаше», чтобы претворить в жизнь свой план по выпуску мирной продукции.

Всю весну и лето в Советском Союзе продолжались различные политические неурядицы. Мне казалось, что ученые «Биомаша» были довольны работой на мирные цели. Они занимались переделкой мобильных производственных линий по заполнению бомб биологическими веществами в автоматизированные линии по производству вакцин.

Проводя все меньше времени на Самокатной, я при случае продолжал общаться со старыми приятелями, но держался подальше от своего кабинета на втором этаже.

Иногда мне звонил рассерженный Калинин:

— Я второй день пытаюсь тебя поймать, чтобы ты принял участие в совещании, но тебя всегда нет на месте.

Но я старался избегать общения с ним. Постепенно Калинин перестал приглашать меня на «срочные» совещания, которые когда-то составляли важную часть моей жизни.

Калинин ничего не мог поделать с переменами, проведенными мной в «Биомаше», потому что конверсия стала официальной государственной политикой. Иногда такие преобразования выглядели нелепо. На заводе в центре Москвы, на котором раньше производились реактивные истребители, вдруг начинали выпускать стираль-. ные машины и миксеры. Эта продукция была настолько плохого качества, что трудно было представить, чем она привлечет внимание даже неизбалованного советского потребителя.

Но все равно наша милитаризованная экономика менялась на глазах. Еще несколько штатских из числа руководителей покинули «Биопрепарат».

До меня дошли слухи, что у Калинина трудности с продолжением ряда крупных исследовательских проектов по созданию наступательных вооружений. Был сокращен бюджет «Биомаша». Калинин требовал, чтобы все руководители «затянули потуже ремни».

Недостаток средств вынудил меня искать их на стороне. Валерий Попов, мой приятель, ушел из «Биопрепарата» и стал президентом Российской биомедицинской и фармацевтической ассоциации. Он-то и предложил мне помощь в организации финансирования некоторых проектов.

Попов представил меня американскому бизнесмену по имени

Джоэл Тейлор, бывшему директору оружейной компании из Остина в Техасе, который в настоящее время руководил компанией под названием «Корнукопия». Тейлор хотел поставлять в Россию подержанное медицинское оборудование, но не мог найти, кто бы мог обеспечить транспортировку.

Я позвонил своим друзьям из Министерства обороны. Они сказали, что предоставят грузовой самолет, если им заплатят 30 тысяч долларов в счет предполагаемых затрат на топливо. Мы с Поповым умудрились раздобыть часть этой суммы из частных источников в Москве. После продолжительных переговоров нам удалось получить от Министерства здравоохранения предварительное согласие на оплату оставшейся суммы.

— Я договорился, что министр примет Тейлора, — однажды сообщил возбужденный Попов, — сможешь пойти с нами?

Я согласился. Встречу назначили на 19 августа.

16
ТРИ ДНЯ
МОСКВА
АВГУСТ, 1991 ГОД

В то утро я должен был пойти к врачу. Было семь часов утра. Когда я уже собрался и направился к двери, раздался телефонный звонок. Секретарь Джоэля Тейлора извинилась за столь ранний звонок:

— Вы собираетесь на встречу в Министерство здравоохранения? — спросила она.

— Конечно, — осторожно ответил я, — а почему вы спрашиваете?

— А вы еще не знаете, что происходит? — удивилась женщина.

— Нет.

— Так включите телевизор, — посоветовала она. — Я перезвоню через несколько минут.

Я включил телевизор. По всем программам шел балет «Лебединое озеро». То же самое происходило, когда умер Брежнев, так что сейчас, очевидно, тоже что-то произошло.

В эфире появилась диктор и зачитала сообщение, в котором говорилось, что в стране введено чрезвычайное положение, граждан просят сохранять спокойствие и помнить о своем долге перед Родиной. После этого продолжилась трансляция балета.

Снова позвонила секретарь Тейлора.

— Вы не знаете, что происходит? — спросил я.

Женщина рассказала, что в шесть часов утра поступило информационное сообщение, что отдыхающий на своей государственной даче в Крыму Горбачев внезапно заболел. Он «временно» передал руководство страной ГКЧП.

— Все равно я буду на встрече, — бросил я и повесил трубку.

Я присел на кровать, надо было обдумать происходящее. Это лето было просто сумасшедшим по накалу политических страстей. В конце июля президент Буш встречался в Москве с Горбачевым. 2 августа Горбачев объявил о намерении подписать договор, дающий советским республикам новые права. А 4 августа он с семьей уехал отдохнуть в Крым. Официальная церемония по подписанию союзного договора была назначена на 20 августа, когда Горбачев планировал вернуться из отпуска. Сегодня девятнадцатое. Скорее всего, завтра он не вернется…

если это вообще когда-либо произойдет.

Лена сидела рядом со мной и напряженно смотрела в телевизор. Диктор прочитала указ ГКЧП. В нем сообщалось, что все правительственные организации переходят в подчинение этого комитета. Политические партии, забастовки и демонстрации запрещаются.

Фамилии членов комитета сначала меня ошеломили, а потом привели в ярость.

Геннадий Янаев в начале года был назначен вице-президентом, а сейчас его объявили исполняющим обязанности президента. К нему присоединились: министр обороны, маршал Дмитрий Язов, которому Горбачев поручил навести порядок в армии; председатель КГБ Владимир Крючков; председатель Верховного Совета и один из старейших друзей Горбачева Анатолий Лукьянов; Олег Бакланов, заместитель председателя Совета обороны; министр внутренних дел Борис Пуго; премьер-министр Валентин Павлов; Александр Тизяков, президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности; и Василий Стародубцев, председатель Крестьянского союза.

— Как ты думаешь, Горбачев и правда заболел? — спросила меня Лена.

— Это маловероятно, — ответил я.

На улице меня ждала машина. Я поехал к врачу и по дороге почти не разговаривал с водителем.

Приехав в «Биомаш» я заметил, что люди были растеряны и молчаливы. У дверей кабинета меня поджидал председатель парткома института. Он многозначительно улыбался.

Месяц назад в соответствии с указом Ельцина о запрещении деятельности партийных организаций на государственных предприятиях я приказал ему покинуть вместе с документами и парткомовскими работниками стены института.

— Что вы хотели? — спросил я.

— Ну, вы ведь уже слышали новости? Мы победили, — заявил он.

— Кто это — «мы»?

— Партия… «наше» правительство, — объявил он с энтузиазмом. — Мы готовы вернуться к вам, когда скажете.

— Нет, вы не вернетесь, — отрезал я.

Улыбка исчезла с его лица.

— Как это?!

— Вы никогда не вернетесь. Так приказал Ельцин, а он — Президент России.

— Вы еще пожалеете, — в его тоне слышалась явная угроза.

— Убирайтесь на… — не выдержал я.

Как только он ушел, в кабинете собрались все ведущие сотрудники. Несколько человек, слышавших предыдущий разговор, пожали мне руку. Обсуждение утренних событий началось как-то нерешительно. Мы говорили об этом так, как будто это произошло где-то далеко. Люди были очень обеспокоены, но высказывались крайне осторожно.

С Джоэлем Тейлором мы встретились ровно в час дня, но министр встречу отменил. Подождав полчаса и обменявшись любезностями, я через переводчика посоветовал американцу отправляться домой.

Когда я направился к своей машине, кто-то сказал, что у Белого дома собираются люди.

Во второй половине дня мне позвонил Калинин, нужно было прибыть на Самокатную. Я попросил водителя проехать по Краснопресненской набережной, проходящей мимо Белого дома.

Около здания собралась уже большая толпа. Я вышел из машины и пошел пешком. Кто-то выругался, увидев, как я покидаю государственную черную «Волгу», но я не обратил на это внимания. На подходах, ведущих к Белому дому, уже сооружали баррикады. Огромное количество людей заполнило пространство между зданием парламента и Москвой-рекой, и еще больше находилось на площади позади Белого дома. Некоторые принесли с собой одеяла и сумки с едой.

Побродив вокруг полчаса, я вернулся к машине.

— Говорят, что Ельцин призвал москвичей прийти к Белому дому, некоторые даже собираются здесь ночевать, — сообщил водитель.

Тем вечером у Белого дома собралось двадцать пять тысяч человек, поддерживающих правительство.

На совещание к Калинину прибыло все руководство, включая Ермошина, Давыдова и нескольких начальников управлений. Они о чем-то вполголоса переговаривались.

Когда я вошел, стоящий у дверей Давыдов схватил меня за руку. Его лицо было покрыто испариной.

— Канатжан, разве это не замечательно?! — возбужденно воскликнул он.

— Что именно?

— Они наконец арестовали этого идиота Горбачева! Человека, который развалил страну! Его надо повесить! — воскликнул он.

Я все еще находился под впечатлением от увиденного у Белого дома. Я оглядел присутствующих и понял, что никто особенно не удивлен произошедшим переворотом. А

произнесенное Давыдовым «наконец» прозвучало как-то зловеще.

Калинин никогда не скрывал своих симпатий к тем, кто критиковал проводимую Горбачевым политику. В кругу высокопоставленных бюрократов и военной элиты уже давно ходили язвительные комментарии. Министр Быков, например, произносил слово «плюрализм» — одно из ключевых слов эпохи Горбачева, — сплевывая сквозь зубы. Невнятные угрозы, типа «надо выкинуть этого ублюдка», звучали столь часто, что я перестал обращать на них внимание. Друзья наверняка предупредили Калинина о намечающейся акции, ведь «Биопрепарат» — военная организация.

Мне уже не доверяли, а Давыдов всегда считался у начальства надежным человеком. В тот момент он показался мне настолько отвратительным, что впервые я, выйдя из себя, сорвался. В комнате замолчали.

— Посмотрю, что вы скажете, когда Горбачев вернется! — злобно посмотрел я на Давыдова, который отпрянул назад, как будто его ударили.

Тут вмешался Калинин:

— Успокойся, Канатжан, — приказал он. — Нет причин так сильно расстраиваться. Поверь мне, Горбачев очень болен.

— Расскажите об этом людям у Белого дома, — ответил я, — может быть, вы сможете убедить их разобрать баррикады.

— Какие еще баррикады? — удивились собравшиеся.

Пока я рассказывал об увиденном на набережной, с меня не сводили глаз. Калинин покачал головой:

— Если бы люди только поняли, что бояться нечего, — сказал он. — Страна в надежных руках.

— А мне кажется, есть о чем беспокоиться! — снова возмутился я.

Калинин вздохнул и взглянул на часы:

— Канатжан, иди домой. Отдыхай, — сказал он. — Встретимся завтра и еще раз все обсудим, — обратился он ко всем остальным.

Уходя, я спросил Ермошина, о чем говорили до моего появления.

— Пытались решить, стоит ли составлять письмо о поддержке ГКЧП, — ответил он.

— Калинин говорит, что это наш долг, — и шепотом поинтересовался: — а там и правда баррикады?

— Сходи и посмотри, — огрызнулся я, но Ермошин не обиделся.

— Понимаю, как ты зол, — сказал он, — но сейчас разозлю тебя еще больше. Калинин с утра позвонил Уракову в Оболенск и

приказал поддержать ГКЧП. Удивляюсь, почему он тебя о том же не попросил.

В следующие два дня Ермошин не выходил на работу, решив сказаться больным, чтобы избежать «глупых распоряжений», как объяснил мне потом.

Мне казалось, что я остался тогда совсем один.

Вернувшись в свой кабинет, я быстро написал заявление о своем выходе из Коммунистической партии и направился в партком «Биопрепарата». Несмотря на указ Ельцина, Калинин разрешил им остаться на прежнем месте.

Увидев меня, находящийся там человек обрадовался:

— Не беспокойтесь, Канатжан! — воскликнул он. — Правда, не о чем волноваться, у вас все взносы заплачены.

Я замер на месте от изумления.

— О чем речь?

— Сегодня с утра все спешат заплатить партийные взносы, — в его голосе слышалась саркастическая нотка. — Они не платили в течение многих месяцев, а сегодня вдруг поняли, что ошибались. Я проверил, у вас и еще у нескольких человек все в порядке.

Тут я протянул ему заявление. Его лицо вытянулось:

— Выйти из партии? Вы что, с ума сошли? — удивился он.

Поздно вечером мы с Леной вдруг услышали надвигающийся шум: это танки въезжали в столицу.

На следующее утро приехал мрачный водитель.

— Вы слышали о танках? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Сейчас еще одна колонна входит, — сообщил он, — идут к Белому дому.

Мы еще не знали, что танковый батальон, подошедший к зданию парламента, решил не штурмовать Белый дом, а защищать его.

Приехав в «Биомаш», я стал свидетелем обсуждения телевизионной пресс-конференции, на которой впервые появились заговорщики, они обещали, что войска будут только поддерживать порядок в столице. Телевизионная камера запечатлела Янаева и его дрожащие руки. Из-за своей некомпетентности или просто упустив момент, они не арестовали Бориса Ельцина и других видных оппозиционеров.

Все происходящее было похоже на плохо поставленный спектакль. Но эти люди были способны и на крайние меры. Прошел слух, что штурм Белого дома начнется сегодня ночью.

В кабинете я написал еще два заявления: рапорт об увольнении из армии и заявление об уходе по собственному

желанию из «Биопрепарата». Я вложил их в отдельные конверты и попросил доставить на Самокатную.

Эти решения я принял еще раньше, когда в город входили танки. Лена не пыталась отговаривать меня, но когда я признался, что хочу пойти к Белому дому, то расплакалась и попросила подумать о детях.

Размышляя, что делать дальше, я пил чай, и тут в кабинет ворвалась целая делегация от отделов института.

— Мы хотим знать, что говорят в руководстве «Биопрепарата», — начал один из вошедших.

Я коротко сообщил о встрече у Калинина и письме, в котором Ураков поддерживает ГКЧП.

— Надо выпустить наше собственное обращение, — сказал начальник одной из лабораторий, мужчина лет пятидесяти. — Нам следует поддержать демократию.

Все согласно закивали.

— Если мы напишем от имени всего института, — решил я, — то сначала это следует обсудить на общем собрании, тогда все смогут высказать свое мнение.

И в три часа дня более четырехсот человек собрались в душном конференц-зале, мест всем не хватало, и кое-кто уселся прямо на пол. Оглядев возбужденные лица собравшихся, я подумал, что, должно быть, подобные собрания проходят сейчас и в других государственных организациях Москвы.

Когда я поднялся, разговоры прекратились.

— Не хочу оказывать давление на присутствующих, — начал я. — Буду выступать не как директор института, а как гражданин: я называю случившееся путчем.

Взрыв аплодисментов помешал мне продолжить. Кто-то вскочил на стул и замахал руками в знак поддержки.

Продолжив, я сказал что если присутствующие согласны со мной, то от имени института будет написано заявление в поддержку Горбачева и Ельцина и направлено в Белый дом. Потом я зачитал проект заявления, составленный вместе с руководителями отделов… и начал голосование:

— Кто «за»?

В зале все подняли руки.

— Кто «против»?

«Против» были только двое, но соседи зашумели на них.

— Пусть объяснят, почему! — перекричал я возмущенные голоса.

Один их них оказался ученым, которого я очень уважал. Он спокойно переждал, пока шум уляжется, а затем встал, чтобы обратиться к коллегам:

— Я считаю, что в стране наконец появилось нормальное правительство, — его голос дрожал от волнения. — Если все продолжалось бы, как раньше, то страна бы развалилась на части. Мой отец погиб на войне, чтобы этого не произошло.

Когда он замолчал, то несколько человек согласно закивали.

— Посылайте письмо! — выкрикнул кто-то.

— Посылайте! — подхватила толпа.

Мы разослали водителей с копиями нашего заявления в Белый дом, в «Биопрепарат» и редакцию «Общей газеты».

Когда я вернулся, мне передали просьбу перезвонить секретарю Калинина.

— Вы будете у себя до конца дня? — спросила она.

— Да, а в чем дело?

— Калинин собирается к вам заехать, — сообщила секретарь и повесила трубку.

Калинин приехал ровно в 17 часов. Он привез мое заявление об увольнении и копию заявления «Биомаша». Он выглядел чрезвычайно расстроенным, под глазами темные круги, волосы растрепаны, никогда я не видел его в таком состоянии.

— Знаешь, — директор слабо улыбнулся, чтобы как-то разрядить обстановку, — я бы выпил чаю.

Генерал сел напротив меня, положив на стол бумаги. Когда принесли чай, он залпом выпил его.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Бывало и хуже, — прозвучал тихий ответ.

Молчание затягивалось, неловкость создавшейся ситуации тяготила меня.

— Зачем вы приехали? — это был естественный вопрос.

Не ответив, генерал отставил чашку и оперся руками о стол. Казалось, он старается успокоиться.

— Канатжан, — наконец начал он, — я глубоко уважаю Горбачева, и ты об этом знаешь. Когда услышал о произошедшем, то просто не знал, что делать, а прошлой ночью и вовсе глаз не сомкнул.

Калинин замолчал, но, не дождавшись ответа, продолжил:

— Дело в том, что сегодняшние лидеры — Язов, Путо, Бакланов — порядочные люди, любят свою страну, и я их прекрасно знаю. Как вы прикажете к ним относиться?

— Я не могу решать за вас, — отозвался я, — но, сами поймите, откуда они взялись? Кто их выбрал?

— Да не в этом дело! — резко сказал генерал своим командным голосом, но потом снова обмяк на стуле. — Мне только хочется, чтобы ты понял: они любят свою страну, — повторил он. — Они такие же патриоты, как ты и я, как все мы.

— Генерал, я уже сделал свой выбор. Вы должны сделать свой, — ответил я.

Калинин прикрыл лицо рукой, казалось, что он вот-вот заплачет.

— Ты не понимаешь, Канатжан, ты совсем не понимаешь… как трудно… — и он замолчал, не в силах продолжать.

Я отвернулся. Я слишком хорошо знал этого человека и понимал, что он не простит, если я буду свидетелем его слабости.

А потом целый час мы разговаривали, как никогда раньше. Калинин поделился со мной своими трудностями, рассказал о проблемах, связанных с чиновниками из Центрального Комитета, желающими занять его место, о Военно-промышленной комиссии и вообще обо всех своих врагах. Сейчас этот человек, который всегда показывал свое превосходство, беседовал со мной не как с подчиненным, а как с другом.

Затем все закончилось так же внезапно, как и началось. Он вернулся к теме путча.

— Дело в том, понимаешь… они — наши люди, — выдавил он, пытаясь обрести прежнее самообладание.

— Это не мои люди, — отрезал я. — Я поддерживаю президента. Может быть, он и не был избран демократическим путем, но…

Махнув рукой, Калинин оборвал меня:

— Не хочу с тобой спорить, Канатжан, — вздохнул он. — Давай придем к компромиссу.

Он указал на два листа бумаги на столе.

— Это… преждевременно, — сказал он. — На двадцать шестое назначено заседание Верховного Совета, Лукьянов уже объявил, что занимается этим вопросом. Почему бы нам не подождать развития событий? Ты можешь поступить опрометчиво.

Мое расположение к нему мгновенно исчезло. Теперь я понял причину его посещения: генерал не хуже меня проанализировал ситуацию и сообразил, что успех переворота сегодня уже не так очевиден, как вчера. На случай возвращения Горбачева к власти наше заявление обеспечивало ему политическое алиби, правда, для этого ему следовало любой ценой удержать меня в «Биопрепарате».

И все равно мне было жаль этого человека. Раскрывая душу, он, наверное, сказал мне больше, чем хотел.

— Сейчас очень трудные времена, — продолжал директор. — Знаю, как ты относишься к нашей программе, но нам сейчас нельзя терять ни одного человека.

Взглянув на меня, он попытался улыбнуться:

— Очень тебя прошу, останься.

Мне следовало быстро принять решение. Для меня не имело значения, отправиться в отставку сейчас или позднее. Но если я уйду сейчас, то подведу своих сотрудников.

— Хорошо, — сказал я. — Оба заявления оставьте у себя, как хотите, можете не принимать по ним решений. Если Верховный Совет объявит о легитимности так называемого ГКЧП, то, надеюсь, вы дадите им ход, и я уеду в Казахстан. Если же будет решено, что произошел государственный переворот, то я останусь в «Биопрепарате».

Калинин облегченно вздохнул. Потом он встал передо мной.

— Даю тебе добрый совет, не высовывайся, — сказал он холодно. — Не делай глупостей, пока не пройдет заседание Верховного Совета.

— А вот это — мое дело, — парировал я.

Мы с ним еще не знали, что в тот момент Лукьянов докладывал заговорщикам, что не смог набрать кворум депутатов на 26 августа.

После провала путча Калинин уничтожил письмо из Оболенска и показывал всем заявление «Биомаша» о поддержке Горбачева, хвастаясь, что «мы» в «Биопрепарате» истинные патриоты.

Если бы власть сохранил ГКЧП, то Калинин бы первым делом предложил новому правительству отменить указ Горбачева о прекращении производства бактериологического оружия. И новые руководители, вполне возможно, его бы поддержали, даже Крючков.

Вскоре после путча умер Владимир Андреевич Лебединский. Генерал, много лет возглавляющий 15-е Управление, тяжело болел в последние месяцы. А во время операции по ампутации ноги он перенес еще и инсульт.

Меня поразило, что на похоронах было мало людей. Не пришли даже старые армейские друзья, такие, как Калинин и Ураков. Ничто не могло заставить меня презирать Калинина больше, чем его отсутствие в тот день.

Пришел только генерал Валентин Евстигнеев, который сменил в 15-м Управлении Лебединского. Он долго стоял у гроба, опустив голову. Несмотря на нашу ссору во время обсуждения будущего бактериологической военной программы, я понял, что он был человеком, который готов отстаивать то, во что верит. А таких людей, особенно в те августовские дни, в среде военной бюрократии было очень мало.

Все остальные предприятия «Биопрепарата» во время путча помалкивали. Свою позицию обнародовали только наши с

Ураковым институты.

Из Сибири мне позвонил Сандахчиев, который узнал про наше заявление:

— Я поддерживаю тебя, Канатжан, — одобрил он. — Рад, что ты выступил против этих подонков.

— А почему бы вам не сделать то же самое на «Векторе»? — предложил я.

— Москва далеко, — рассмеялся он, — это все политика, к нам никакого отношения не имеет.

Утром 21 августа, на третий день путча, меня разбудил звонок человека, который представился дежурным офицером Московского военного округа:

— Полковник Алибеков? — спросил он.

— Да.

— Хочу сообщить, что вас могут арестовать, — сказал он.

Лена тихо посапывала во сне.

— Почему? — спросил я.

— Генерал-полковник Московского военного округа объявил, что все офицеры, которые не подчиняются приказам ГКЧП, будут подвергаться тридцатидневному превентивному аресту, — быстро произнес он, как будто читал по бумажке.

Накануне в конференц-зале нашего института было много военных. Вероятно, это кто-то из них, выполняя свой долг, проинформировал начальство о моей речи… и наверняка этот информатор вместе со всеми голосовал «за».

Лет 30–40 назад я бы услышал не телефонный звонок, а стук в дверь часа в 3 ночи. Но времена меняются.

— Спасибо, что предупредили, — поблагодарил я.

— Пожалуйста, — прозвучал дружелюбный голос в трубке.

Я не поверил в реальность опасности. Штурма Белого дома, которого ждали той ночью, не произошло. Парламент Ельцина, защищаемый народом и танками из подразделений, объявивших о поддержке российского Правительства, выстоял.

— Кто звонил? — сонно спросила Лена.

После того как я пересказал разговор, она мгновенно проснулась.

— Пожалуйста, будь осторожен, ведь у нас трое детей! — попросила жена.

Когда я вышел на улицу, моросил дождь. В «Биомаш» ехать не хотелось. Водитель отвез меня к Белому дому. Его по-прежнему окружали люди. Несмотря на отсутствие официальных сообщений, у каждого было, о чем рассказать.

Вчера трое молодых ребят погибли во время столкновения. Как потом сообщалось, это был несчастный случай: экипаж танка,

такие же молодые парни, как и те, которые погибли, запаниковали, когда их окружили возбужденные демонстранты.

Кто-то принес переносной радиоприемник и слушал «Голос Америки», кто-то — «Эхо Москвы», по которым транслировали дерзкие выступления депутатов парламента и сторонников Ельцина из Белого дома.

Танки стояли прямо на мосту, перед зданием парламента, вокруг них собрались сотни людей. Солдаты, в основном новобранцы, сняв шлемы, весело болтали с девушками. Заговор рассыпался на наших глазах.

Во второй половине дня Ельцин объявил, что члены ГКЧП едут в аэропорт Внуково. Толпа восторженно заревела.

— Надо их арестовать! — выкрикнул кто-то в толпе.

Заговорщики направились в Крым, где Горбачева и его семью уже три дня держали без связи. Они хотели объясниться с человеком, которого предали. Еще один самолет с Александром Руцким вылетел в Форос чуть позже, чтобы доставить президента Горбачева в Москву.

Обе делегации появились у Горбачева одновременно. Тот отказался встретиться с людьми из Кремля и вернулся вместе с Руцким, взяв с собой только Крючкова.

Поздно вечером самолет, в котором летел Горбачев со своей семьей, приземлился во Внуково. Его встречал Борис Ельцин. Все закончилось.

Как и тысячи других москвичей, я вернулся домой и впервые за эти три дня крепко заснул.

В ту ночь, как стало потом известно, застрелился Борис Путо.

Утром я отправился к Калинину. Увидев меня, он встал, и мы пожали друг другу руки.

— Теперь можно вздохнуть спокойно, — заметил директор.

В ответ он услышал прямой вопрос о том, что он собирается делать с Ураковым. Калинину не понравилось, что я знаю о заявлении в поддержку ГКЧП, сделанном в Оболенске. Он сделал удивленные глаза, когда я добавил, что Ураков сможет искупить свое постыдное поведение, только покончив с собой.

Генерал чуть не рассмеялся:

— Канатжан, — заметил он снисходительно, — тебе не кажется, что это жестоко?

— Тогда, по крайней мере, потребуйте, чтобы он подал в отставку, — сказал я.

— Обещаю об этом подумать, — ответил Калинин и отвернулся. Кстати, еще через два дня маршал Сергей Ахромеев, тоже поддержавший заговорщиков, повесился в своем кабинете.

В течение нескольких дней после провала путча всем стало

ясно, что Горбачев не сможет вернуть себе прежнюю власть. Сразу после возвращения из Крыма он отказался запретить Коммунистическую партию, но Ельцин все равно заставил его публично отречься от этой идеологии. Двадцать, пятого августа Горбачев отказался от поста Генерального секретаря ЦК и объявил о роспуске КПСС.

Вскоре после этого меня срочно вызвал к себе Калинин.

— Канатжан, немедленно отправляйся в ЦК, — приказал он. — Они хотят, чтобы мы помогли им с документами.

— Почему я?

Но генерал настаивал:

— Там есть то, что может навредить многим людям, ты понимаешь, о чем я говорю.

Я наотрез отказался, и Калинин был вынужден отправиться туда сам.

В течение следующей недели в ЦК КПСС были уничтожены тысячи партийных документов. Чиновники могли бы все сжечь, но они боялись, что дым привлечет внимание демонстрантов, окруживших здание.

Позднее мне стало известно, что среди уничтоженных документов было огромное количество бумаг, подтверждающих связь Центрального Комитета и КГБ с секретными бактериологическими программами, включая «Костер» и «Флейту».

В «Биомаше» я попросил руководителей отделов открыть сейфы и уничтожить все инструкции и рецептуры по производству бактериологического оружия. Они выполнили мою просьбу. Я хотел, чтобы эту программу нельзя было возобновить.

Но я не знал, что копии всех этих документов были и в архиве на Самокатной, где они хранятся, насколько мне известно, и по сей день.

НЕПРИСТУПНАЯ АМЕРИКА

17
ФОРТ-ДЕТРИК ФРЕДЕРИК, ШТАТ МЭРИЛЕНД ДЕКАБРЬ, 1991 ГОД

В начале декабря 1991 года полковник Чарльз Бейли, заместитель начальника Медицинского научно-исследовательского института инфекционных болезней армии США (USAMRIID) в Форт-Детрике, штат Мэриленд, собрал высшее руководство для тренинга.

Присутствующих разбили на две группы, первая должна была изображать представителей советской делегации, приехавших в институт, вторая — отвечать на их вопросы.

— Вы как советские визитеры должны во всем сомневаться, — поставил он задачу перед первой группой, — ведь вы убеждены, что мы скрываем работы над биологическим оружием.

Обратившись ко второй группе, он сказал:

— А вам следует придумать правдоподобные ответы.

Через две недели в Форт-Детрик должна была приехать первая делегация из Советского Союза для посещения американских предприятий, ведущих биологические исследования. Все, что касалось этого посещения, держалось в тайне. О грядущем визите сообщили только небольшой группе сотрудников USAMRIID и руководству, которое должно было сопровождать делегацию. И никакой прессы. Из отдела Министерства обороны, готовящего это посещение, поступил приказ не делать никаких заявлений и не распространять информацию о визите.

Когда в Министерство иностранных дел впервые прислали список членов советской делегации, моя фамилия там не значилась. Калинин был против моей поездки. Конечно, я понимал, что мое поведение во время путча сыграло здесь свою роль, но все равно разозлился. Мало кто в «Биопрепарате» мог более квалифицированно, чем я, обнаружить признаки проведения исследований по программе наступательных бактериологических вооружений. Ведь мне были известны все существующие методы маскировки таких исследований, потому что именно я руководил с 1988 года подобными мероприятиями.

— Мне казалось, что этот вопрос тебя больше не интересует, — с хитрецой заметил Калинин.

Но я напомнил, что именно по его просьбе я согласился

сопровождать американскую делегацию. После этого он неохотно включил меня в список делегатов в порядке замены. И когда Олег Игнатьев из Военно-промышленной комиссии не смог поехать из-за загруженности работой в Москве, меня включили в советскую делегацию как представителя «Биопрепарата».

Нас было тринадцать человек, столько же иностранцев приезжало к нам в январе. В группу входили и ученые, и военные, и дипломаты, и… шпионы.

Полковник Никифор Васильев из 15-го Управления возглавлял группу военных из семи человек, включая сотрудника отдела контроля над вооружениями Минобороны и переводчика. Один даже признался, что работает на советскую разведку. Это был полковник ГРУ. Он предупредил нас, что всем, кто будет интересоваться, следует говорить, что он из Министерства здравоохранения.

Представителей «Биопрепарата» было значительно меньше. Вместе со мной в делегацию входили Григорий Щербаков, возглавлявший научную работу, Лев Сандахчиев из «Вектора» и генерал Ураков из Оболенска. То, что мы оказались с генералом в одной группе, было неприятно для нас обоих. Ураков подчеркнуто игнорировал меня с тех пор, как я сказал, что ему следует покончить с собой после путча. Из Министерства иностранных дел было лишь два человека.

Меня интересовала не только возможность посмотреть на достижения американцев. Я уже не был так уверен, как раньше, в том, что американцы больше не занимаются бактериологическим оружием.

За несколько недель до отъезда всю делегацию пригласили на специальное совещание в Генштаб. На большом столе в центре комнаты лежали карты и сделанные со спутников фотографии Соединенных Штатов. Офицер ГРУ с деревянной указкой в руках рассказал нам о четырех объектах, которые мы должны были посетить: USAMRIID в Форт-Детрике; испытательный полигон Дагвей возле Солт-Лейк-Сити, штат Юта; Пайн-Блаф арсенал в Арканзасе и Солк-Центр в Свифтвотер, штат Пенсильвания.

Мы рассматривали карты, а он показывал нам подозрительные сооружения. В USAMRIID им оказалось большое круглое здание, похожее на камеру для испытания взрывчатых веществ. В Пайн-Блаф на фотографии было зафиксировано движение «контейнеров с бактериологическим оружием».

Эти данные меня ошеломили. Почему я раньше об этом не знал? Напрашивался только один вывод: наши наконец решили провести серьезную разведоперацию.

Я вовсе не сожалел о своем желании закрыть программу по

разработке бактериологического оружия. Просто меня удивляло, что Калинин не напрасно старался сохранить наши объекты для исследований по биовооружениям и их производству.

Правильно определить предназначение того, что нам покажут, было нелегкой задачей, так как согласно договору мы не должны были иметь при себе специального измерительного оборудования. Я улыбнулся, вспомнив потасовку из-за карманного фонарика Криса Дэвиса.

Накануне нашего отъезда Калинин сказал:

— Что бы вы там ни увидели, вы должны привезти доказательства того, что американцы производят бактериологическое оружие.

В среду 11 декабря 1991 года вечером мы приземлились в Вашингтоне. Разбирая свой багаж в советском посольстве, мы вдруг узнали, что Советского Союза больше не существует.

По американскому телевидению сообщили, что руководители России, Белоруссии и Украины 8 декабря заявили об образовании Содружества Независимых Государств, а это реально означало распад СССР.

— Какой ужас, — отреагировал Григорий Берденников, член делегации от Министерства иностранных дел, который потом стал замминистра иностранных дел России.

— Да, — согласился я, — Горбачеву теперь не на что надеяться.

Берденников покачал головой:

— Вы не понимаете, — объяснил он, — мы с вами граждане несуществующего государства. Американцы, вероятно, отправят нас обратно, так как мы никого здесь не представляем.

Но американцы никак на это не отреагировали, и следующим утром на эту тему не было сказано ни слова.

Нас повезли в большом автобусе через весь штат Мэриленд. В окно я видел лишь непонятные указатели на шоссе и большие автомобили, проносившиеся мимо с огромной скоростью. По прибытии в Форт-Детрик я вздохнул с облегчением — наконец-то знакомое место.

Раньше здесь был тренировочный лагерь и аэродром американской национальной гвардии, сейчас же возвышались здания из кирпича и бетона. Вдоль некоторых сооружений были проложены большие трубы и находилась башня — наверное, нагревательная установка. Внешне этот объект напоминал фармацевтический завод. Мы свернули с шоссе и въехали в главные ворота. На противоположной стороне дороги мы заметили здание ветеринарной больницы.

Полковник Рон Вильяме, начальник Форт-Детрика, произнес

приветственную речь и передал полномочия Чарльзу Бейли.

Бейли, заместитель начальника USAMRIID, занимал в Америке положение, аналогичное моему в России. Легкий в общении человек, с мягким протяжным оклахомским говорком, он был, скорее, ученым, нежели военным. Встретившись впервые в Форт-Детрике, мы еще не знали, что у нас с ним окажется так много общего. Всего через несколько лет нам предстояло вместе работать в биотехнологической фирме в Вирджинии, а также стать профессорами одного университета.

При встрече я насторожился: Бейли постоянно улыбался.

Уже потом он рассказывал, что, заметив мой угрюмый взгляд, решил, что перед ним шпион. Но чем больше хозяева улыбались, тем более настороженными мы становились.

Американцы вручили нам план территории и спросили, что бы мы хотели увидеть. Наскоро посовещавшись, мы выбрали здание большой лаборатории. Инженеры, одетые в белые халаты, объяснили, что занимаются поисками противоядия к токсинам, вырабатываемым некоторыми животными и моллюсками. На мой взгляд, они вели себя слишком открыто и слишком по-дружески, с легкостью отвечали на наши вопросы, и я уже не надеялся найти хоть что-то, скрытое от наших глаз. Я посоветовал коллегам быть более настойчивыми и дотошными.

Вернувшись в автобус, полковник Васильев, взяв в руки нашу карту, подозвал к себе одного из сопровождающих.

— Что это за здание? — спросил он, показывая на округлое строение. На совещании в Москве его демонстрировали нам как камеру для испытаний.

Американец смущенно повернулся к остальным сопровождающим нас американцам, показывая им план Васильева.

— Но там ничего нет, — воскликнул один из них.

Я про себя усмехнулся: «Они нас что, за дураков держат?» Мы настоятельно попросили американцев подвезти нас к высокому сооружению, напоминающему перевернутый рожок мороженого. Через раскрытые настежь двери виднелись кучи какого-то серого порошка.

Через переводчика мы поинтересовались у Бейли, что это. Услышав ответ, переводчик улыбнулся.

— Он говорит, что это соль.

— Соль? — удивились мы.

— Ну да! Чтобы посыпать дороги зимой.

Васильев, все еще сомневаясь, подошел к одной из куч и попробовал порошок на вкус.

— Ну, что там? — не терпелось нам узнать.

Полковник смущенно подтвердил:

— Соль.

Мы посетили лабораторию, в которой занимались, как нам сказали, поиском вакцины от сибирской язвы. В этом крохотном помещении работали лишь два специалиста, поэтому о производстве оружия говорить не приходилось, ведь у нас этим занимались, по меньшей мере, две тысячи человек.

В одном из помещений кто-то из наших военных вдруг без предупреждения забрался на стул и начал, к ужасу хозяев, снимать потолочную плитку. Непонятно, что этот человек рассчитывал найти под потолком, ведь мы тогда находились на втором этаже двухэтажного здания. Он застал американцев врасплох, и после этого случая улыбка Бейли несколько поблекла.

Наши подозрения были небезосновательны. Хотя мы и не имели четкого представления о сегодняшнем состоянии американской программы по бактериологическому оружию, но знали, что они способны на многое.

Уже в Америке, работая над историей секретных американских и российских программ, я был просто поражен, когда узнал, насколько близки мы были в наших исследованиях в период с 1945 по 1969 год. Одни и те же вирусы, одинаковые типы аэрозолей использовались и в наших, и в американских экспериментах, проводимых примерно в одно и то же время.

С Биллом Патриком, который до 1969 года отвечал в Форт-Дет-рике за разработку бактериологического оружия, мы вместе работали над вышеупомянутой историей исследований. Он был одним из немногих американцев, разбиравшихся в технологии производства биологического оружия. Опытный микробиолог, обладавший чувством юмора, он сделал значительный вклад в разработку оружия на основе чумы и туляремии. Сейчас Патрик стал одним из ведущих американских экспертов по биозащите.

Так вот, этот ученый тоже заметил сходство программ:

— Когда мы начинали над чем-то работать, — говорил он мне, — то вскоре и вы приступали к аналогичным исследованиям. Удивительно, что две такие далекие друг от друга страны двигались одним и тем же путем в науке.

Сходство наших исследований могло быть не только результатом простого совпадения. Павел Судоплатов, бывший генерал КГБ, дал такое разъяснение в своих мемуарах, изданных в 1996 году. Этот человек практически открыто заявил, что и в 40-е, и в 50-е годы добытые разведкой секретные материалы американских исследований по биологическому оружию регулярно направлялись в Москву. Он сам передавал их в лабораторию «Икс», которую возглавлял ведущий ученый из

Академии наук СССР.

В описанной им лаборатории «Икс» я сразу же узнал 12-ю лабораторию, находящуюся в ведении Первого главного управления КГБ, где мой приятель Валерий Бутузов работал много лет над изобретением методов убийств при помощи биологических веществ. Возможно, КГБ мог поделиться этой информацией и с другими организациями, занимавшимися программой разработки бактериологического оружия.

Из статей, публикуемых в американской и европейской научной печати, мы, конечно, получали много важных данных, но сведения о том, какие виды бактерий изучались, какие питательные среды использовались, какие аэрозольные рецептуры разрабатывались, были строго засекречены американцами. Без информатора здесь не обошлось. Патрик рассказывал мне, что никто из работавших с ним не подозревал о наличии шпиона в американских лабораториях, исследовавших бактериологическое оружие, но все же он согласился, что факты говорят об обратном.

США позже других приступили к разработке биологического оружия. Великобритания и Канада начали исследовать бактериологические вещества и методы их доставки еще в начале 40-х годов. А президент Рузвельт подписал программу разработки такого оружия только в марте 1943 года, через пятнадцать месяцев после вступления США во Вторую мировую войну. По словам Патрика, американцам ничего не было известно о том, что наша программа была основана еще в 1920-е годы.

Вполне возможно, их это мало интересовало. Американцы всегда довольно скептически относились к биологическому оружию.

В 1941 году, перед нападением японцев на Перл-Харбор, министр обороны Генри Стимсон попросил доктора Фрэнка Джуэтта, тогдашнего президента Американской национальной академии наук, создать рабочую группу по изучению возможности применения бактериологического оружия. Изучив отчет, представленный этой группой, Стимсон не изменил своего мнения о биовооружении: «Биологическое оружие — это грязное дело», — писал он Рузвельту в 1942 году.

Стимсон считал, что преимущества биологического оружия сомнительны, но тем не менее допускал то, что «любые методы, которые дают преимущество при ведении боевых действий, будут, несомненно, использованы». Американцы не относились серьезно к этому виду вооружения, пока их английские и канадские союзники не отметили, что немцы применяли сап против румынской кавалерии уже во время Первой мировой войны. Значит, возможно, они имеют уже различные виды

бактериологического оружия. Канадцы приспособили экспериментальную сельскохозяйственную станцию в Саффилде, Альберта, для проведения опытов с сибирской язвой. В южной Англии старый завод по производству химического оружия в Портон-Дауне использовался для тех же самых целей.

Для проведения совместных исследований по биологическим вооружениям с британскими и канадскими коллегами в Америке был создан секретный центр — Служба военных исследований (WRS). Его первым директором стал Джордж У. Мерк, президент крупнейшей американской фармацевтической компании. Под его руководством этот центр скоро стал ведущим в области исследований биологического оружия для сил альянса.

Мерк создал своеобразный «мозговой центр», в котором работали ученые из университетов и частных фирм. Служба военных исследований располагалась на четырех объектах: на участке в восемьсот гектаров в Хорн-Айленде около Паскагула, штат Миссисипи; на полигоне по испытанию химического оружия в Дагвее, в Юте; на двух тысячах пятистах гектарах оружейного комплекса в Терр От, штат Индиана, и на старом полигоне Национальной гвардии в Фредерике, штат Мэриленд.

Последний объект, переименованный в Форт-Детрик, считался основным. Он был строго засекречен, как и Лос-Аламос, где ученые пытались создать первую атомную бомбу. В военные годы в Форт-Детрике работали более ста семидесяти специалистов, изучавших сап, бруцеллез, холеру, дизентерию, чуму и тиф.

Самый большой проект был посвящен сибирской язве. Была создана установка по производству сибирской язвы с резервуарами объемом в пятьдесят тысяч литров. Ученые добились больших успехов, и Англия в сентябре 1944 года заказала им полмиллиона бомб, начиненных спорами сибирской язвы.

Ни один из видов биологического оружия, разработанного в Америке, не был использован во время Второй мировой войны. Опасения, что немцы применят подобное оружие при бомбардировках английских городов или в день «Д»,[24] были напрасными. После окончания войны президент Трумэн какое-то время не расставался с идеей применить против Японии вещества, уничтожающие как живую силу противника, так и посевы на полях.

Америка так и не использовала накопленное бактериологическое оружие, но остались исследовательские и технологические базы, а также секретные объекты, ничуть не меньшие, чем те, на которых занимались ядерным оружием.

Некоторые из них были сначала законсервированы, но, после того как стало известно о работах в 731-м подразделении японской армии, обсуждение свертывания американской бактериологической программы прекратилось.

И мы, и американцы узнали о применении японцами биологического оружия от военнопленных и из захваченных документов. Допрашивали руководителей подразделения 731 ученые из Форт-Детрика. Чтобы избежать наказания за военные преступления, японцы подробно описали свою программу. Их показания убедили Вашингтон, что подобное оружие можно производить в большом количестве и применять с большей эффективностью, чем это считалось ранее. Британцы пришли к такому же заключению и решили переоснастить свои исследовательские и экспериментальные объекты в Портон-Дауне и полигон для проведения испытаний на острове Скоттиш в Груйнарде.

Американцы также развернули комплексную программу по разработке бактериологического оружия, которая продолжалась более двадцати лет. Причем гонка вооружений в этой сфере была не менее опасной, чем ядерная.

Начиная с 1951 года в Форт-Детрике и на других объектах разрабатывали вещества, с помощью которых можно было уничтожать посевы пшеницы в Советском Союзе и рисовые поля в коммунистическом Китае. Патогенные микробы хранились в Эджвудском арсенале в Мэриленде и в арсенале Роки-Маунтин под Денвером, где одновременно производился оружейный плутоний.

Американские разработчики биооружия продолжали исследовать бактерии и вирусы, такие, как туляремия, венесуэльский энцефаломиелит лошадей и стафилококковый энтеротоксин В. Аэрозоли испытывались на животных на острове Дезерет в Тихом океане и на полигоне в Дагвее, Юта. Как и мы, они проводили испытания с применением моделей оружия в городских районах.

Опыты на людях были проведены в 1955 году на добровольцах из религиозной организации «Адвентисты седьмого дня», которые согласились на участие в экспериментах в обмен на освобождение от службы в армии. В рамках проекта Белек (или Операция CD — 22) на молодых людях испытывали лихорадку Ку которая не является смертельной и лечится антибиотиками.

К концу 19бО-х годов американцы провели исследование двадцати двух видов микроорганизмов и намеревались начать работы над геморрагическими лихорадками, такими, как боливийская лихорадка и лихорадка долины Рифт. Ученые из

Форт-Детрика также запланировали работы в области генной инженерии, но их программу решили закрыть.

Комиссия, возглавляемая президентом Никсоном, порекомендовала прекратить эксперименты с бактериологическим оружием.

Сомнения американцев в эффективности биологического оружия не исчезли окончательно. В конце 60-х общественность была возмущена применением химического и бактериологического оружия во время войны во Вьетнаме. У Форт-Детрика и возле других объектов по всей стране ежедневно устраивались пикеты. 25 ноября 1969 года президент Никсон подписал указ о запрещении использования биологического оружия. Президент пообещал направить высвобожденные средства на оборонные цели: иммунизацию и биозащиту.

Мы не поверили ни единому слову из этого указа. Даже после приказа об уничтожении огромных запасов американского бактериологического оружия и увольнении двух тысяч специалистов, ученых и инженеров, у нас говорили о том, что в США только еще больше засекречивают данную область исследований.

Никсон передал большую часть зданий в Форт-Детрике Национальному институту рака. Это должно было продемонстрировать, что Соединенные Штаты перековали мечи на орала. Но мы узнали, что на его месте начал действовать небольшой военный объект — USAMRIID, на котором велись работы по биозащите. С ним сотрудничали многие бывшие разработчики бактериологического оружия, в их число входил и Билл Патрик. Даже при условии, что наша разведка не могла найти доказательств проведения исследований по наступательным вооружениям, не могло быть никаких сомнений, что работы эти расширялись и набирали силу год от года.

Сообщения в прессе и материалы слушаний в конгрессе показывали, что многие влиятельные американцы догадываются об этом. Все это укрепляло наши подозрения, что USAMRIID, как и «Биопрепарат», скрывает от мира свои истинные цели. Некоторые американские эксперты обвиняли ЦРУ (в его ведении с 1952 года находился секретный объект в Форт-Детрике) в том, что оно продолжает разрабатывать и хранить бактериологическое оружие и после 1969 года. Конечно, в ЦРУ отрицали такие обвинения, но мы-то знали цену официальным заявлениям разведслужб.

Уже в первые дни своего пребывания в Америке наша делегация поняла, что нам потребуется недюжинный ум, чтобы докопаться до истины.

Самолет, предоставленный нашей делегации вице-президентом Дэном Куэйлем, доставил нас в Солт-Лейк-Сити, штат Юта. Хорошая еда и разнообразие напитков заставили меня с улыбкой вспомнить беспокойный прошлогодний полет в Сибирь. На пути из аэропорта я в изумлении глазел на прекрасно заасфальтированные автострады, на магазины и красивые дома, в которых жили американцы.

Своими впечатлениями мне не хотелось делиться с остальными членами делегации: Сандахчиев уже бывал в Соединенных Штатах и просто посмеялся бы над моей наивностью, а Ураков и сотрудники Министерства обороны были слишком увлечены разработкой стратегии поведения.

Когда мы прибыли на испытательный полигон в ста километрах от столицы штата Юта, нас встретил полковник Фрэнк Кокс, начальник Дагвея. С обезоруживающей откровенностью он изложил историю бактериологических и химических испытаний на полигоне, действующем с 1942 года, и убеждал нас, что с 1969 года ни один вид оружия здесь больше не испытывается.

На территории полигона находилось более шестисот строений. Дагвей показался нам более интересным, чем Форт-Детрик.

Нас проводили на большой комплекс с громким названием Лаборатория биологических наук. Увидев десяток зданий на фоне пустынного ландшафта из кактусов, я мгновенно насторожился.

Их вид чем-то напомнил наш комплекс в Степногорске. Здесь были и ангары для дезинфекционного оборудования, и приспособления для перевозки животных, а внутри некоторых зданий я рассмотрел небольшие отсеки, похожие на те, которые есть в наших санитарных коридорах и где мы надеваем защитные костюмы. Одно небольшое здание было похоже на объект для проведения опытов. Вблизи оно оказалось характерным строением с толстыми стенами и неплотно прилегающей крышей — это говорило о том, что его использовали для хранения взрывчатых веществ. В других зданиях комплекса мы заметили комнаты с оборудованием, похожим на то, которое у нас используют при вскрытии животных.

Внутри не оказалось ни животных, ни клеток, и вообще никаких следов деятельности, сопутствующей экспериментам с бактериологическим оружием. Комплекс оставлял общее ощущение запущенности: дверные петли заржавели и поскрипывали при открывании, в некоторых помещениях на стенах облупилась краска. В этих громадных помещениях работали всего десять сотрудников.

Помощники Кокса рассказали нам, что сейчас объект используется для испытаний моделей, имитирующих биологическое оружие. Как нас проинформировали, в основном здесь ведутся работы по исследованию методов защиты войск и военного оборудования от бактериологических и химических нападений. Они также показали нам лабораторию, испытывающую приборы, определяющие присутствие бактериологических веществ в воздухе.

На другие объекты нас отправили на вертолетах. Сопровождающие лица отвечали на любые наши вопросы без видимых колебаний. Это произвело на меня впечатление, хотя я знал, что наши специалисты тоже были хорошо проинструктированы.

— Здесь ничего интересного не происходит, — заключил Сандахчиев.

Ураков промолчал, но было заметно, что военные чем-то обеспокоены.

Пока мы летели в Арканзас на следующий объект, то возбужденно переговаривались шепотом.

— Вся поездка — сплошная показуха, — выразил свое мнение Васильев, подсевший ко мне. — Они не собираются ничего нам сдавать.

Действительно, американцы довольно успешно скрывали доказательства своей истинной деятельности, но это только усилило мои подозрения.

Арсенал Пайн-Блаф в Арканзасе во время Второй мировой войны производил химическое оружие. В 1953 году объект расширили, чтобы производить там биологическое оружие, но потом, в 1969 году, его передали в ведение Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами (FDA) для проведения гражданских исследований.

Объект в Пайн-Блаф был тоже похож на наши собственные объекты. В одном из зданий стояли огромные серовато-голубые резервуары, обычно используемые для обработки зараженных отходов. У нас тоже были подобные. Когда наши гиды открыли дверь и пригласили нас войти, я заметил, что пол в здании покрыт толстым слоем пыли. Сами резервуары были накрыты защитным материалом, потрескавшимся от времени. Когда я бродил по помещению, то заметил на полу черный блокнот, поднял его, стряхнув пыль, и быстро пролистал. Прочесть рукописный текст не смог, но год, когда были сделаны записи, выделялся четко — 1973.

Мы прошли в другое здание, где когда-то наполняли бомбы биологическими веществами. Оно было полностью

реконструировано и разделено на лаборатории, где американские биологи работали с подопытными животными.

Когда мы узнали, чем здесь занимаются, у нас загорелись глаза. В Пайн-Блаф американцы переоборудовали старый оружейный завод и превратили его в медицинский центр исследований иммуно-подавляющих веществ, которые не дают организму вырабатывать естественную защиту от вторгшихся бактерий.

Эти исследования важны для трансплантологии, когда необходимо предотвратить отторжение пересаженных органов. Зайдя в центр, мы увидели, как лаборанты пересаживали кусочки птичьей кожи и другие органы подопытным мышам.

Мы проговорили с учеными несколько часов подряд к явному неудовольствию некоторых военных из нашей группы, не имевших отношения к науке. Сандахчиев задавал бесконечные вопросы. Тогда я убедился, что американцы здесь не занимаются больше биологическим оружием.

Но военные с этим не согласились, и это скоро поставило нас в очень неловкое положение. Во второй день пребывания в Арканзасе я сел в автобусе радом с неким полковником Зюковым — чиновником из Министерства обороны. Пока наши сопровождающие показывали нам разные строения, проплывающие за окном, я невольно задремал.

Внезапно мой сосед начал орать:

— Остановите автобус! Остановите немедленно!

Я проснулся:

— Что случилось?

Зюков показывал на металлическое сооружение, стоящее на возвышенности.

— Мы должны его проверить, — заявил полковник.

— Не смешите, это — водонапорная башня, — ответил я.

— А я так не считаю, — возразил он.

Мы остановились, и полковник побежал к строению и начал взбираться на него все выше и выше. Сидящие позади меня американцы давились от смеха, кто-то даже щелкнул фотоаппаратом.

Именно в тот момент я понял абсурдность поставленной перед нами задачи. Можно путешествовать неделями, и это ничего бы не дало. В Америке наверняка имелись другие места, где проводились засекреченные работы с бактериологическим оружием, но мы-то попросили показать именно то, что видим сейчас. Я вспомнил, с какой убежденностью представитель ГРУ рассказывал о доказательствах ведения американской стороной работ по биологическому оружию и показывал результаты

фоторазведки.

Мы были жертвами собственной легковерности. Я пришел к убеждению, что советское руководство все время знало, что у американцев после 1969 года нет серьезной программы по бактериологическим вооружениям… Ведь наша разведка, одна из самых лучших, так и не предъявила ни одного реального доказательства обратного. Но, чтобы держать нас в состоянии напряжения, нужна была угроза, хоть и фиктивная. Советская программа по бактериологическому оружию, изначально выросшая на почве наших страхов и неуверенности, давно стала заложницей кремлевских политиков. Это было объяснением, почему Крючков хотел закрыть нашу программу в 1990 году и почему такие чиновники, как Калинин и Быков, отказались это сделать.

* * *

В городке Литл-Рок, в пятидесяти километрах от Пайн-Блаф, я и Щербаков сидели в баре отеля Эксельсиор. И вдруг увидели спешащих куда-то людей. Из любопытства мы пошли за ними в большую комнату, примыкавшую к холлу. Там столпился народ, кто-то смеялся, кто-то махал руками. Светловолосый молодой человек стоял на возвышении и, подняв руки, благодарил за поддержку. Щербаков, который немного знал английский и следил за текущими событиями в Америке, сказал, что этот энергичный улыбающийся человек только что объявил, что выставляет свою кандидатуру на выборах президента США.

— Он губернатор, — пояснил Щербаков, — но шансов у него мало. Еще никто из Арканзаса не становился президентом.

Перед нашим отъездом из Пайн-Блаф директор вручил каждому диплом, удостоверяющий, что мы «арканзасские путешественники». Там стояла подпись губернатора Билла Клинтона.

Солк-Центр в Свифтвотере, на севере Пенсильвании, был последним в списке намеченных для посещения объектов. Он оказался обычным исследовательским институтом, где разрабатывались вакцины, и не имел отношения к военной программе. Уставшие, мы вернулись в Вашингтон. Приближались рождественские каникулы, которые, ко всеобщему облегчению, и положили конец разговорам о бактериологическом оружии.

В последний день в Америке у нас была обзорная экскурсия по столице. Лиза Бронсон, сотрудница Министерства обороны, приезжавшая осенью в Москву согласовывать сроки нашего

визита, повсюду сопровождала нас. Эта остроумная, живая женщина лет тридцати пяти знала уже почти всех нас. Она часто расспрашивала о советской программе по созданию биологического оружия. Естественно, мы отрицали, что такая программа вообще существует, но я восхищался ее настойчивостью.

Во время экскурсии к Белому дому мы постарались направить наш разговор в иное русло:

— А сколько сейчас в Америке зарабатывают ученые? — спросил кто-то.

Переводчика не было рядом, так что переводил Сандахчиев, достаточно хорошо знавший английский.

— Это зависит от вашего опыта, — ответила Бронсон, — ученые, работающие в государственном секторе, зарабатывают от пятидесяти до семидесяти тысяч долларов в год, в частных фирмах они могут получать и до двухсот тысяч долларов.

Мы в изумлении уставились на нее. В России ведущие ученые могли рассчитывать не более чем на сто долларов в месяц. Набравшись храбрости, я спросил:

— А с моим опытом можно было бы найти здесь работу?

— При условии знания английского, — с улыбкой ответила женщина.

— Отлично! — обрадовался я, услышав перевод. — Тогда, если я когда-нибудь приеду сюда, вы мне поможете?

Мои спутники рассмеялись, и я вместе с ними.

18
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОСПЕКТ
АЛМАТЫ
1992

Горбачев ушел со своего поста в день нашего возвращения в Москву, 25 декабря 1991 года. Эту новость жена сообщила мне, когда поздно вечером я приехал домой, нагруженный подарками из Америки. В канун Нового года красный флаг с серпом и молотом над Кремлем был заменен на российский триколор.

Появилось новое государство — Россия. Но ведь я был чиновником уже несуществующей империи, чужим в стране, которая не была моей родиной. Я мог стать гражданином России, но формально пока являлся иностранцем.

С развалом Советского Союза десятки тысяч людей оказались в таком же положении, как и я. Не имело значения, кто ты по национальности: казах, украинец, молдаванин или азербайджанец, и приветствуешь ли ты свежий воздух свободы. Всем нам пришлось сделать свой трудный выбор: ехать «домой», в страну, с которой реально тебя ничто не связывало, или жить чужим в России, которая отныне считалась нашей новой родиной?

13 января 1992, через семнадцать лет после получения звания лейтенанта, я ушел из армии. Мое заявление с просьбой об отставке находилось в сейфе Калинина на Самокатной еще со времени провалившегося путча. Директор был удивлен, когда услышал мою просьбу дать ему ход, так как искренне считал, что ни один сознательный человек не откажется от воинского звания, дающего такие большие льготы.

Я еще не был готов полностью порвать с Россией, но считал, что, уволившись из армии, прекращу свои связи с программой, которую уже не мог выносить. Но надежды мои были тщетны.

В армию и КГБ пришли новые руководители, но структура власти в обеих организациях сохранилась. Военно-промышленную комиссию объединили с российским Министерством промышленности, но задачи оставались прежними. Бывшие советские организации одна за другой вливались в новое правительство, в котором опять всем заправляли старые аппаратчики. Нам обещали новую жизнь, но реальных изменений не происходило.

То же случилось и с программой по бактериологическому

оружию. Производственные мощности «Биопрепарата» были демонтированы в соответствии с указом Горбачева, но эту организацию следовало распустить или, по крайней мере, превратить в новое государственное фармацевтическое предприятие. Но Калинин был полон решимости сохранить свою вотчину при скрытой поддержке военной бюрократии.

Наш отчет о визите в США мог сыграть в его планах решающую роль. Если бы Калинин смог доказать, что Америка продолжает исследования по наступательным вооружениям, то убедил бы правительство Ельцина в необходимости существования «Биопрепарата». Но программа создания американцами биологического оружия никак не вытанцовывалась из того, что мы видели, как ни манипулируй фактами.

Мне бы следовало понять, что это не остановит директора.

К нашему десятистраничному отчету приложили «заключение», подготовленное Калининым и Григорием Щербаковым. В нем говорилось, что проведенные наблюдения доказывают существование американской программы по бактериологическим вооружениям. Отчет отправили в Кремль вместе с рекомендациями 15-го Управления продолжить российскую программу по наступательным вооружениям. Эта капля переполнила чашу моего терпения. Я написал второе заявление об уходе из «Биопрепарата».

В кабинете Калинин подчеркнуто медленно протянул руку за заявлением, прикасаясь к нему осторожно, как к заразе. Прочитав, он с удивлением посмотрел на меня:

— И чем собираешься заниматься? — поинтересовался он.

— Еще не знаю, может быть, займусь коммерцией или уеду в Казахстан. В конце концов там моя родина.

— Твоя родина? — он покачал головой. — Ведь ты, как и я, клялся служить Советскому Союзу.

— Но моя родина называлась Советский Союз, — услышал он в ответ, — и я честно служил ей, но этой страны больше нет. Значит, я свободен.

Калинин нахмурился:

— Я всегда думал, что ты считаешь, будто слишком хорош для России, — бросил он.

— Можете думать, что вам угодно, — ответил я, начиная злиться, но я пообещал себе не давать волю эмоциям.

— Ну ладно, — генерал примиряюще поднял обе руки. — Ты не представляешь, насколько высоко я ценю тебя как сотрудника, — сказал он. — Может быть, тебе стоит еще подумать?

Это было странно. Человек, с которым я спорил и боролся

целых два года, который знал, что я ненавижу то, что дорого ему, сейчас, казалось, страстно желал удержать меня.

— Нет, — отказался я, — мое решение окончательно.

— Я приказываю тебе остаться.

— Делайте, что хотите, но я больше вашим приказам не подчиняюсь, — выпалил я в ответ. — Согласитесь вы или нет, но на следующей неделе меня уже здесь не будет.

Калинин разозлился:

— Ты мне что, ультиматум предъявляешь? Ты — руководитель института, и тебе запрещено увольняться!

— Не хочу больше работать ни на эту программу, ни с вами лично, — заявил я.

Директор схватил со стола заявление и швырнул его мне.

— Ты — предатель! — заорал он. — Я знал, что однажды ты предашь меня!

Я снова положил заявление на стол:

— Лично я никого не предавал. Прежде чем обвинять других в измене, вспомните лучше об августовских событиях.

Повернувшись, я вышел из кабинета мимо изумленной секретарши, которая наверняка слышала весь разговор. В отделе кадров я сдал свой пропуск и удостоверение. В здании было тихо. Кое-кто выглядывал из кабинетов, мимо которых я проходил, но никто мне вслед не сказал ни слова.

Спустившись по мраморной лестнице, я распахнул дверь и вышел. Миновав охрану, я направился через внутренний двор к своей машине. Уезжая оттуда, я больше никогда не хотел возвращаться.

С тех пор как я покинул свой кабинет в «Биопрепарате», Калинина я больше никогда не видел и не говорил с ним.

В начале 90-х многие мои друзья делали деньги, можно сказать, из ничего. Их кошельки буквально лопались от рублей и долларов. Как-то один из них дал мне подержать спортивную сумку, которую я еле смог поднять. «Здесь сто тысяч долларов», — похвастался он. Остаться не у дел я ничуть не боялся. Новым российским бизнесменам было выгодно брать на работу бывших госчиновников.

Через несколько недель после увольнения я уже стал представителем казахского банка в Москве. Мой брат рассказал обо мне, и владельцы банка немедленно предложили работу по развитию своего «зарубежного» бизнеса. Не имея особенных склонностей к финансам, я тем не менее вскоре смог работать не хуже других.

В то время всеми овладело желание любыми доступными способами заработать как можно больше денег. Повсюду

процветала коррупция, росла преступность, приходилось слышать бесконечные разговоры о зарвавшихся знакомых, которых бандиты поставили «на счетчик»: сначала дают в долг, а потом начинают удваивать ставки за каждый день просрочки.

Вскоре мои телефоны начали странно щелкать и потрескивать при звонках. Телефонисты утверждали, что линия работает нормально. Шумы исчезали, стоило нам только поменять номер, но через несколько дней они снова появлялись. Когда я уезжал в командировки, Лена отвечала на странные звонки лиц, представлявшихся то генералами, то полковниками. Они интересовались сроками моего возвращения и больше не объявлялись.

Как-то весной 1992 года во время совещания я позвонил своему деловому партнеру, но отвлекся и, не дожидаясь ответа, повесил трубку. Через пять минут этот человек перезвонил:

— Канатжан, что-то не так, — обеспокоено произнес он.

— Что именно?

— Мой телефон звякнул один раз, а когда я снял трубку, никто не ответил, но было слышно, как вы с кем-то разговариваете.

— Просто связь плохая, — предположил я.

— Нет, тут что-то другое. Я слышал не только ваш голос, но и всех присутствующих тоже. Казалось, что я нахожусь с вами в одной комнате.

И партнер слово в слово повторил все, что говорилось на совещании.

— Это не просто плохая связь, — сделал он вывод.

Однажды вечером на тротуаре возле здания банка появился милиционер. На следующее утро его не было, но вечером, возвращаясь с работы, я заметил, что там был уже другой. После милиция часто дежурила там, тщательно фиксируя мои приезды и отъезды. Во время моих командировок они не появлялись.

11 апреля Ельцин подписал указ о запрете исследований по бактериологическому оружию. Когда один из бывших коллег сообщил об этом, моей радости не было предела. Калинин проиграл свою битву. В указе запрещались все работы с наступательными вооружениями и на 50 процентов сокращались средства, выделяемые на исследования по оборонной программе. 15-е Управление было ликвидировано, его заменило Управление по противоядерной, бактериологической и химической защите. «Биопрепарат» в указе не упоминался, но тем не менее я почувствовал, что с плеч свалился тяжелый груз. Моя прежняя жизнь больше не была военной тайной. И, может быть, теперь никто не заинтересуется, чем я буду дальше заниматься.

Уже несколько недель мы работали над контрактом на поставку нефти из Казахстана с одним деловым партнером. Этот человек, Марк Севериновский, блестящий коммерсант, обожал вставлять в разговор названия городов, которые посетил: Тель-Авив, Лондон, Бонн. Наши отношения редко выходили за рамки чисто деловых, но тогда после работы мы решили прогуляться и выпить по чашке кофе.

Где-то в середине нашей беседы он наклонился ко мне и спросил:

— Канатжан, мне сказали, что вы хотите уехать из страны.

— Кто именно? — заинтересовался я.

— Не имеет значения.

— Тогда почему вас это интересует?

— Вы — ходячее хранилище секретной информации.

Я помолчал, раздумывая, что ответить, и наконец сказал, что после указа Ельцина эта информация представляет лишь академический интерес.

Но Севериновский заметил, что «некоторые» видят все в ином свете и что я просто не представляю, какой опасной может быть информация, которой я обладаю.

— Опасной для кого? — удивился я.

Но мой собеседник только улыбнулся и объяснил, что не желает мне ничего дурного, а потом продолжил пить кофе как ни в чем не бывало.

Мысль о том, чтобы вернуться в Казахстан постепенно переросла из неопределенных намерений в окончательное решение. Казахстан объявил о своей независимости 16 декабря 1991 года во время моей поездки в Америку, и я решил подать заявление о получении казахстанского гражданства.

Каждый месяц я по делам приезжал в Алматы и останавливался у родителей. Как только я открывал дверь старого дома на Коммунистическом проспекте, где вырос, тут же куда-то исчезало напряжение, в котором я постоянно находился. Родные ничего не знали о моей работе и карьере. Только сестра однажды призналась, что считала меня участвующим в секретной программе по клонированию людей.

Как-то моя мама показала мне газету с указом президента Нурсултана Назарбаева, предлагающим гражданство казахам, живущим за пределами Казахстана. Ученых, врачей и инженеров особо призывали принять участие в преображении своей страны. В 1990-м, когда я еще работал в «Биопрепарате», мне предложили стать министром здравоохранения Казахстана. Размышлял об этом я не долго, поскольку был убежден, что нарождающаяся советская демократия достигнет большего, чем

коррумпированные авторитарные кланы Средней Азии, но сейчас все изменилось.

В июне 1992 года мне позвонил человек, представившийся Михаилом Сафрыгиным, первым замминистра обороны Казахстана.

— Вы случайно не собираетесь в ближайшее время в Алматы? — вежливо поинтересовался он.

— Собираюсь, — ответил я. — Как раз на следующей неделе.

— Не зайдете ли в наше министерство? У нас есть работа, которая может вас заинтересовать.

Вот шанс, которого я ждал. Вряд ли опять поступит предложение стать министром здравоохранения, но руководители нового правительства наверняка знали о моей работе военного медика, а им, наверное, необходим мой опыт при организации медицинской службы в новой казахской армии.

Я отправился на переговоры, надев новый дорогой костюм. Мой энтузиазм поубавился, когда я увидел грязное здание какого-то технического института, где с недавних пор находилось казахстанское Министерство обороны, но успокоил себя тем, что новое государство начинает, как может. Войдя в здание, я уже представлял себя первопроходцем, основателем нового правительственного министерства.

При входе меня встретил молодой казах в звании старшего лейтенанта и попросил подняться по лестнице.

— Вы там сразу заметите кабинет замминистра, — пояснил он. Отсутствие формальностей обнадеживало. Наверху меня уже ждал и тепло приветствовал Сафрыгин:

— Вы нашей маленькой крепости оказали честь своим приходом, — начал он и тут же предложил чашку чая.

Я присел в удобное кресло, стоявшее в его кабинете.

Разговор вроде бы начинался хорошо, он расспросил меня о работе в банке, о семье, мы обсудили перемены в Казахстане. Затем Сафрыгин достал из ящика стола большую папку с бумагами.

— Мне хотелось бы показать вам кое-что, — пояснил он.

На стол передо мной легла бумага — проект соглашения между «Биопрепаратом» и Министерством обороны Казахстана, где был намечен план совместного использования наших сооружений в Степногорске.

— Да, очень интересно, — помолчав, отметил я. — Но какое отношение это имеет ко мне? Ведь я ушел из «Биопрепарата».

— Понимаете, мы думали, вас заинтересует работа в Степногорске.

— Но там уже есть директор — Геннадий Лепешкин.

— Собственно, нам нужен человек, который бы руководил всей цепочкой, — сказал замминистра.

— Мне это неинтересно, — отрезал я.

В этот момент в дальнем углу открылась дверь, и в кабинет Сафрыгина вошел жилистый казах, лет шестидесяти, в штатском, но с солдатской выправкой. При его появлении Сафрыгин встал, а я — нет.

— Полковник Алибеков, вы не возражаете, если я присоединюсь к вашему разговору? — спросил вошедший.

— Я больше не полковник, ушел из армии.

— Знаю, — махнул рукой этот человек.

Он представился начальником оборонного отдела в Администрации президента Казахстана, работающим совместно с министром обороны Казахстана генералом армии Сагадатом Нурмагамбе-товым. Своего имени этот человек не назвал.

Мне все меньше нравилась наша беседа. К тому же было крайне неприятно, когда я понял, что этот человек подслушивал за дверью.

— Нам о вас все известно, — продолжил он, — и мы считаем вас знающим специалистом. Поэтому и попросили прийти сюда сегодня.

Мое сердце сжалось.

— Если вы согласитесь, то вам вернут звание полковника, а в течение двух недель вы станете генерал-майором. Конечно, столь быстрое продвижение по службе согласно нашей казахской конституции проводится президентским указом и нуждается в одобрении парламента. Но я гарантирую положительное решение.

— Вам не нужен генерал-майор, чтобы руководить биологическим предприятием, — возразил я.

— Мы хотим создать новое управление и хотим, чтобы вы стали его начальником.

— Управление какого типа?

— Медико-биологическое.

— Что под этим подразумевается?

— Вы прекрасно знаете что.

Я встал и обратился к собеседникам:

— Послушайте, в 1972 году многие страны мира, включая Советский Союз, подписали Конвенцию о запрещении бактериологического оружия. Если вашему президенту в будущем нужны неприятности с международным сообществом, то вы взяли верное направление. Я бы посоветовал отказаться от этих намерений.

Человек побагровел:

— Не думаю, что наш президент нуждается в ваших рекомендациях, — угрожающе сказал он.

— Нуждается или нет, но ничего общего с этими делами иметь не хочу, — отрезал я.

Я предположил, что все происходящее наверняка подстроил Калинин. Никто в казахской армии не сделал бы мне такого предложения без его согласия. Блестящий ход! Если бы я согласился, то он продолжал бы контролировать не только казахстанские объекты, но и меня самого. Я вдруг подумал, а знает ли сам президент Назарбаев о сделанном от его имени предложении?

— Не за этим я сюда приехал, — с сожалением произнес я и направился к двери.

Поняв, что проиграл, казах тут же забыл о вежливости.

— Не думайте, что можете нас провести! — разорался он. — Мы знаем таких, в модных костюмчиках, с «Мальборо» в зубах! Знаем, что вы якшаетесь с иностранцами!

Он употребил классическое обвинение сталинской эпохи: «якшаться с иностранцами», по которому когда-то тысячи людей попадали в тюрьмы.

— Вы мне угрожаете? — у меня даже руки задрожали от едва сдерживаемого гнева и разочарования.

— Предостерегаю, что у вас в будущем могут быть серьезные неприятности! — бросил он.

Распахнув дверь, я вышел. Позади что-то говорил изумленный Сафрыгин, но это меня не задержало.

Вернувшись в Москву, я почувствовал себя в ловушке. Если отказаться от предложенной мне роли, то не будет ни казахстанского гражданства, ни медицинской, ни научной карьеры, может быть, и бизнесом не дадут больше заниматься. Отвергнув предложение Сафрыгина, я сжег за собой мосты и в России, и в Казахстане. Больше мне не хотелось скрывать намерений убраться подальше из Москвы.

В конце концов мой старый приятель из КГБ Савва Ермошин, сам того не подозревая, помог мне сделать правильный шаг.

Я случайно встретил его в Министерстве медицинской промышленности. Там проходило собрание Российского биологического общества, в деятельности которого я продолжал участвовать.

Похоже, Савва обрадовался, увидев меня. Спросил, как у меня дела, как семья. Со времени моего ухода из «Биопрепарата» мы не встречались. Произнеся еще пару пустых фраз, он вдруг дружески потрепал меня по плечу:

— Знаешь, Кан, кое-кто из-за тебя нервничает.

— И почему? — спросил я, стараясь сохранить легкий тон.

— Это неважно. Я говорю, что беспокоиться не о чем, пусть себе Канатжан путешествует, без семьи он никогда не сбежит… а разрешение на выезд для них он никогда не получит.

Я промолчал. Ермошин, засмеявшись, добавил:

— Ну, что, стал миллионером?

— Когда стану, то сообщу. — пошутил я.

Мы пожали друг другу руки и расстались. Я всегда понимал, что его работа важнее, нашей дружбы, поэтому ему нелегко было сделать то, что он сделал сейчас.

Из-за нашей дружбы Ермошин и пострадал. Когда я покинул страну, его вынудили уйти из КГБ и перевели из Москвы. Но в дальнейшем Ермошин возглавил федеральную налоговую полицию в одном большом российском городе и стал, как мне говорили, весьма состоятельным человеком.

Я у него в долгу и благодарен за то, что он ясно дал понять, что я не смогу получить загранпаспорта для Лены и детей. Покинуть Россию с семьей можно было только тайком, как преступнику.

Мне казалось, я знал, с чего нужно начинать. Несколько месяцев назад я познакомился и даже подружился с одной российской предпринимательницей, которая жила в Нью-Йорке. Она часто приезжала в Москву, и при случае мы с ней обсуждали деловые проекты в США. Через несколько недель после моего возвращения из Казахстана мы случайно встретились в гостях.

Отозвав женщину в сторону, я вытащил из портмоне визитную карточку с телефонным номером Лизы Бронсон и попросил оказать мне одну услугу: позвонить из Нью-Йорка по этому телефону и узнать, может ли Бронсон помочь мне эмигрировать в Америку. Наш декабрьский разговор перед Белым домом мною забыт не был, оставалось надеяться, что ею тоже.

Моя знакомая удивилась и немного испугалась, но, обладая авантюрным характером, она все же согласилась помочь. Я сообщил ей, что в июле собираюсь по делам на Мальту и оттуда позвоню.

Вскоре я улетел на Мальту. Оказавшись в гостиничном номере, тут же позвонил в Нью-Йорк. Тепло поздоровавшись со мной, приятельница сообщила:

— Я переговорила с вашими друзьями, они очень заинтересовались и сказали, что в США вас с радостью примут.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Пожалуйста, передайте им, что в сентябре я прилечу в Нью-Йорк в командировку; тогда и позвоню.

Я понимал, что американцы в обмен на свою помощь захотят

узнать от меня все о советской программе бактериологического оружия. Я подозревал, что некоторые из моих коллег сочтут мое поведение предательством, но пришел к убеждению, что настоящее предательство — продолжать карьеру и постоянно предавать данную мной когда-то клятву Гиппократа.

Вернувшись в Москву, я все рассказал жене, которая без колебаний согласилась с тем, что мы должны покинуть страну. Лена злилась на то, как со мной обошлись в Казахстане, и боялась за мою безопасность в Москве.

В сентябре мы с моим деловым партнером прилетели в Нью-Йорк, где планировали провести переговоры с российскими эмигрантами. В отеле на пересечении Тридцатой улицы и Бродвея сняли номер на двоих.

Я сразу же позвонил своей приятельнице. Она предложила встретиться в городе, но я решил, что лучше в отеле. Мне не хотелось в одиночку, не зная языка, бродить по улицам чужого города. Я попросил Наума:

— Послушайте, окажите мне услугу.

— Какую?

— Не знаю, как лучше объяснить, но у меня здесь подруга, с которой нужно встретиться, — смущаясь, промямлил я. — Она — моя старая симпатия, понимаете? Нам хотелось бы побыть вместе, вспомнить старое. Не могли бы вы сегодня вечером оставить меня одного в комнате?

Наум понимающе подмигнул:

— Конечно, всегда к вашим услугам.

Знакомая появилась у меня в номере через несколько часов. Она нервничала и говорила очень быстро. Лиза Бронсон дала ей имена нескольких человек в Вашингтоне, которым нужно было позвонить.

— Там готовы помочь в любое время, — сказала женщина. — Сделают так, что вам будут платить как консультанту по биологической защите, но есть одна заминка.

— Какая?

— Они хотят, чтобы вы остались в Америке прямо сейчас, потому что если вы уедете обратно, то существует риск, что вас больше не выпустят за границу. Переезд вашей жены и детей они смогут устроить позднее.

Я сказал, что это невозможно. Женщина слабо улыбнулась:

— Они так и думали, что вы откажетесь, но все равно вас следовало спросить.

Мне были даны четкие инструкции, что и как нужно делать. В подготовке моего переезда принимали участие люди в Казахстане, России и других странах. Поэтому все детали моего

побега в Америку хотелось бы оставить в секрете, чтобы не навредить тем людям, которые мне помогали.

Через неделю я возвратился в Москву. Тем же вечером мы с Леной пошли прогуляться, и я, не опасаясь прослушивания, рассказал ей про план побега. Решили все рассказать дочери Мире, но пока не говорить сыновьям. Мире исполнилось пятнадцать лет, она была достаточно взрослой, чтобы хранить секреты, но Алану было всего лишь двенадцать лет, а Тимуру — семь. Мальчишки могли проговориться, хвастаясь перед приятелями поездкой в Америку.

Осторожно мы начали готовиться к отъезду. Я продал несколько книг и кипсеков,[25] но решил оставить большую часть мебели в квартире, чтобы не вызывать лишних подозрений; договорились с родственниками, что они продадут нашу квартиру и утварь уже после отъезда. Деньги должны были пойти на уплату долгов. Не хотелось, чтобы потом говорили, что я сбежал из России, чтобы уйти от кредиторов.

В последние недели сентября мы сказали мальчикам, что скоро поедем отдыхать в Алматы.

Накануне нашего отъезда позвонил человек, представившийся капитаном Зайцевым из Московского областного КГБ. Тихим приятным голосом он сказал:

— Нам бы хотелось с вами переговорить, не возражаете подъехать к нам в контору?

— Сегодня я занят.

— А завтра?

— Завтра я улетаю в Алматы.

— Но дело срочное.

— А нельзя подождать до моего возвращения?

— А когда вы планируете вернуться?

— Где-то через две недели.

Мой собеседник колебался.

— И все же можно, я позвоню вам завтра? — спросил он.

— Звоните, — разрешил я.

На следующий день мы улетели в Казахстан.

Войдя в старую квартиру на Коммунистическом проспекте, я думал о том, увижу ли ее снова.

Отец стал совсем глухим, поэтому мне пришлось написать о нашем отъезде на бумаге. Мой отец, мой старый солдат, внимательно все прочитал, потом встал и долго смотрел мне в глаза. Отец не сказал ни слова, только пожал мне руку. Я понял, что он меня одобряет.

Потом мы с мамой и братом сидели на кухне и беседовали то по-казахски, то по-русски. Мать спросила, почему я решил уехать.

Пришлось рассказать ей и о слежке, и о прослушивании телефона, о трудностях с поиском работы. Еще я рассказал о конфликте с казахским Министерством обороны. Голос матери прозвучал твердо, когда она, подумав, согласилась:

— Ни для тебя, ни для твоей семьи не оставили выбора.

Я был глубоко тронут ее словами, мы с братом притихли. И тогда мама рассказала нам одну семейную историю, которую мы раньше не знали. Она была десятилетним ребенком, когда ее отца (моего деда) арестовали по сфабрикованному политическому обвинению. Находясь в тюрьме, отец смертельно заболел. Бабушке вместе с детьми (моей матерью и дядей) разрешили прийти попрощаться в тюремную больницу.

Это был трудный момент: наш дед был убежденным коммунистом, а бабушка происходила из семьи знатных казахов, потомков Тауке-хана, объединившего страну в семнадцатом веке и создавшего ее первый свод законов. Бабушка, которая в детстве водила меня в мечеть, чтобы познакомить с религией предков, никогда полностью не примирилась с социалистическим режимом… и сейчас этот режим убивал ее мужа.

Мама продолжала рассказывать, чуть не плача:

— Он посмотрел на нас с братом, потом на маму и попросил ее отдать нас в детский дом. Мама разрыдалась, потом и я заплакала, догадавшись, что отец говорит ужасные вещи. Мама спросила его, почему так надо сделать, а он ответил, что это единственная возможность спасти наши жизни, ведь ее тоже могут скоро арестовать. Но ваша бабушка не послушалась мужа, а отвела нас домой и спрятала. Несколько месяцев каждую ночь она слышала, как приезжают машины и увозят соседей. И каждый раз, заслышав звук мотора, она говорила, обращаясь к своему уже умершему мужу: «Абдрахман, это опять едут люди, убившие тебя».

В глазах матери стояли слезы:

— Сынок, поступай так, как считаешь нужным.

Вечером следующего дня мы вылетели обратно в Москву, чтобы пересесть на самолет, увозящий нас из России. В Москве мы приземлились около полуночи, а наш рейс за границу был только утром, поэтому нужно было решать, что делать.

Из Алматы самолеты прибывали в аэропорт Домодедово. В Шереметьево нужно было добираться часа два, притом через центр столицы. Если бы мы сразу отправились в Шереметьево, то наш план был бы раскрыт, потому что за нами, конечно же, следил КГБ. А наша квартира расположена как раз на севере Москвы, рядом с шоссе, ведущим в Шереметьево. Поэтому имело смысл ехать сначала домой и переждать несколько часов.

Если повезет, мы заставим КГБ поверить в то, что вернулись из отпуска, как обещали.

В Домодедово нас встретил приятель. Когда мы выехали на шоссе, было темно и холодно, только несколько автомобилей ехали к городу.

Вскоре я заметил следующую за нами машину. Когда мы перестроились, пропуская ее вперед, она последовала за нами. Подъехав к дому, хвоста мы уже не заметили. Можно было перевести дыхание — первая часть нашего плана осуществилась.

Все прилегли отдохнуть, но я все еще беспокоился и выглядывал в окно, проверяя, не следят ли за домом. Наконец перед самым рассветом я разбудил своих. Машина приятеля уже стояла на улице с работающим мотором.

Мы тихонько спустились вниз, стараясь не разбудить соседей. Пока Лена и дети садились в машину, я быстро огляделся, но никого не увидел.

Никто не ехал за нами и в Шереметьево. Сердце бешено колотилось от страха, пока мы не оказались в зале ожидания.

В это трудно поверить, но КГБ мы перехитрили. Только когда мы заняли свои места в салоне самолета, улыбка стюардессы заставила меня наконец-то расслабиться.

19
ПЛАТА ЗА ГОСТЕПРИИМСТВО

Россия… никогда не разрабатывала, не производила, не накапливала и не складировала бактериологическое оружие.

(Из выступления Григория Берденникова, возглавлявшего в ноябре 1996 года российскую делегацию на конференции стран, подписавших в 1972 году Конвенцию по бактериологическому оружию.)

За месяц до моего переезда в Америку Россия подписала с Соединенными Штатами и Великобританией соглашение, по которому прекращались все программы по бактериологическому оружию. В сентябре 1992 года эти государства решили совместно провести конверсию предприятий, производивших вооружения, направив средства на мирные научные исследования, постоянно поддерживать научные обмены и установить процедуру взаимных посещений военных и гражданских объектов. Гонка вооружений в этой области должна была закончиться. По крайней мере, так считали американцы, которые беседовали со мной.

После переезда почти каждое утро я приезжал в небольшой городок в штате Вирджиния, в двадцати минутах езды по шоссе 66 из Вашингтона. Там, в офисном здании на третьем этаже, был кабинет с удобными креслами и большим столом, где я отвечал на вопросы, которые задавали мне высшие чиновники разведслужб и различных правительственных подразделений (включая Министерство сельского хозяйства, Государственный департамент, Министерство обороны и Агентство по контролю над вооружениями и по разоружению). Чиновники обычно представлялись, но после четвертого или пятого посещения я перестал следить за тем, кто они и из какой организации.

Сначала мне было сложно отвечать на вопросы, но постепенно я привык и даже почувствовал некоторое облегчение, впервые открыто рассказывая о том, что так долго скрывал.

Лена заметила, что мое поведение изменилось. Замкнутый,

неразговорчивый человек, с которым она жила в Москве, исчез, а на его месте оказался раскованный незнакомец. После того как мы укладывали детей спать, я рассказывал ей, как прошла очередная встреча, но жену это не интересовало, она хотела забыть прошлое.

Мне казалось, что эти встречи будут тайными, как в фильмах про шпионов, но они более всего походили на некие академической семинары. Иногда они оказывались бесполезными, особенно когда дело касалось стратегических вопросов, которые вообще не интересовали моих собеседников.

— Нас интересует только то, что знаете вы лично, — сказал мне один аналитик из Министерства обороны, — а не то, что, по вашему мнению, может произойти.

Логика была вполне понятна: я ведь администратор и ученый, а не военный стратег или политик. Но такое отношение, по моему мнению, не давало им возможности правильно понять положение дел с бактериологическим оружием. Моих собеседников интересовало, сколько наших складов и производственных мощностей закрыто, какие лаборатории и объекты демонтированы. И им совсем неинтересны были наши разработки. Только несколько человек задавали вопросы о специфических возможностях российских вооружений на основе сибирской язвы, туляремии и чумы, проявив к нашим работам по генетике нечто большее, чем беглое любопытство. Их интересовали только вопросы сокращения наших арсеналов. Тогда мне стало ясно, что американцы уверены в том, что российское бактериологическое оружие больше не представляет угрозы. Но вскоре я пришел к выводу, что они ошибаются.

В начале 1994 года я просматривал статью, опубликованную в прошлом году Сергеем Нетесовым, замдиректора по науке на «Векторе». В ней сообщалось, что группа ученых успешно внедрила чужой генетический материал в вирус вакцинии (непатогенный вирус, родственный вирусу натуральной оспы). Этот секретный эксперимент входил в план работ, направленных на создание мощного нового оружия на базе оспы, он был одобрен мной пять лет назад.

С Нетесовым мы впервые встретились в феврале 1989 года, во время моей командировки в Сибирь. Лев Сандахчиев представил мне этого молодого человека как перспективного вирусолога:

— Нетесов — один из лучших наших специалистов, — похвастался Сандахчиев, пока я пожимал молодому ученому руку, — он достоин повышения.

Кандидат наук и вирусолог, Нетесов был одним из многих гражданских ученых, пришедших в «Биопрепарат» в 80-е годы.

Лев рассказывал, что этот человек чуть было не сделал открытия, которое могло повлиять на развитие нашей программы не меньше, чем генетические эксперименты с бациллами и токсинами, ведущиеся в Оболенске.

— Нам кажется, мы можем создать вирус-химеру, — пояснил он.

Биологи обычно употребляют это название для описания органа, составленного из тканей несходной генетической принадлежности. Я никогда раньше не слышал этого слова, примененного в отношении вирусов.

Нетесова вдохновили на это исследование работы западных коллег. Он прочел в иностранных журналах сообщения об успешных экспериментах, когда ученые внедрили ДНК-копию гена вируса венесуэльского энцефаломиелита лошадей (VEE) в клетки вируса вакцинии. Этот эксперимент являлся частью исследований генома вируса — набора генов, в которых закодированы особенности организма. Эти исследования имели серьезное медицинское значение. Ученые считали, что можно производить вакцины, вызывающие развитие иммунитета против нескольких заболеваний одновременно. Этого можно добиться, если вводить гены одного вируса в другой. Например, генетически измененный вирус вакцинии мог воспроизводить как белки VEE, так и свои собственные. На исследования требовались месяцы, если не годы упорной работы. Сначала надо было найти место в геноме для наиболее эффективного внедрения чужеродных генов в геном вируса-хозяина.

Генетическая структура вируса вакцинии практически идентична структуре вируса натуральной оспы. Нетесов отметил, что если VEE можно комбинировать с вирусом вакцинии, то следует попытаться сделать это с вирусом натуральной оспы — Variola major, получив в итоге «двойного агента» — супероружие, способное заражать двумя болезнями сразу.

Сандахчиев настолько убедительно доказал важность нового проекта, что я разрешил ему назначить Нетесова заместителем директора по науке. Вернувшись в Москву, я выделил специальный грант в сто тысяч рублей под проект «Химера».

Для работы с вирусами используются более сложные методики, чем для бактерий. Некоторые вирусы, например венесуэльский энцефаломиелит лошадей, состоят из рибонуклеиновой кислоты — РНК. В начале необходмио создать ДНК-копию генов РНК-вирусов до начала генетического эксперимента. Когда это проделано, вирусный геном разделяется специальными ферментами (называющимися рестриктазами) и связывается чужими генами, а в результате получается то, что

называют рекомбинантной ДНК.

Через шесть месяцев, весной 1994 года, Нетесов доложил, что успешно внедрил ДНК-копию венесуэльского энцефаломиелита лошадей (VEE) в вирус коровьей оспы. Участок в гене вируса вакцинии, в который удалось внедрить ДНК-копию гена VEE, назвали ти-медин-киназой, там «гость» начал успешно размножаться вместе с новым «хозяином». Группа Нетесова немедленно начала проводить сходные генетические эксперименты с вирусом Variola major.

Тогда я не очень верил в их успех. Западные ученые обнаружили, что при комбинировании VEE с вирусом вакцинии последняя теряет свою вирулентность для эксперементальных животных. Это и было для нас основной проблемой.

Потом я перестал следить за работой Нетесова, занявшись подготовкой к приезду зарубежных инспекторов. Но он продолжил свои исследования.

Через два года та же самая группа ученых опубликовала статью в журнале Российской Академии наук «Молекулярная биология». Они писали, что нашли в геноме вируса вакцинии место, в которое можно внедрить чужой генетический материал, не уменьшая его вирулентности. Целью исследований было изучение различных свойств вируса вацинии. Но какие, скажите, могли быть медицинские мотивы для проведения экспериментов по сохранению вирулентности?

Ученые «Вектора» использовали в своих экспериментах ген для бета-эндорфина, регуляторного пептида. Бета-эндорфин, который при большой концентрации приводит к психическим и неврологическим нарушениям, а также подавляет некоторые иммунные реакции, был одним из составляющих программы «Костер». Его синтезировали в Российской Академии наук.

В 1997 те же ученые опубликовали статью в российском журнале «Вопросы вирусологии», где сообщили, что они успешно ввели ген лихорадки Эбола в геном вакцинии. И снова было выдвинуто научное обоснование исследований: они писали, что это важные шаги на пути создания вакцины против данной лихорадки. Но мы всегда считали, что вирус вакцинии будет суррогатом для дальнейших исследований оружия на основе обычной оспы. Теперь я был твердо убежден, что «Вектор» в начале 90-х продолжал работы согласно начальному плану.

В то время одной из наших целей было изучение применения биологического оружия на основе комбинации вируса оспы с вирусом Эбола.

«Вектор» стал официальным хранилищем вируса оспы после того, как в 1994 году ее перевезли туда из Института вирусных

препаратов в Москве. Мы с Сандахчиевым впервые пытались делать это еще в 1990 году, надеясь, что эти «официальные запасы» смогут создать правдоподобную легенду, объясняющую работу с натуральной оспой. В то время Министерство здравоохранения нам отказало, но через четыре года российский парламент одобрил подобный план без публичного объяснения причин. Этот факт не привлек к себе международного внимания.

Исследования, проводимые на «Векторе», были только частью далеко идущих планов. В 1997 году ученые из Оболенска писали в английском научном журнале «Вакцина», что они создали генетически измененный штамм Bacillus anthmcis, устойчивый к вакцинам против сибирской язвы, а в своих более ранних работах они же сообщали, что получили штамм сапа, устойчивый ко многим лекарствам. Оба эти исследования начинались еще в 80-х годах.

Мои американские собеседники скептически относились к моим опасениям, а некоторые просто не верили в возможность создания комбинированного бактериологического оружия. Ученые удивлялись, зачем изобретать такое оружие, ведь оспа и Эбола, говорили они, сами по себе являются смертельными вирусами. Доктор Питер Джарлинг из USAMRIID назвал эту идею «чистой фантазией».

Я не мог знать точно, создано ли комбинированное оружие на базе оспы и лихорадки Эбола, но было очевидно, что уже имеются технологии для его производства. Утверждение, что такое оружие не создадут просто потому, что и существующее успешно справляется со своей задачей, противоречило всей истории и логике разработки оружия, от пулеметов до водородных бомб.

Я посоветовал американцам держать российские бактериологические лаборатории под таким же пристальным контролем, как и ядерные, но мне ответили, что нельзя делать выводы о намерениях по чисто научным исследованиям и что те работы, которые ведутся в России, следует считать мирными, пока не будет доказано обратное.

Работая в России, я боялся, что американские ученые обгонят нас, а сейчас мне приходилось с трудом объяснять им, как далеко зашла наука в вопросе создания бактериологического оружия. И только увидев Билла Патрика, я понял: вот человек, который меня поймет.

При первой нашей встрече Патрик вручил мне свою визитную карточку. Прочесть ее я не мог, но, увидев череп с перекрещенными костями над его фамилией, рассмеялся. Как я позже узнал, его профессия на визитке была обозначена емко: «разработчик бактериологического оружия».

Патрику было под семьдесят, когда он, выйдя в отставку, вместо руководителя отдела по разработке бактериологического оружия американской армии в Форт-Детрике становится консультантом по биозащите. То есть сейчас он занимается поиском методов защиты от того оружия, которое когда-то вместе с коллегами создавал. В 1992 году в качестве военного советника ООН он работал в Ираке. Разница в возрасте и жизненном опыте между нами пропала, когда мы рассказали друг другу о нашей прошлой тайной деятельности. Мы решали очень похожие научные задачи, но, когда я в деталях раскрыл ему секреты создания нашего бактериологического оружия, он схватился за голову.

Патрик не хуже меня понимал, что российские достижения в области культивирования, увеличения концентрации и доставки биологических веществ представляют серьезную угрозу для безопасности Соединенных Штатов, особенно после закрытия соответствующей американской программы.

Несмотря на обещания Кремля, российские военные не открыли своих биологических объектов для иностранной инспекции и не отреклись от своих планов по созданию бактериологических вооружений.

«Мы восстановим все, что было разрушено в период между 1986 и 1989 годами», — заявил генерал-майор Анатолий Харечко, который в настоящее время возглавляет военный объект «Городок 19» в Екатеринбурге (Свердловск). Именно так он сказал в 1997 году в интервью ведомственной газете. Оно было перепечатано в газете «Совершенно секретно» и дополнено развернутым репортажем об этом объекте, где отмечалось, что для этого объекта фармацевтическое оборудование и ферментаторы закупались в Японии.

А вице-губернатор Пензенской области в 1997 году сообщил, что они «скоро получат бактериологическое оружие».

Все это убеждало меня, что значительная часть советской программы по наступательным вооружениям уцелела, несмотря на ельцинский запрет. В соответствии с указом Горбачева были демонтированы производственные линии в Омутнинске, Бердске, Степногорске, Кургане и Пензе. Там эти объекты были преобразованы в фармацевтические предприятия и заводы по производству пестицидов. Но при необходимости они вновь могли быть переоборудованы для военных целей. В отдельных случаях данный процесс мог занять всего пару месяцев. Только в Степногорске производство оружия прекратилось навсегда. В 1998 году правительство Казахстана согласилось демонтировать завод целиком, получив для этого от Соединенных Штатов

миллионы долларов. Это было начало программы по разоружению советских ядерных и бактериологических комплексов.

«Вектор», объект в Оболенске и Институт особо чистых биопрепаратов в Ленинграде остались под государственным контролем. Конструкторские бюро и предприятия, такие, как КБ точной механики под Ленинградом, Бюро инструментального контроля и автоматизации в Йошкар-Оле, и многочисленные подразделения «Биомаша» были переоборудованы в гражданские объекты. С некоторыми из них военные заключили контракты на работы по биозащите.

В институтах Академии наук, Министерстве здравоохранения и Министерстве сельского хозяйства исследования, связанные с наступательными вооружениями, прекратились, образцы чумы, туляремии и оспы были уничтожены. И тем не менее постоянно появляются свидетельства того, что Россия продолжает выделять средства на поддержание инфраструктуры производства биологического оружия.

Например, за период с 1992 по 1994 год на трех основных военных бактериологических объектах — в Екатеринбурге (Свердловск), Сергиевом Посаде (Загорск) и Кирове — руководителей повысили до звания генерала. Генерал Валентин Евстигнеев, руководивший 15-м Управлением, стал первым заместителем генерального директора РАО «Биопрепарат». Сторонники «жесткой» линии, когда-то яростно защищавшие бактериологическое оружие, по-прежнему сохраняют свое влияние в Москве, среди них и Юрий Калинин.

Недавно американский чиновник, вернувшись из Москвы, показал мне брошюру, посвященную празднованию двадцать пятой годовщины со дня основания «Биопрепарата». На обложке красовалась фотография Юрия Калинина, отметившего не так давно свое шестидесятилетие. Еще больше я удивился, когда узнал, что он все еще на военной службе и имеет уже звание генерал-лейтенанта. «Интересно, — думал я, — как может Россия утверждать, что «Биопрепарат» занимается только мирными исследованиями, если директором по-прежнему является военный?»

Как будто специально, чтобы еще больше заострить мое внимание на этом вопросе, мой бывший начальник решил напомнить о себе.

Как-то теплым августовским вечером в вестибюль отеля Рид-Карлтон в Пентагон-Сити, расположенного недалеко от моего дома, вошел человек одетый в темно-серый костюм. Остановившись нерешительно у входа, он, казалось, искал кого-

то.

Затем он устремился к моему столику. Узнав в нем директора одного из исследовательских институтов «Биопрепарата», я немного занервничал. Впервые за пять лет я встретил здесь человека из своей прошлой жизни.

Сотрудник госдепартамента сказал, что этот человек приехал в Вашингтон в поисках средств для своего института. Подчиняясь минутному порыву, я позвонил ему в отель и предложил выпить вместе. Сначала он отказался, но потом перезвонил и согласился встретиться в баре отеля Риц-Карлтон.

Мои московские друзья рассказывали, что сразу же после моего отъезда КГБ начал расследование. На Западе не афишировали мой переезд в США, также, как и историю с Пасечником. В 1993 и 1994 годах были сообщения о «втором биологическом перебежчике», но мое имя никогда не называлось. Тем не менее расследование в Москве моего побега наводило на мысль, что КГБ готовит на всякий случай мою дискредитацию. Там допросили почти всех, с кем я работал или встречался за время работы в «Биопрепарате», а некоторые мои коллеги даже пострадали из-за нашего знакомства.

Музыканты заиграли как раз во время нашего рукопожатия. Мой знакомый с любопытством разглядывал меня. Я был одет просто: спортивная рубашка и легкие брюки, а на нем был темный костюм, в котором ему было невыносимо жарко.

— Итак, — сказал он, окинув взглядом сидящих вокруг, — кто из них «ваши», а кто — «наши»?

Я расхохотался, оценив черный юмор такого высказывания, правда, оно одновременно провело между нами границу — сейчас я был одним из «них».

Заказав вино и мартини, мы завели разговор о старых временах. Когда я спросил его о нынешней работе, он очень воодушевился и начал рассказывать о «проекте по бактериологической защите», финансируемом Министерством обороны. Я попытался заговорить о своей собственной работе, но он остановил меня:

— Не нужно объяснять, — успокоил меня он, — я знаю, почему ты оказался здесь. Ты сделал свой выбор, у меня из-за этого неприятностей не было.

Потом он постарался улыбнуться:

— Канатжан, — спросил он, — надеюсь, ты не будешь возражать, если я расскажу Калинину о нашей встрече?

Я не смог скрыть удивления, потому что думал, что генерал уже на пенсии. То, что вначале мой приятель колебался, прийти или нет, теперь говорило о многом. А не спрашивал ли он

разрешения на встречу с «изменником»? Ведь у него было достаточно времени, чтобы позвонить Калинину.

— Конечно, не буду, — ответил я, смутившись, — кстати, как поживает Калинин? Мне казалось, что он ушел из «Биопрепарата».

Приятель покачал головой:

— Он все тот же.

Мы оба испытывали неловкость.

— Знаешь, — начал наконец я, — мне бы хотелось когда-нибудь съездить в Россию, может быть, когда получу американское гражданство.

— Это не очень хорошая идея.

— Почему?

Человек вертел в руках бокал.

— Калинин говорил, что если ты когда-нибудь появишься в Москве, то обратно не вернешься, — пояснил он.

— И что бы это означало?

— Он сказал, что ты предатель.

— И решил меня арестовать?

— Хуже.

Я пожалел, что встретился с ним.

— Тогда что?

Мой приятель сосредоточенно смотрел на свой бокал.

— Нанять убийцу нетрудно, — сказал он.

— Это нелепо.

— Вовсе нет, — упрямо произнес он, — ты не знаешь, что сейчас делается в Москве. Заказное убийство стоит всего десять тысяч долларов.

Он очень волновался. Вынув носовой платок, он промокнул пот на лице.

— Хорошо, — сказал я, помолчав. — Спасибо за информацию.

Этот человек тут же встал из-за стола, объяснив, что ему пора.

Я тоже поднялся, чтобы попрощаться. Пообещав друг другу не терять связи, мы разошлись. Глядя, как он уходит, я одновременно испытывал и облегчение, и раздражение.

Не так-то просто освободиться от своего прошлого. Безумием казалась мысль о том, что Калинин может заказать убийство. И зачем кому-то в Москве беспокоиться о том, что мне многое известно о программе, которая, возможно, больше не существует?

И тут меня осенило. Мои бывшие коллеги беспокоились не о том, что я мог что-то рассказать американцам о прошлом, а боялись моих знаний вообще.

Не только Калинина раздражал мой переезд в Америку. Олег

Игнатьев, бывший руководитель отдела бактериологического вооружения в Военно-промышленной комиссии, а в конце 90-х член Российского президентского комитета по контролю над вооружениями, рассказывал одному из приехавших американцев, что он купил себе двух домашних обезьянок:

— Одну назвал Владимир (Пасечник), а вторую — Канатжан (Алибеков). Луплю то одну то другую, когда я в плохом настроении.

Вопросы мне перестали задавать в конце 1993 года. Время от времени меня вызывали еще на встречи. Постепенно мою обеспокоенность состоянием дел в России стали разделять некоторые разведчики и военные. Но они считали, что вероятность полного восстановления программы невелика.

Они аргументировали это тем, что Москва слишком много сил потратила на возобновление партнерских отношений с США и не будет рисковать. Кроме того, добавляли они, Кремль не станет тратить огромные средства на бактериологическое оружие, если единственной угрозой со стороны Европы и США являются разгневанные кредиторы. Я отвечал на это, что некоторые свои проблемы Москва может начать решать при помощи бактериологического оружия.

Война в Чечне, гражданские войны в Центральной Азии, распространение исламского фундаментализма, конфликты в Иране и Афганистане, набирающий силу и политический вес Китай. В конце двадцатого века «тотальная война» сменилась этническими, националистическими и религиозными конфликтами. Именно в них бактериологическое оружие может сыграть немаловажную роль, часто компенсируя слабость или неэффективность обычных вооружений.

Незадолго до вывода в 1989 году советских войск из Афганистана один из высших чиновников 15-го Управления говорил мне, что Советским Союзом было применено бактериологическое оружие во время затянувшейся войны с моджахедами. Он рассказывал, что между 1982 и 1984 годами в качестве оружия был использован сап. Это один случай. Но были и другие, заявил он: «Совершались воздушные атаки с самолетов «Ил-28», базирующихся на военном аэродроме на юге России».

Упомянул чиновник об этом случайно, но он явно гордился и проведенной операцией, и тем. что может сообщить мне секретную информацию.

Когда я вспомнил об этом разговоре, сотрудница ЦРУ была удивлена. Она подтвердила, что периодически появлялись сообщения о вспышках различных заболеваний в группировках моджахедов во время боевых действий, но никто не искал им

объяснения.

Эти сведения подтвердились в апреле 1998 года, когда была опубликована статья в газете «Совершенно секретно». В ней сообщалось, что на военном объекте в Свердловске в 80-х годах производили бактериологическое оружие, использовавшееся в Афганистане и направленное «против техники». Работая заместителем директора «Биопрепарата», я ничего не слышал о проектах с веществами такого действия. В 70-е годы, действительно, изучались коррозийные свойства штамма бактерии Pseudomonas. Автор статьи мог (намеренно или ненамеренно) перепутать это название с сапом, который биологами в то время был отнесен к тому же виду. Позднее сап получил иное научное название, но тогда он был известен как Pseudomonas mallei. Заболевание, вызываемое этой бактерией, невысокосмертельно. Но, распылив аэрозоль с самолета, можно вывести из строя противника даже в самых недоступных районах. Вероятно, так и действовали наши войска в Афганистане.

Американцы предостерегали меня от прямых высказываний против России. Даже если я прав, говорили они, не следует нагнетать атмосферу. «Возможно, там что-то и происходит, — допустил один из них, — но в настоящее время мы должны помалкивать из дипломатических соображений».

20
ПОКУПАТЕЛИ И ПРОДАВЦЫ

Летом 1995 года мне позвонил человек, назвавшийся представителем правительства Южной Кореи. Он сказал, что узнал номер моего телефона от нашего общего друга и что ему срочно нужна моя помощь. Мы встретились в открытом кафе в Бефезде, в штате Мэриленд.

Этот на вид вежливый и дружелюбный человек сразу перешел к делу.

— Ваши знания представляют для нас очень большую ценность, вы бы могли хорошо заработать, рассказав о том, что нас интересует. Мы бы хотели пригласить вас в Сеул.

Когда я поинтересовался, о чем конкретно идет речь, то услышал в ответ, что в его правительстве есть доказательства того, что в Северной Корее ведутся работы по созданию бактериологического оружия.

— У нас вызывают опасения их ядерное оружие, их армия и их диверсанты, а сейчас еще появилась и бактериологическая угроза. Будьте уверены, ваша помощь будет щедро оплачена. Министр обороны Южной Кореи — мой близкий друг, — уговаривал кореец.

Услышав это, я предложил ему сделать запрос по официальным каналам через Вашингтон, подчеркнув, что у меня существуют обязательства по отношению к тем, кто помог мне уехать из России. Он сказал, что не стоит беспокоиться по этому поводу, так как Сеул и Вашингтон — союзники, поэтому никто возражать не станет. Но я продолжал настаивать на своем. После разговора я больше не видел этого человека.

Не только из Южной Кореи просили моей помощи. Как-то в середине 1998 года после лекции в Бостоне ко мне подошел представитель французского посольства и пригласил на ланч, чтобы обсудить, как он сказал, «вопросы биологической защиты». Ответив, что дело это тонкое, я посоветовал ему направить официальный запрос в компанию, где я занимался научно-исследовательской работой. Но запроса так и не последовало. Похожие предложения поступали и от приятеля, имевшего связи в правительстве Израиля.

Растущие опасения по поводу возможного бактериологического нападения со стороны враждебного соседа или террористической группировки привели к появлению большого количества консультантов по бактериологической

защите. Эта работа требует знаний о возможностях различных болезнетворных организмах, средствах их доставки и о силе воздействия на человека. Эти знания являются также ключевыми при разработке наступательных вооружений. Я уклонялся от ответов на такие вопросы, опасаясь даже невзначай подтолкнуть заинтересованную сторону к работам над бактериологическим оружием. К счастью, у меня была работа, которая мне нравилась и позволяла содержать семью на достойном уровне. Конечно, согласись я на подобные консультации, денег было бы значительно больше.

Мои услуги в качестве бывшего ученого из «Биопрепарата» ценились очень высоко. Ведь информация, которой я обладал, позволяла любой стране, заинтересованной в создании или в работе по усовершенствованию бактериологического оружия, сэкономить месяцы, а может быть, и годы дорогостоящих научных исследований. Невозможно даже предположить, сколько российских ученых было завербовано за границей, но то, что на их знания нашлись бы покупатели, — несомненно. В США сейчас находятся более двадцати специалистов, работавших когда-то в советской программе по биооружию. Многие уехали в Европу и Азию. Мне говорили, что некоторые отправились в Ирак и Северную Корею. Бывший коллега, в настоящее время директор одного из институтов «Биопрепарата», рассказывал, что в Иране сейчас работают пятеро наших ученых. В декабре 1998 года газета «Нью-Йорк Тайме» сообщила, что иранское правительство направило «советника по науке» в Москву, чтобы завербовать бывших ученых, работавших в нашей программе. В мае 1997 года более ста ученых из российских лабораторий, включая «Вектор» и Оболенск, приняли участие в выставке-ярмарке биотехнологий в Тегеране. Вскоре после этого Сандахчиев рассказывал мне, что иранцы многократно посещали его институт и всячески поощряли научный обмен. В прошлом году в газете «Совершенно секретно» сообщалось, что бывший чиновник «Биопрепарата» предложил свои услуги китайскому посольству в Москве.

Катастрофическое положение экономики в России заставило многих наших талантливых ученых и инженеров искать любую работу, ведь в некоторых лабораториях им месяцами не выплачивали зарплату. Я даже знаю одного талантливого исследователя, который, чтобы прокормить семью, продавал на Арбате цветы.

На Западе обеспокоены охраной в России ядерных объектов. Но не меньшие опасения должны вызывать и бактериологические арсеналы. Пробирка со смертоносным порошком занимает меньше места, чем пачка сигарет, и ее легко пронести мимо

охраны, ведь такое случалось, когда я работал в «Биопрепарате», а тогда требования к безопасности были строжайшими. Не зря ведь ходят слухи, что биологические вещества уже попали в руки криминальных структур в России.

Любое вещество, разработанное в наших лабораториях, снабжается подробным перечнем инструкций, описывающим все стадии процесса, от посева культуры до ее высушивания и упаковки. Например, полное описание производства оружия на основе сибирской язвы занимает двенадцать томов. В 1991 году 15-м Управлением было дано указание, чтобы вся эта рецептура переносилась на микрофильмы и рассылалась на военные объекты в Сергиевом Посаде, Кирове и Екатеринб(урге. Но где гарантии, что военные ученые, находясь в отчаянном финансовом положении, не могли вынести со своих строго охраняемых объектов крошечный ролик с микрофильмом для последующей продажи?

Недавно снова были введены строгие ограничения на зарубежные поездки для тех, кто имел доступ к государственной тайне, но нашим ученым необязательно покидать родной дом, чтобы найти покупателя на свой талант. Например, не так давно мне дали копию рекламной листовки московской компании «Биоэффект Лимитед». В рекламе предлагалось заказать по почте методики по генетической трансформации возбудителей туляремии и некоторые плазми-ды. Если верить Николаю Кисличкину названному в листовке президентом компании, эти плазмиды содержали фрагменты генов, ответственных за повышение вирулентности возбудителей туляремии и мелиоидоза. В листовке было сказано, что они получены по «уникальной российской технологии». Кисличкин сообщал, что эти штаммы могут использоваться для создания вакцин. Но ему было прекрасно известно, что их можно использовать и для других целей, ведь он был ученым из Оболенска.

После распада Советского Союза в России появилось много небольших частных фармацевтических компаний, подобных «Биоэффекту». Несомненно, что и они внесли свой вклад в распространение бактериологического оружия. Это внушает сейчас самые большие опасения.

Став заместителем директора «Биопрепарата», я дважды в месяц получал секретные отчеты о состоянии разработки бактериологического оружия в мире. Их готовили в нескольких организациях, куда входили КГБ, ГРУ и Медстатистика (закрытый исследовательский институт Министерства здравоохранения).

Могу утверждать, что ни одно из государств бывшего соцлагеря в Восточной Европе не проводило самостоятельных

исследований по биологическому оружию, хотя некоторые виды оборудования для ферментации и сушки делали в Восточной Германии. Разведданные указывали на существование подобных программ в Ираке начиная с 1988 года. Также был обнаружен большой исследовательский комплекс под Пхеньяном. По фотографиям, сделанным со спутника, определили, что в Северо-Восточном Китае, неподалеку от ядерного испытательного полигона, расположен большой центр для ферментации и биологические лаборатории. Были найдены доказательства того, что в конце 80-х в том районе дважды вспыхивали эпидемии геморрагической лихорадки, которой раньше здесь никогда не болели. Наши аналитики пришли к выводу, что это результат какой-то аварии в лаборатории, где китайские ученые работали над созданием оружия на основе вирусных заболеваний. Аналогичные объекты, имеющие отношение к биологическому оружию, были обнаружены в Германии (в Мюнстере) и во Франции, но многое наверняка ускользнуло от наших разведслужб.

Когда в 1987 умер Юрий Овчинников, я вместе с другими учеными «Биопрепарата» был на его похоронах в Москве. У нас случайно зашел разговор об удивительных достижениях Кубы в генной инженерии. Кто-то сказал, что кубинские ученые довольно успешно занимаются генетическим изменением штаммов бактерий на каком-то фармацевтическом предприятии под Гаваной.

— Но откуда у такой бедной страны такие знания в этой области и специальное оборудование? — удивился я.

— Конечно, от нас, — с улыбкой ответили мне.

Рассказывали, что во время посещения Фиделем Кастро Советского Союза в феврале 1981 года ему продемонстрировали лабораторию, где занимались генетическими исследованиями с бактерией E.coli с целью получения интерферона, являющегося, как тогда считали, ключом к лечению рака и других болезней. Кубинский лидер так восторженно отзывался об увиденном, что Брежнев тут же предложил свою помощь. Штамм E.coli, содержащий плазмиду, используемый для получения интерферона, отослали в Гавану вместе с оборудованием и подробными инструкциями. Через несколько лет у Кубы появилась самая современная лаборатория по генной инженерии, в которой ученые могли проводить передовые исследования по бактериологическому оружию не хуже, чем в Советском Союзе.

Генерала Лебединского вместе с группой военных специалистов Кастро пригласил посетить Кубу в следующем же году. Генерал хвастался, что его принимали по-королевски и

поселили недалеко от Гаваны, в десятикомнатном коттедже на берегу океана. Чуть раньше на Кубе разразилась эпидемия лихорадки денге, от которой пострадали 350 тысяч человек. Кастро был уверен, что это произошло в результате американского бактериологического нападения, и попросил Лебединского с его командой изучить этот штамм вируса денге в специальной лаборатории. Результаты исследования показали, что вспышка этого заболевания имела природный очаг — штамм оказался кубинским, а не американским. Но Кастро больше интересовала политика, чем научные результаты.

Вскоре после возвращения Лебединского в Москву кубинский лидер обвинил Америку в бактериологическом нападении на Кубу. Общественность была возмущена, хотя доказательства произошедшего были весьма неубедительными. В КГБ Лебединского попросили не разглашать результаты исследований. Кастро не в первый и далеко не в последний раз выдвигал Америке обвинения: с 1962 года двенадцать раз Куба обвиняла США в бактериологическом нападении на свою территорию. Самое последнее заявление, зафиксированное Организацией Объединенных Наций в 1997 году, попадало под 5-ю статью Конвенции о бактериологическом оружии. США обвиняли в том, что с самолетов распространялись насекомые вида Thrips palmi, уничтожающие растения. Соединенные Штаты утверждали в ответ, что самолеты перевозили обычные пестициды на кофейные плантации Колумбии.

В 1990 году на Кубу пригласили Калинина, чтобы обсудить создание новой биотехнологической установки, предназначенной якобы для производства белка из одноклеточных. Вернувшись обратно, он был убежден, что Куба активно работает над созданием бактериологического оружия.

Описанная ситуация с Кубой является типичной. Мы десятилетиями строили объекты и обучали специалистов в Индии, Ираке и Иране. Много лет именно Советский Союз организовывал курсы по генной инженерии и молекулярной биологии для ученых из стран Восточной Европы, Кубы, Ливии, Индии, Ирана и Ирака. Ежегодно около сорока иностранных ученых повышали у нас в стране свою квалификацию. Из них многие в настоящее время возглавляют в своих странах биотехнологические программы.

В июле 1995 года Россия начала с Ираком переговоры о продаже больших промышленных емкостей для ферментации и сопутствующего оборудования, которое использовалось при производстве бактериологического оружия. В Ираке, впрочем, как и на Кубе, утверждали, что емкости будут использоваться только

для выращивания дрожжей на корм скоту. Дополнительный запрос на поставку оборудования для глубокой фильтрации, способного довести чистоту воздуха до 99,99 процентов (такой уровень бывает только на военных бактериологических объектах), заставил относиться к сделке с подозрением.

Переговоры прекратились, когда эти сведения просочились в западную прессу. Один из сотрудников ООН говорил мне, что Ирак все-таки получил необходимое ему оборудование, но уже из другой страны. Группа инспекторов Специальной комиссии ООН, созданной после войны в Заливе для контроля за демонтажем химических и бактериологических объектов в Ираке, не смогла обнаружить это оборудование. А в 1998 году их просто выдворили из страны. Многие подобные сделки также не удалось проследить.

Кстати, в переговорах с Ираком принимал участие Вилен Матвеев, российский чиновник, сначала работавший в 15-м Управлении, а потом — заместителем директора «Биопрепарата». Он занимался разработкой оборудования для производства биологического оружия, а теперь работает техническим советником при российском Правительстве.

В 1997 году сообщалось о переговорах между Россией и Ираном о выгодной продаже оборудования для культивирования бактерий, включая ферментаторы, реакторы и воздухоочистительную технику. То же самое оборудование мы предлагали Ираку два года назад.

В своей книге я постарался показать, как в Советском Союзе создавалась военная бактериологическая программа и как это скрывалось от всего мира. У читателя не должно складываться ложного представления, что такое оружие недоступно более бедным странам.

В 1989 году в составе большой советской делегации я посетил Нью-Дели, где мы намеревались заключить соглашение о модернизации фармацевтического оборудования. На переговорах царила сердечная атмосфера, отражающая усиливающийся альянс Михаила Горбачева и лидера Индии Раджива Ганди. Сотрудничество с Индией в этой области началось еще в 60-е годы. Лев Телегин, ставший впоследствии первым замминистра медицинской и микробиологической промышленности, курировал проект постройки огромного завода по производству вакцин и антибиотиков недалеко от Ахмадабада. С тех пор Советский Союз оказывал Индии как военную, так и научную поддержку.

Переговоры проходили в Управлении биотехнологий — организации, отвечающей за координацию научных исследований

и производство вакцин. Повсюду в здании была вооруженная охрана. Я заметил и двери с кодовыми замками.

Когда я направился в туалет, за мной сразу пошел одетый в штатское охранник. Он сидел позади нас за столом переговоров. Меня удивило, что представителю дружественной страны для посещения туалета дают сопровождающего; я был возмущен, но потом успокоился, вспомнив о наших собственных защитных мерах.

Мы с коллегами сошлись во мнении, что сверхстрогая охрана и присутствие военных указывают на то, что здесь занимаются исследованиями, связанными с бактериологическим оружием. В дальнейшем я уделял особое внимание предприятиям, которые нам показывали.

По завершении переговоров во время следующего визита нас привезли в небольшой биологический комплекс в Муктесваре — отдаленной деревне в Гималаях, рядом с границей Непала. Охрана объекта там была еще строже, чем в Нью-Дели, нам даже порекомендовали без сопровождения не входить ни в одно из помещений. Кто-то из членов нашей делегации спросил, по какой причине.

— Слишком опасно, — ответили ему, — мы исследуем вирусы, а большая часть оборудования устарела. Вообще, здесь нет ничего интересного.

Примечательно, что в странах, разрабатывающих химическое и ядерное оружие, обязательно занимаются еще и бактериологическим. Это особенно справедливо в тех случаях, когда страна делает все возможное, чтобы защитить себя от соседей. А Индия граничит сразу с двумя враждебными странами — Китаем и Пакистаном, с которыми у нее на протяжении последних пятидесяти лет происходят постоянные столкновения. Ее решение произвести в мае 1988 года испытания ядерного оружия продемонстрировали, что Индия готова ради своей национальной безопасности проигнорировать мнение международного сообщества.

В конце 1995 года постоянному сенатскому комитету по расследованиям был представлен доклад Управления по оценке технологий,[26] где перечислялись семнадцать стран, которые обладают бактериологическим оружием. Это Ливия, Северная Корея, Южная Корея, Ирак, Тайвань, Сирия, Израиль, Иран, Китай, Египет, Вьетнам, Лаос, Куба, Болгария, Индия, Южная Африка и Россия. Впоследствии этот список значительно пополнился.

Обычными методами разведки и слежения нельзя доказать существование программы по разработке бактериологического

оружия. Даже на снимках со спутников с высоким разрешением невозможно отличить большой фармацевтический завод от комплекса по производству бактериологического оружия. Только информация от первоисточника является решающим доказательством. Подозрения Запада о существовании советской программы подтвердились только после того, как из страны сбежал Пасечник. О том, что в Южной Африке разрабатывались бактериологические субстанции для совершения политических убийств, стало известно, когда перед Комиссией правды и примирения выступил человек, возглавлявший эти работы в период апартеида. О размахе иракской программы по биологическому оружию на Западе узнали только тогда, когда зять Саддама Хусейна Хусейн Кемаль в 1995 году бежал из страны. Он подтвердил, что Ирак уже десять лет занимается исследованиями на государственном предприятии Муфан-на, в ста двадцати километрах к северо-западу от Багдада. Там культивировали сибирскую язву, разрабатывали ботулинический токсин, рицин и афлатоксин.[27] В 1996 году обнаруженный инспекторами ООН главный бактериологический военный объект в Аль-Хакуне был разрушен. Но Ираком уже накоплены сотни тысяч литров сибирской язвы и многих других болезнетворных бактерий. Эту страну все еще подозревают в сокрытии бактериологического оружия, так как Ирак продолжает сопротивляться любым попыткам проверки своих медико-биологических объектов.

Некоторые западные аналитики утверждают, что наличие доказательств проведения исследований по бактериологическому оружию не означает, что такое оружие, действительно, производится. Они аргументируют это тем, что страны со слабой технологической научной базой часто просто не в состоянии производить вооружения или системы доставки. Но тем не менее даже самая примитивная биологическая лаборатория может произвести вещество в количестве, достаточном, чтобы поразить большой город.

20 марта 1995 года члены секты «Аум Синрике» распылили в токийском метро газ зарин. Двенадцать человек умерли, отравились более пятисот пятидесяти. На допросах лидеры секты рассказали, что «Аум Синрике» в период между 1990 и 1995 годами девять раз пыталась распылять на улицах Токио и Иокогамы ботулинический токсин и сибирскую язву. Сейхи Эндо, имевший образование в области генной инженерии и возглавлявший в секте «Министерство здоровья и процветания-), утверждал, что используемые сектой методы доставки — распыление веществ с крыш зданий и из автофургонов —

оказались неэффективными и что распыляемые штаммы не обладали достаточной вирулентностью. Но найти подходящие штаммы достаточно легко.

Вирусы и бактерии можно получить через любой из полутора тысяч банков микроорганизмов, существующих по всему миру. Чтобы бороться с возбудителями заболеваний и для проведения медицинских исследований международная научная общественность нуждается в такой сети. А ограничений в международной торговле патогенными микроорганизмами весьма мало.

Американские эксперты говорили мне, что Ирак получил некоторые, наиболее опасные виды сибирской язвы от Американского сток-центра культур клеток и микроорганизмов в Роквилле, штат Мэриленд, одного из крупнейших мировых хранилищ микроорганизмов. О том, какие штаммы следует заказывать, иракские ученые так же, как и мы, узнавали из американских научных журналов. Они получали из хранилища штаммы туляремии и венесуэльского энцефаломиелита лошадей за тридцать пять долларов.

Через шесть недель после атаки «Аум Синрике» в метро Лари Харрис, член белой расистской группы в Огайо, заказал по каталогу три пробирки с чумой из Американского сток-центра культур клеток и микроорганизмов. Запрос необходимо было сделать на фирменном бланке с названием университета или лаборатории, так что Харрис подделал бланк. Заказ уже начали обрабатывать, когда через две недели он позвонил и спросил, почему так долго нет ответа. Это вызвало подозрение у служащих компании, так как настоящие ученые знали, что стандартный срок исполнения заказа больше месяца. В конце концов Харрису отказали.

Благодаря этому инциденту Конгресс США в апреле 1996 года издал закон, обязывающий американские банки микроорганизмов и биотехнологические фирмы проверять личность каждого покупателя. Мера полезная, но она оставляет возможности для торговли. Бактериологическое оружие, создано ли оно государственными организациями, террористическими группировками или каким-то сумасшедшим человеком, превратилось из строго охраняемой тайны времен «холодной войны» в предмет торговли на международном рынке.

27 декабря 1998 года в Помоне, штат Калифорния, в пригороде Лос-Анджелеса, семьсот пятьдесят человек подверглись карантину после того, как в полицию поступил телефонный звонок о том, что в ночном клубе «Стеклянный дом» была распылена сибирская язва. Тревога оказалось ложной, но

людей продержали в карантине четыре часа. В конце декабря 1998 года в полицию поступили десятки подобных ложных сообщений с упоминанием сибирской язвы.

К сожалению, случай в Помоне оказался не последним. В октябре-ноябре 2001 года произошла первая реальная атака на США с использованием сибирской язвы. Даже этот неэффективный метод нападения вызвал несколько смертей, долговременную панику и нанес очень серьезный экономический урон.

21
БИОЗАЩИТА
ПРИЗНАКИ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ

Следующий раздел содержит описание признаков, позволяющих определить, произошло ли бактериологическое нападение.

Описание признаков

Необычное количество заболевших и умерших людей или животных в данном районе или определенном месте, сопровождаемое появлением самых различных симптомов. Будучи представителем группы первичного реагирования, вам следует произвести опрос и оценить состояние дел в местных больницах, чтобы убедиться, есть ли там заболевшие с одинаковыми симптомами.

Случаи заболеваний могут появиться через минуты, часы, дни и даже недели после произошедшего нападения.

Время появления первых симптомов при бактериологическом нападении зависит от примененного вещества… Еспи рассматривать бактериологическое нападение с точки зрения первичного реагирования, то важно отметить, что, за исключением некоторых токсинов, его последствия проявятся почти сразу.

(Из химико-биологического справочника групп первичного реагирования «Практическое руководство для групп первичного реагирования», 1998 год)

Руководство ошибается. Мы можем слишком поздно узнать, что стали жертвами бактериологического нападения. После первой волны смертей могут пройти дни и даже недели, прежде чем станет ясно, что произошло. Террористы редко предупреждают о своих действиях. А ведь даже небольшое количество вируса лихорадки Марбург или Эбола, распыленное в метро Вашингтона, Бостона или Нью-Йорка, в аэропорту, торговом или финансовом центре, может привести к сотням тысяч жертв.

За последние двадцать лет ученые создали устойчивые к

антибиотикам виды сибирской язвы, чумы, туляремии и сапа. Исследованиями «Биопрепарата» доказано, что вирусы и токсины можно генетически изменять, повышая их болезнетворность, что открывает путь к получению патогенов, способных преодолеть защиту существующих в настоящее время вакцин. Арсенал некоторых государств или террористических группировок вполне может состоять из оружия на основе туляремии, сибирской язвы, лихорадки Ку тифа, оспы, бруцеллеза, венесуэльского энцефаломиелита лошадей, ботулинических токсинов, лихорадки денге, клещевого энцефалита, лихорадки Ласса, Марбург, Эбола, боливийской геморрагической лихорадки Мачупо, аргентинской геморрагической лихорадки Хунин, и это лишь некоторые заболевания, которые изучались в наших лабораториях. Список можно пополнить веществами, действующими на нервную систему и вырабатывающимися в человеческом теле естественным путем.

Создать бактериологическое оружие легче, чем найти защиту от него. Опираясь на сегодняшний уровень знаний, можно создать оружие на основе семидесяти различных вирусов, бактерий, риккетсий и грибков. А лечить мы умеем не более 20–30 процентов вызываемых ими болезней.

Мало кто из американцев понимает, какую угрозу представляет для них оружие массового поражения. 14 ноября 1994 года президент Клинтон издал президентский приказ номер 12938, в котором было заявлено, что потенциальное применения ядерного, бактериологического и химического оружия террористическими группами или отдельными государствами представляет «неожиданную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности, внешней политике и экономике Соединенных Штатов». В этом приказе деятельность по оказанию любой стране или организации помощи в приобретении, разработке, производстве или хранении химического или бактериологического оружия объявлялась незаконной. Данный приказ обновляется каждый год. В 1998 году в него внесли дополнения, предусматривающие наказание за торговлю оборудованием, которое может косвенно использоваться в иностранных программах создания бактериологического оружия.

В июне 1995 года Клинтон объявил о новой политике по борьбе с «супертерроризмом» — терроризмом, применяющим оружие массового поражения. В результате ведения этой политики Министерство обороны, энергетики и иностранных дел совместно с ФБР и ЦРУ уже контролируют широкую сеть военных и гражданских организаций, занимающихся анализом возможных бактериологических и химических нападений и ликвидацией

последствий таких нападений. Среди этих организаций находятся USAMRIID, Центр контроля и предотвращения инфекционных заболеваний в Атланте, Лаборатория экзотических болезней при Министерстве сельского хозяйства, Национальная лаборатория Лоуренса Ливермора в Калифорнии и Национальная лаборатория Сандия в Нью-Мехи-ко. Кроме того, модернизированы существующие военные объекты, такие, как Морской корпус сил реагирования на химические и бактериологические нападения (CBIRF), армейское Подразделение технического сопровождения и Отдел безопасности на атомных объектах при чрезвычайном положении (NEST) Министерства атомной энергетики.

В 1997 году правительство выделило более пятидесяти двух миллионов долларов на программу мобилизационной подготовки для «отделов первичного реагирования» на чрезвычайные ситуации в 120 городах по всей Америке. В этих городах полицейские, пожарные и медики пройдут специальное обучение и получат оборудование, которое поможет им бороться с бактериологическим и химическим терроризмом. В 1998 году в этот список внесли Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон, Вашингтон, Филадельфию, Сан-Диего и Канзас-Сити, там программа будет полностью реализована к концу 1999 года. Одновременно предпринимаются меры по усилению безопасности в общественных зданиях, как, например, установка вентиляционных систем, защищенных от нежелательного вторжения, или модернизация воздухоочистителей.

22 мая 1998 года президент Клинтон в своей речи перед выпускниками Военно-морской академии США в Аннаполисе предложил пятилетний проект по созданию резервного запаса вакцин и антибиотиков, предназначенных для защиты американцев от бактериологических нападений, и финансирование в размере 420 миллионов долларов. Это дополнило принятую пятью годами раньше программу вакцинации американских войск с целью обеспечения их безопасности во время боевых действий. Защита от бактериологического терроризма стала чуть ли не самой главной задачей в Америке. В январе 1999-го, через год после того, как американцы атаковали объекты в Судане, Афганистане и Ираке, по всей стране начали появляться десятки сообщений по поводу сибирской язвы. Клинтон представил новый план борьбы с биотерроризмом в стране. «Борьба с терроризмом далека от завершения, — сказал он в речи, произнесенной в Национальной Академии наук, — и в настоящее время террористы ищут новые средства уничтожения. Они понимают, что не могут победить нас обычными военными средствами, поэтому они и изобретают

новые методы нападения».[28]

Клинтон объявил, что расходы на создание и усиление городских отделов реагирования на чрезвычайное положение, на защиту правительственных зданий, на выявление и диагностирование вспышек заболеваний, связанных с бактериологическим нападением, а также на увеличение национальных запасов вакцин и антибиотиков составит в 2000 году 1,4 миллиарда долларов. Около четырехсот миллионов долларов будет потрачено на технологии обнаружения признаков биологического нападения и разработку новых вакцин.

Донна Шалала, министр здравоохранения, выступала после Клинтона. «Впервые в истории Америки система общественного здравоохранения объединилась непосредственно с системой национальной безопасности», — сказала она. Президент попросил сограждан не пугаться предстоящих перемен. Он также решительно утверждал, что новые задачи разведслужб не повлияют на гражданские свободы.

Америка сделала намного больше, чем любая другая страна, для защиты гражданского населения от бактериологического оружия. Но неизвестно, будут ли граждане благодаря приложенным усилиям в большей безопасности.

Проблема биозащиты не решена полностью. Программа первичного реагирования уже подверглась критике. «Такой подход может привести к тому, что силы террористов будут направлены на более «податливую» цель, в данном случае ею могут стать города, службы которых не получили необходимого оборудования и не прошли тренинг», — сказал в своем выступлении перед Конгрессом 2 октября 1998 года Фрэнк Чилуффо — начальник специальной группы по борьбе с терроризмом при вашингтонском Центре стратегических и международных исследований. Основная трудность состоит в том, что вышеупомянутая программа ошибочно предполагает, что можно определить место, где произошло нападение, но на самом деле бактериологическое оружие может применяться тайно и не оставлять следов.

С самого начала работ по биозащите обнаружились серьезные недостатки в вопросах координирования усилий местных и федеральных властей. В учениях с имитацией нападения, проведенных в Нью-Йорке в 1998 году, почти все участники из подразделения по чрезвычайным ситуациям оказались «мертвыми», потому что были недостаточно защищены. «Они все делали правильно, — рассказывал в интервью газете «Нью-Йорк Тайме» федеральный служащий, наблюдавший за учениями, — но план действий оказался неэффективным». Подразделение по

чрезвычайным ситуациям потерпело поражение, потому что они не смогли определить, какие бактериологические вещества были применены.

А ведь именно раннее определение вещества является решающим в биозащите. От вида вещества и способа его рассеивания зависит, в частности, успеют ли врачи и спасатели найти способ, чтобы справиться с эпидемией.

Со времен Второй мировой войны США с переменным успехом изучают системы обнаружения. Большая часть методов основана на анализе проб воздуха из подозрительного района, доставленного в пробирке или чашке Петри, но взять такую пробу иногда очень трудно-, полевым измерительным приборам, которые использовались во время войны в Заливе, требовалось для анализа от тринадцати до двадцати четырех часов. А, например, для принятия мер против ботулинического токсина, находящегося на вооружении у иракцев, это было бы слишком поздно. Конечно, с тех пор технологии усовершенствовались. Изобретение бактериологической интегрированной системы определения (BIDS) сократило время анализа до тридцати минут, но до настоящего момента с ее помощью можно определить только присутствие сибирской язвы, чумы, ботулинического токсина и стафилококкового энтеротоксина В.

В сентябре 1998 года в Москве Клинтон и Ельцин договорились об «ускорении переговоров» по внесению дополнений в Конвенцию о бактериологическом оружии. Соединенные Штаты взяли на себя ведущую роль в этом вопросе. Так называемая «специальная группа» встречалась в 1998 году четыре раза, чтобы составить проект поправки об обязательных инспекциях в тех государствах, которые подозреваются в разработке или хранении бактериологического оружия. Из других мер обсуждались требования к таким странам открыть свои бактериологические объекты для регулярных посещений международными инспекторами и создание подразделений для расследования подозрительных вспышек заболеваний. Еще пять встреч специальной группы прошли в 1999 году. Темы для обсуждений были расширены, они касались также запрета на передачу секретных технологий на научных конференциях, через Интернет и через студенческие программы обмена.

Вышеупомянутые поправки, конечно, могут значительно сократить распространение бактериологического оружия. Но определенные государства, вероятно, найдут способы обойти их. Возьмем, например, Ирак, где специальной Комиссии ООН после войны в Заливе были предоставлены фактически неограниченные права по контролю над разоружением. Эти жесткие меры

представляют собой не что иное, как нарушение национального суверенитета, чего большинство стран не потерпит. Но даже под угрозой проведения военных операций Ирак продолжает игнорировать инспекции ООН. Как же добиться тогда подчинения решениям ООН от таких мировых держав, как Китай или Индия?

В Америке бурно протестовали коммерческие биотехнологические компании, которые аргументировали свою позицию тем, что бесконечные инспекции в лабораториях и производственных мощностях делают их беззащитными перед промышленным шпионажем, а ведь биотехнологии — это индустрия, в которую вложены многие миллионы долларов. За период с 1989 по 1996 год в Америке количество фирм, занимающихся разработкой лекарств нового поколения, выросло с сорока пяти до ста тринадцати, а в современных медицинских, промышленных и сельскохозяйственных исследованиях часто применяются те же патогены, что и в производстве бактериологического оружия.

На некоторые возражения удалось ответить, предложив «управляемый доступ», который позволяет стране-хозяину договориться о том, как именно будет проведена инспекция коммерческих лабораторий. Руководители лабораторий будут заранее предупреждены, и им разрешается для сохранения коммерческой тайны частично менять настройки компьютеров и производственного оборудования. Разрабатываются и новые методы, позволяющие разрывать секретные цепочки ДНК, одновременно предоставляя инспекторам возможность обнаружить присутствие подозрительных микроорганизмов. В настоящее время на рынке появились сложные биосенсоры на базе чипов, которые могут проверять гены «без вторжения», но их все еще мало. Ничто не мешает государству утаить существование программы по вооружениям под видом защиты коммерческой тайны. Конечно, соглашения по вооружениям имеют большое значение, так как устанавливают; некие правила для государств относительно приобретения и употребления оружия массового поражения. Но если речь зайдет о национальной безопасности, то их наверняка проигнорируют.

Американский проект по производству и созданию резерва вакцин против известных возбудителей заболеваний уникален и всеобъемлющ. Но по мере выполнения обнаруживаются и его недостатки. Например, с 1993 года обязательная иммунизация войск стала официальной политикой Пентагона. Всем американским солдатам сделали прививки от сибирской язвы, так как именно она была на вооружении у Саддама Хусейна. Но прививки против других заболеваний, таких, как афлатоксин,

оспа, ботулизм, которые, возможно, есть у Ирака, не делались. Дополнительные затраты были бы огромными: шестилетняя программа вакцинации против одной только сибирской язвы оценена в 130 миллионов долларов, да и сами вакцины имеют побочные эффекты. Прививка даже от нескольких болезней не защитит человека от еще неизвестного вещества или от того, против которого вакцина просто не изобретена.

Действие вакцины основано на том, что она заставляет организм создавать антитела, которые начинают бороться с возбудителем болезни. Существует пероральная вакцинация, а также внутримышечная для достижения максимальной эффективности. Вакцины, полученные из живых, но ослабленных микроорганизмов, обычно оказывают более сильное действие, чем сделанные на основе компонентов клетки. Вакцины, как правило, не опасны, но иногда все же могут вызвать значительные изменения в крови и эндокринной системе. Известно, что некоторые из них оказывали неблагоприятное воздействие на работу сердца, почек, легких и других органов. Поэтому нежелательно делать слишком много различных прививок.

Все еще не найдены вакцины от бруцеллеза, сапа, мелиоидоза и многих вирусных заболеваний, таких, как лихорадка Эбола и Марбург. Вакцина против аэрозольной формы чумы после испытаний на животных была признана неэффективной. Вакцину против туляремии трудно культивировать, и она опасна. Из четырех вакцинных штаммов, применяемых от вирусного энцефалита, первый, наиболее действенный, в 20 процентах случаев вызывает побочные реакции, еще в 20 — просто неэффективен. Второй имеет ограниченную эффективность, защищая только от трех разновидностей болезни, а третий и четвертый вызывают слабую иммунную реакцию и требуют многократного повторения прививок. Проти-вооспенную вакцину (в США ее делают только работникам лабораторий и военнослужащим) можно применять как до, так и после заражения. Прививки следует повторять каждые десять лет, а в случае заражения повторную вакцинацию надо провести уже через три года. Перед прививками от лихорадки Ку и ботулинического токсина рекомендуется проверять кожную реакцию.

Применяемую в Соединенных Штатах вакцину от сибирской язвы следует делать шесть раз, прежде чем будет достигнут иммунный эффект (три раза каждые две недели и три раза каждые полгода), а потом повторять прививки ежегодно. Американские эксперты утверждают, что ежегодные прививки безопасны (применение живой вакцины, которую мы

использовали в России, все же сопряжено с некоторым риском), но, по мнению ученых, избыточная вакцинация может привести к осложнениям в иммунной системе, а иногда даже к образованию опухолей.

Известно, что повторные прививки вызывают или усугубляют аллергию. Уже через полчаса после того, как в 1987 году мне в последний раз ввели вакцину от сибирской язвы, лицо опухло, появилась сыпь и стало трудно дышать. Я принял димедрол, и через несколько часов почувствовал себя лучше. Но следующие десять дней пришлось уже лечиться в больнице. После подобных реакций некоторых моих коллег отстранили от работ с сибирской язвой. Я знал, что такая реакция — признак моей генетической чувствительности к большим количествам чужого белка и что моя иммунная система напряжена до предела. Первую прививку от сибирской язвы я получил в 1979 году а курс ежегодных вакцинаций начал в 1982-м. Кроме того, меня один раз прививали от оспы, дважды — от туляремии и четыре раза — против чумы. Та хроническая аллергия, которой я страдал всю сознательную жизнь, была прямым следствием повторяющегося введения живых вакцин и воздействия прочих веществ, с которыми пришлось работать.

Вакцина обеспечивает надежную защиту от конкретного заболевания, но именно эта узкая направленность воздействия является источником ограниченности ее применения. Антитела, вырабатывающиеся на оспу, не защитят от чумы, вакцина от брюшного тифа не снизит риска заболеть корью. Конечно, возможно сделать смесь вакцин, таких, например, как детская прививка от дифтерии, коклюша и столбняка, но даже они воздействуют на метаболизм только этих микроорганизмов. Каждая вакцина борется только с одним возбудителем, иногда с несколькими сходного типа. Многоцелевого противоядия пока не существует.

Применение вакцин для биозащиты имеет смысл, если мы знаем, какое именно вещество было использовано, и если сможем определить конкретную цель нападения. Кроме того, бактериологическая защита должна предусматривать изменчивость угрозы. Враг, которому известно, что войска противника привиты от сибирской язвы, может использовать чуму, или оспу, или такие вещества, против которых не существует вакцины. Можно привить солдат сразу против нескольких инфекций, но противник может разработать настолько вирулентное оружие, что оно преодолеет действие вакцины.

Несмотря на приложенные усилия и впечатляющие затраты

американцев, вакцины — не самое надежное средство защиты гражданского населения. На кого будет нацелена атака? От каких веществ защитить население? Программа по увеличению количества доз противооспенной вакцины (в настоящее время в США имеется семь миллионов доз) может остановить страну или террористическую группировку от совершения нападения с использованием оспы, но ведь есть и другие варианты. И кому направить эти семь миллионов доз, если сразу будут атакованы несколько городов? А ведь только в одном Нью-Йорке семь миллионов жителей. Будет ли у каждого города свой запас вакцин?

Конечно, я не предлагаю изъять вакцины из употребления при биозащите, только следует правильно оценивать их эффективность. Даже если продолжить дорогостоящий и длительный процесс разработки, тестирования и получения разрешения на новые вакцины, то все равно мы будем отставать на пару шагов от постоянно совершенствующихся производителей бактериологического оружия.

За последние два десятилетия ученые значительно расширили наше понимание работы иммунной системы. Эти знания можно использовать для выработки новых видов медицинской защиты против бактериологических веществ. Говоря простыми словами, наша иммунная система умеет отличать клетки собственного организма от чужих микроорганизмов. В нашем распоряжении имеется ряд веществ, запрограммированных на нахождение чужих клеток и сообщение об их появлении. В организме постоянно вырабатываются новые антитела для распознавания угрозы и ее уничтожения. Вещества, отвечающие за их выработку, и сами антитела наделены тем, что мы называем «клеточной памятью», т. е. способностью распознавать ранее вторгавшиеся микроорганизмы. На этой способности и основано действие вакцины. Долгое время иммунологи были сосредоточены только на вакцинах и иммуноглобулинах — наиболее явных элементах специфического иммунитета, не обращая внимания на процессы, которые относятся к неспецифическому иммунитету.[29]

Илья Мечников, русский микробиолог, оказался первым исследователем, который наблюдал неспецифический иммунитет в действии. Работая в Италии между 1882 и 1886 годами, он заметил, что некоторые клетки двигаются к очагу инфекции, где они окружают, поглощают и разрушают чужеродные частицы. Ученый назвал эти клетки фагоцитами, сейчас их называют или макрофагами, или моноцитами. Его работа, заложившая основы современной иммунологии, в 1908 году была удостоена

Нобелевской премии по медицине.

Но только в 60-х годах ученые обратили внимание на клетки и молекулы, которые отвечают за формирование неспецифической иммунной реакции на вторгшиеся микроорганизмы. Это макрофаги и гранулоциты,[30] а также специальные белки (протеины) крови, которые взаимодействуют в так называемом «каскаде комплемента», чтобы бороться с чужими микроорганизмами. Еще одной важной составляющей неспецифического иммунитета является удивительная группа молекул, названных цитокинами [Цитокины — название отражает основное назначение этих молекул, которые являются переносчиками, передатчиками сигналов от клетки к метке (по латыни клетка называется). В геноме клетки имеются специальные гены, ответственные за синтез определенных цитокинов. До поры до времени эти гены молчат, ничем не проявляя своего присутствия. Однако стоит только метке распознать внедрение в организм микробов, гены цитокинов переходят в активное состояние. С этих генов считывается информация о структуре соответствующих молекул, идет белковый синтез, и готовые молекулы цитокинов начинают выделяться (секретироваться) меткой в окружающую среду. Для восприятия и распознавания различных сигналов, в том числе от внедрившихся микробон-паразнтов, метки несут на своей поверхности специальные сложно устроенные молекулы-рецепторы. Для каждого цитокпна существует свой особый рецептор, к которому молекула цитокина подходит, как ключ к замку. Как только мюч-ци-токин входит и скважину предназначенного для него замка-рецептора, с поверхности метки к ядру передается соответствующий сигнал включения определенных генов в этой клетке: информация передана, воспринята и реализуется.], через которые клетки взаимодействуют друг с другом.

Цитокины связывают между собой специфическую и неспецифическую иммунные системы. Они вырабатываются организмом в ответ на вторжение вирусов или бактерий или на присутствие общего стимулятора в крови. Цитокины главным образом регулируют иммунную реакцию. Они могут подавлять или стимулировать секрецию антител и макрофагов, вызывать лихорадочное состояние и воспаление, стимулировать рост и реакцию основных иммунных клеток. Большая часть цитокинов не может сама убивать вирусы или бактерии, но в состоянии помочь иммунной системе справиться с болезнью при соответствующем лечении. Доказано, что они могут увеличить эффективность Т— и В-лимфоцитов, содержащих клетки-убийцы,

которые уничтожают патогенные бактерии и клетки, зараженные вирусами и микробами.

В 1957 году европейские ученые обнаружили первый цитокин. Его назвали интерферон, от английского слова interfere «вступать в противоречие, в борьбу». Определили три основных типа этого цитокина. Потребовались годы, чтобы научиться получать интерферон, но уже в 1979 году ученые американской фармацевтической фирмы смогли воспроизвести искусственным путем альфа-интерферон. Рекламируемый как «антивирусный пенициллин», интерферон вошел в медицинскую практику как мощный инструмент для лечения различных заболеваний — от гепатита до саркомы Капоши, часто сопутствующей СПИДу. Правда, сейчас ученые стали более осторожными в своих восторженных оценках, потому что интерферон во время лабораторных опытов приводил к смешанным результатам, причем обнаружили, что в больших дозах он дает нежелательные побочные эффекты. Тем не менее сегодня этот цитокин широко распространен.

В медицине открытие цитокинов и прочих составляющих неспецифического иммунитета явилось важным шагом вперед. В Америке ученые разработали способ лечения СПИДа с использованием другого цитокина — интерлейкина-2, а в Нидерландах, Великобритании, Японии, Франции и Канаде изучается влияние цитокинов на возбудителей туберкулеза и других заболеваний. На сегодняшний день ученым хорошо известны, по крайней мере, восемнадцать ин-терлейкинов, и каждый год открывают все новые виды.

Несомненно, вакцины обеспечивают долгосрочную защиту от многих заболеваний, но с использованием неспецифической иммунной системы можно добиться временной защиты от патогенных веществ. Такая активизация сил организма после первых критических часов нападения, когда власти еще не определили, какое вещество было применено и не нашли соответствующего лечения, может помочь в сдерживании болезни. Это, конечно, дело будущего, но опыт подсказывает мне, что именно этот путь является гораздо перспективнее, чем оснащение зданий устройствами обнаружения биологических веществ или создание запасов вакцин.

Ровно через десять лет после совещания в Генштабе в Москве, когда обсуждался вопрос возможного использования межконтинентальных ракет, начиненных сибирской язвой и чумой, практически день в день я встретился с двумя полковниками морской пехоты армии США в конференц-зале на пятом этаже офисного здания в Вирджинии.

Морские пехотинцы приехали с тренировочной базы в Куантико, где они курировали работу некой военной лаборатории, для обсуждения мер по защите войск от бактериологических нападений и терроризма. Ведь часто при возникновении чрезвычайных ситуаций именно морские пехотинцы оказываются подвержены тем видам опасностей, с которыми не встречаются другие рода войск.

20 мая 1998 года я представил Конгрессу Соединенных Штатов предложения по разработке защиты, основанной на неспецифическом иммунитете, от биологического оружия. В то время усилия государства были направлены практически только на вакцинацию и обнаружение биологического оружия. Кстати, через неделю президент Клинтон выступил с предложением создавать резервные запасы вакцин, поэтому такой нестандартный подход был встречен скептически. Но за следующие полгода ситуация резко изменилась.

В декабре 1998 года комиссия ученых, назначенная Медицинским институтом Национального совета по исследованиям и возглавляемая Питером Розеном, директором программы по неотложной медицинской помощи в медицинском колледже Калифорнийского университета в Сан-Диего, предложила развернуть новые исследования по «антибактериальным и антивирусным соединениям широкого спектра действия» для борьбы с бактериологическим и химическим терроризмом — иными словами, по неспецифической защите против всех разновидностей бактериологических вооружений. Идея неспецифической защиты получила одобрение у группы экспертов, состоящей из двенадцати влиятельных американских ученых, куда вошли доктор Дональд Хендерсон и нобелевский лауреат, биолог Джошуа Ледерберг.

Морские пехотинцы узнали о моем предложении еще до того, как вышеупомянутая группа ученых сделала свои выводы. Советник конгресса рассказал им о моем докладе до слушаний по терроризму в Объединенном комитете по экономическим вопросам. Наша встреча состоялась в офисе научно-исследовательской компании, где я тогда работал. Полковники старательно записывали все, о чем я говорил. Про себя я отметил то, что теперь для этих людей я был всего лишь обычным гражданским ученым, делающим интересное научное предложение.

Через месяц, в ноябре, эти военные сообщили по телефону, что получили от начальства предварительное согласие на эксперименты по программе неспецифического иммунитета.

Подготовка к этому проекту ведется полным ходом. Начиная с 2000 года я веду исследования в этом направлении, возглавляя группу ученых из 35–40 человек.

* * *

В Казахстане, еще мальчишкой, я прочел книгу Юлия Германа о враче, рискующем своей жизнью и здоровьем ради спасения больного. Именно таким врачом я мечтал стать. Сегодня у меня нет возможности уничтожить то оружие, которое создавал, или вернуться в то время, когда возглавлял исследования по программе создания бактериологического оружия для того, чтобы изменить ход событий. Но каждый день я прилагаю все свои силы для смягчения последствий содеянного ранее. Меня подстегивает мысль о том, что и сегодня в Ираке, Китае или еще в какой-нибудь стране многодетный отец может планировать за столом совещаний гибель миллионов людей. Так я пытаюсь выполнять клятву врача, которую в течение долгих лет предавал.

ПРИЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ИНСТИТУТЫ И ОБЪЕКТЫ, ЗАНИМАВШИЕСЯ ИССЛЕДОВАНИЯМИ, РАЗРАБОТКОЙ И ПРОИЗВОДСТВОМ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ, 1979–1990 ГОДЫ

Это первый развернутый обзор советской сети бактериологических вооружений. Приводится исчерпывающее описание служб и объектов, которыми руководит «Биопрепарат», Министерство здравоохранения, Академия наук, министерства иностранных дел, юстиции и внешней торговли. Мне известны только два или три объекта Министерства обороны и Министерства сельского хозяйства. Меня никогда не ставили в известность о тех объектах, которыми руководил КГБ. В тех случаях, когда я не могу дать точного названия института, я привожу только место его расположения. Подобная информация ранее не публиковалась.

СОВЕТ МИНИСТРОВ

Руководящий орган Советского правительства, в который входили премьер-министр и министры правительства. Наиболее влиятельные министры, включая премьер-министра, являлись членами Политбюро и подчинялись партийным органам и Генеральному секретарю.

Госплан, Государственный плановый комитет Совета Министров, утверждал бюджетные расходы для всех правительственных организаций и видов деятельности, включая оборону. Отдел бактериологического и химического оружия осуществлял финансирование всех объектов бактериологического оружия (БО). Государственная техническая комиссия в Москве занималась разработкой электронных систем слежения и проведением электронных контрразведывательных мероприятий на объектах, связанных с бактериологическим оружием.

Министры, ответственные за связанные с обороной отрасли промышленности, являлись членами Военно-промышленного комиссии (ВПК), которая управляла военно-промышленным комплексом Советского Союза. Председателем этой комиссии был заместитель премьер-министра, но ее деятельность контролировал член Политбюро, отвечавший за военные вопросы. Военно-промышленная комиссия состояла из управлений, курировавших различные секторы военной промышленности. Управление бактериологического оружия координировало разработку и производство биологического оружия.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ

Оперативное Управление Генерального штаба являлось главным военным органом. Специальная бактериологическая группа при этом управлении несла ответственность за разработку доктрины бактериологической войны и материально-техническое обеспечение. Главное разведывательное управление (ГРУ) занималось военной разведкой и контрразведкой. Для отслеживания иностранных бактериологических военных программ, для приобретения штаммов и документации для советской бактериологической военной программы агенты ГРУ проводили тайные операции за границей. Специальная группа по вооружениям, подразделение, которым командовал заместитель министра обороны, контролировала материальное обеспечение программы по бактериологическому оружию (в том числе проведение испытаний, включение определенного вида оружия в советский арсенал и размеры запасов бактериологического оружия).

15-е Управление разрабатывало и производило бактериологическое оружие. Под его командованием находились специальные армейские подразделения, которые занимались проверкой полигонов и обеспечением безопасности на военных бактериологических объектах. За развертывание бактериологического оружия в случае войны отвечали военные подразделения военно-воздушных сил и ракетных войск стратегического назначения. Между 1945 и 1973 годами 15-е Управление было главной советской организацией, отвечавшей за исследования, связанные с бактериологическим оружием. И хотя его роль в этих вопросах уменьшилась в связи с созданием «Биопрепарата», оно все равно продолжало контролировать запасы бактериологического оружия и основные мощности для его производства. В его ведении находились следующие объекты.

«Зима», железнодорожная станция в Иркутском районе. Хранение оружия на основе сибирской язвы.

Киров, Институт микробиологии. Разработка биологического оружия (БО) для ведения боевых действий: тиф, лихорадка Ку туляремия, бруцеллез, сап, сибирская язва, мелиоидоз. Изучение оружия на основе токсинов. Исследования генетически измененных штаммов бактерий. Производство и складирование чумы.

Московская область, военный аэродром в Кубинке. База подразделения военно-воздушных сил, доставляющего грузы, персонал и подопытных животных на испытательные полигоны.

Москва, Институт техники безопасности. Разработка производственного оборудования для программы БО.

Нукус, Каракалпакская автономная республика. Испытательный полигон для химического оружия и макетов биологических боеприпасов.

Реутов, Московская область. Складирование боеголовок и бомб для БО.

Шиханы, Волжский регион. Испытательный полигон для химического оружия и макетов БО.

Стрижи, Кировская область. Производство вирусов и бактерий. Построенный в конце 80-х, это был последний завод 15-го Управления, созданный до развала СССР.

Свердловск (Екатеринбург), Институт военно-технических проблем. Разработка бактериологического оружия: сибирская язва, туляремия, сап, мелиоидоз. Исследования токсического оружия, включая ботулинический токсин. Исследование сибирской язвы и сапа, устойчивых к антибиотикам. Производство бактерий сибирской язвы, сапа. Хранение сибирской язвы.

Волжский регион, база военно-воздушных сил (точное местоположение неизвестно). База, которая могла быть использована во время войны с Афганистаном как стартовая площадка для самолетов, распыляющих БО.

Остров Возрождения, Казахстан. Испытательный полигон для БО. Вблизи Аральска находились командный пункт и центр управления.

Загорск (Сергиев Посад), Институт вирусологии. Исследование и разработка натуральной и обезьяньей оспы, боливийской геморрагической лихорадки, аргентинской геморрагической лихорадки, лихорадок Марбург, Эбола и Ласса, лихорадки долины Вэлли, венесуэльского энцефаломиелита лошадей, восточного и западного энцефаломиелита лошадей, энцефалита долины Муррей, энцефалита Сент-Луиса и др.

Производство и хранение оспы.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ «БИОПРЕПАРАТ»

Эта организация была создана в 1973 году при Совете Министров, чтобы обеспечить гражданское прикрытие для военных исследований по бактериологическому оружию. Большая часть сотрудников пришла из 15-го Управления, которое эффективно продолжало ее контролировать. При реорганизации в середине 80-х «Биопрепарат» был передан в ведение Министерства медицинской и микробиологической промышленности (но сохранил при этом относительную самостоятельность). «Биопрепарат» отвечал за гражданские объекты, на которых исследовались и разрабатывались вакцины, биопестициды, а также некоторые виды лабораторного и медицинского оборудования. Но многие из этих предприятий занимались также разработкой и производством бактериологического оружия и имели статус «резервных» на случай войны.

Бердск, Технологический институт биологически активных веществ. Разработка ферментов для исследований генетически измененного бактериологического оружия.

Бердск, научно-производственная база (Сибирское отделение Института прикладной биохимии). Действовала с 1975 по 1981 год, разрабатывала методы наполнения и сборки БО, а также лабораторную технику для биологического оружия на основе бруцеллеза.

Бердск, завод. Мобилизационное (резервное) предприятие: производство чумы, туляремии, сапа и бруцеллеза. Производительность — до 100 тонн каждого вида оружия ежегодно.

Кириши, Ленинградская область, Специальное конструкторское бюро при Институте точной механики. Разработка оборудования для производства и тестирования БО.

Кольцово, Новосибирская область, Институт молекулярной биологии «Вектор». Исследовал и разрабатывал бактериологическое оружие на основе: оспы, Эбола, Марбург, боливийской геморрагической лихорадки, венесуэльского энцефаломиелита лошадей, российского весенне-летнего клещевого энцефалита. Изучал многочисленные вирусы для возможного использования в БО, включая ВИЧ. Разрабатывал генетически измененные вирусы и новые методы производства оружия на основе оспы и лихорадки Марбург. Исследование

генома вирусов для создания комбинированного вирусного оружия «химера».

Курган, комбинат «Синтез». Мобилизационный (резервный) завод для производства жидких форм биологического оружия на основе сибирской язвы. Планируемая мощность — до 1000 тонн в год немодифицированного БО на основе сибирской язвы.

Ленинград (Санкт-Петербург), Институт особо чистых биопрепаратов. Исследование и разработка методов тестирования и применения БО. Изучение применения БО в крылатых ракетах.

Поселок Любучаны, Московская область, Институт иммунологии. Исследование биологических веществ, подавляющих иммунную систему человека.

Москва, Институт биологического приборостроения. Разработка оборудования для обнаружения БО, биозащитного оборудования, методов биозащиты.

Москва, Институт прикладной биохимии. Конструирование оборудования для производства и тестирования БО. Разработка стандартов для производства бактериологического оружия в промышленном масштабе.

Москва, проектный институт «Гипробиопром». Проектирование производственных и исследовательских объектов по БО.

Оболенск, Московская область, Институт прикладной микробиологии. Исследование и разработка бактериологического оружия на основе чумы, туляремии, сапа, сибирской язвы. Разработка штаммов, устойчивых к лекарствам и вакцинам (проект «Метол»), и оружия, поражающего нервную систему (проект «Костер»).

Омутнинск, Научно-производственная база (в прошлом — Восточноевропейское отделение Института прикладной биохимии). Исследование и разработка оружия на основе чумы и туляремии.

Омутнинск, химическое производство. Мобилизационный (резервный) объект по производству бацилл чумы, туляремии, сапа. Плановая мощность — до 100 тонн каждого вида оружия ежегодно.

Пенза, комбинат «Биосинтез». Мобилизационный (резервный) завод для производства сухих форм БО на основе сибирской язвы. Проектная мощность — 500 тонн ˆмодифицированного оружия на основе сибирской язвы, выход на плановую мощность — в течение года.

Степногорск, Казахстан, научно-производственная база «Прогресс» (в прошлом — Казахстанское отделение Института прикладной биохимии). Мобилизационный (резервный) объект,

рассчитанный на производство 300 тонн БО на основе модифицированной сибирской язвы, выход на плановую мощность — через 250 дней. Также может производить оружие на основе чумы, сапа, туляремии. Разрабатываются и исследуются сап и сибирская язва. Проводятся эксперименты с сибирской язвой, сапом и вирусом Марбург.

Вильнюс, Литва, Институт иммунологии. Исследование и разработка ферментов для молекулярной биологии и исследований по генной инженерии. Результаты исследований без ведома института затем использовались на других объектах для создания генетически измененного оружия.

Йошкар-Ола, автономная республика Мордовия, Специальное проектное бюро контрольно-измерительных приборов и автоматизации. Проектирование и производство оборудования и приборов для разработки и тестирования БО.

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Алматы, Казахстан, производственное предприятие «Биокомбинат». Резервный завод по производству БО, в основном сибирской язвы.

Голицино, Научно-исследовательский институт фитопатологии. Разработка веществ для уничтожения посевов, в том числе пшеницы, ржи, кукурузы и риса.

Отар, Казахстан, железнодорожная станция, научно-исследовательский институт и испытательный полигон. Испытания БО, уничтожающего посевы и крупный рогатый скот.

Ташкент, Узбекистан, Научно-исследовательский институт фитопатологии. Исследования и разработка средств для уничтожения посевов.

Владимир, научно-исследовательский и производственный объект. Исследование и разработка оружия, поражающего животных, на основе африканской чумы свиней, ящура и чумы крупного рогатого скота.

МИНИСТЕРСТВО ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Несколько лабораторий, контролируемых Управлением химического оружия, проводили работы по бактериологическим вооружениям, включая разработку токсических органических веществ. По крайней мере, одна из них была расположена в Москве.

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Второе главное управление

Контролировало около десяти противочумных институтов и исследовательских центров по микробиологии и эпидемиологии, расположенных по всему Советскому Союзу. Наряду с мирными медицинскими исследованиями под руководством Главного санитарно-эпидемиологического управления на этих объектах занимались изучением новых штаммов патогенных микроорганизмов, которые могли быть использованы как бактериологическое оружие.

Эти институты находились, например, в Минске, Саратове, Иркутске, Самаре, Ростове-на-Дону, Алматы и Волгограде.

Третье главное управление

Контролировало систему спецбольниц и медицинских пунктов, обслуживающих научно-исследовательские и производственные объекты, связанные с бактериологическим оружием. Другая сеть институтов изучала биологические вещества, вызывающие органические и физиологические изменения (программа «Флейта»). Несколько лабораторий этой сети разрабатывали токсины и прочие вещества для применения против «определенных личностей».

Москва, Медстатистика. Сбор медицинской БО-развединформации по всему миру, в основном из открытых источников медицинских журналов, а также анализ секретной информации.

Москва, Институт прикладной молекулярной биологии (впоследствии — Российский научный центр молекулярной диагностики и лечения). Изучение различных биологических веществ, вызывающих необратимые изменения в психике или смертельных для человека.

Москва, Институт иммунологии. Изучение регуляторных пептидов с токсическими свойствами, способных привести к обратимым или необратимым изменениям в нервной и иммунной системах.

Москва, Научно-производственный центр медицинской биотехнологии. Фундаментальные исследования генома человека для создания новых видов бактериологического оружия.

Московская область, Центр токсикологии и гигиенической регламентации биопрепаратов. Изучение токсических

биологических смесей с высокой поражающей способностью для применения в аэрозолях.

Сухуми, Грузия. Обезьяний питомник. Обезьяны используются в испытаниях БО.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Государственное научное объединение Советского Союза, контролирующее финансирование и проведение научных исследований по всем основным научным дисциплинам. Межотраслевой научно-технический Совет, образованный в начале 70-х, координировал передовые исследования по бактериологическим вооружениям. Председатель Совета был министром Правительства, а его членами являлись: представители Центрального Комитета, 15-го Управления и «Биопрепарата», руководители ведущих научно-исследовательских институтов, вице-президент Академии наук, замминистра здравоохранения, замминистра химической промышленности, начальник Управления бактериологического оружия Министерства сельского хозяйства.

Москва, Институт органической химии. Фундаментальные исследования по БО.

Москва, Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгард-та. Фундаментальные исследования по БО.

Москва, Институт белка. Фундаментальные исследования.

Москва, Институт биохимии и физиологии микроорганизмов. Фундаментальные исследования.

Владивосток, Тихоокеанский институт биоорганической химии. Фундаментальные исследования по токсинам, содержащимся в морских животных и растениях.

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (КГБ)

Первое главное управление

Отвечает за сбор разведданных, включая слежение за иностранными программами по бактериологическому оружию. Проводит собственные исследования по БО, в основном для совершения политических убийств. Контролирует несколько секретных исследовательских подразделений по химическому и бактериологическому оружию, включая 12-ю лабораторию.

Третье главное управление

Отвечает за внутреннюю контрразведку и безопасность. Региональные отделения обеспечивают безопасность отдельных объектов «Биопрепарата», а также маскировку и меры по дезинформации.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Москва, Главное управление исправительно-трудовых колоний. Надзор за тюрьмами и колониями. Обеспечивает рабочую силу для строительства БО-объектов.

Москва, Главное управление внутренних войск. Обеспечивало охрану БО-объектов, которые не находились под контролем 15-го Управления.

МИНИСТЕРСТВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Отвечало за советскую внешнюю торговлю. Специальное управление занималось организацией тайного приобретения оборудования и животных для программы по бактериологическому оружию. Представители и агенты работали за границей.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ

Специальное управление Министерства юстиции отвечало за юридическое сопровождение. Сюда входили специальные прокуроры, адвокаты, судьи и спецсуды.

* * *

Выражаю свою благодарность Стивену Хендельману, чье блестящее литературное дарование позволило написать эту книгу. Мне помогло не только его знание России, но больше всего — его дружба.

Отдельно благодарю Джой де Менил, моего редактора в издательстве «Рэндом Хаус», чей пытливый ум и преданность делу не позволяли нам расслабиться во время подготовки этой книги. Я также благодарен Дженнифер Гернси, чье знание

биологии, исследовательские способности и энтузиазм просто неоценимы. Мы со Стивеном у нее в долгу. Синтия Кэнелл, мой литературный агент, заслужила отдельную благодарность за то, что сразу поняла важность этого проекта, а также за ее неустанную работу.

Большое спасибо Чарльзу Бейли и Биллу Патрику, которые поддерживали и продолжают поддерживать и помогать советом коллеге по науке, который когда-то был отделен от них политикой «холодной войны». Спасибо адмиралу Эльмо Зумвальту-младшему за его поддержку и Воану Форресту ведущему специалисту Объединенного комитета по экономическим вопросам Конгресса США, который одним из первых оценил потенциал неспецифической иммунной защиты.

Хочу поблагодарить Фрэнка Чилуффо, Вальтера Дорна, посла Джека Мэтлока-младшего, Сюзанну Симпсон и Джессику Штерн за их понимание и поддержку на различных стадиях прохождения этого проекта. Я признателен Хэлу Пастрику и другим коллегам в «СРС Технолоджи» за то, что познакомили меня с методами исследований и защиты в Америке, а также моим новым коллегам в Мемориальном институте Бателля за поддержку моих новых научных проектов.

Дружба и поддержка Мелиссы Бейли, Дженни Патрик, Гарри Хорнинга, Марата и Саши Акчуриных сделали мое вхождение в американскую жизнь менее трудным. Эта книга является свидетельством их поддержки. Я также должен поблагодарить тех друзей и официальных лиц в России, Казахстане и США, которые помогли моей семье перебраться в Америку. Хотя я и не могу назвать их имена, но каждая страница этой книги является выражением сердечной признательности за то, что они так рисковали.

Хотел бы особо поблагодарить моего друга Виктора Симана, бывшего полковника разведки (единственное имя, которое я могу упомянуть), чья помощь в понимании жизни в Америке просто бесценна.

Я всегда буду в долгу перед моей бывшей женой Леной — матерью моих очаровательных детей. Ее преданность и любовь были для меня опорой все годы жизни и работы в «Биопрепарате». Наши дети, Мира, Алан и Тимур, всегда были для меня источником вдохновения. Когда я наблюдаю, как они расцветают и растут в мирном обществе, которое они сделали своим собственным, то понимаю, что именно они являются настоящей причиной, побудившей меня написать эту книгу.

Особые слова любви моей жене Даше Алибек и моим прелестным маленьким дочерям Кире и Мэри-Роз.

В заключение я хочу сказать, что посвящаю эту книгу своим родителям, моему брату Бахиту и сестре Сауле. Пусть их любовь дает мне силы на долгие годы.

ОБ АВТОРАХ

Канатжан Алибеков родился в 1950 году в городе Каучук (Казахстан). В 1975 году закончил военный факультет Томского медицинского института по специальности инфекционные заболевания и эпидемиология. Алибекову присуждена ученая степень доктора биологических наук в области микробиологии за исследование и разработку бактериологического оружия на основе туляремии и чумы, а также за разработку промышленной технологии производства бактериологического оружия на основе сибирской язвы. С 1975 года работал в «Биопрепарате», с 1988 по 1992 — заместитель директора этой организации. В данное время живет в США и занимается вопросами защиты от биологического оружия.

Стивен Хендельман — корреспондент газеты «Тайм». Глава московского представительства газеты «Торонто Стар» в конце 80-х — начале 90-х годов. Автор книги «Товарищ преступник: новая российская мафия».

notes

Примечания

1

«Биопрепарата» — организация, якобы созданная для разработки медикаментов и вакцин для гражданского использования, на самом деле была частью комплексной программы создания биологического оружия.

2

Пятнадцатое Управление — Управление бактериологической защиты Министерства обороны.

3

Лихорадка Марбург — острая вирусная болезнь, характеризующаяся тяжелым течением, высокой летальностью, геморрагическим синдромом, поражением печени, желудочно-кишечного тракта и ЦНС. Впервые болезнь наблюдалась в 1967 году в Марбурге.

4

Вирулентность — степень патогешюсти штамма инфекционного агента в отношении человека при определенных условиях заражения. О вирулентности штамма судят по тяжести вызываемого им заболевания. Вирулентность зависит от состояния микроорганизма, условий произрастания и жизнедеятельности штамма.

5

ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД СССР (февраль 1922 — ноябрь 1923 г.).

6

Риккетсия — один из видов микроорганизмов. Риккетсии вызывают различные заболевания: сыпной тиф, лихорадку Ку и др. Свое название получили в честь американского ученого Х. Риккетса. изучавшего сыпной тиф и погибшего во время эпидемии этого заболевания в 1910 году.

7

Эндемическое заболевание — вид заболевания, распространение которого ограничено каким-то определенным районом.

8

Контагиозная болезнь — ранее так называлась группа заболеваний, передающихся только при непосредственном физическом контакте: в настоящее время под термином «контагиозная болезнь» понимается любое инфекционное заболевание.

9

Хунин — название вируса, вызывающего геморрагическую аргентинскую лихорадку.

10

Антракс — еще одно название сибирской язвы (от англ. anthrax — «карбункул»)

Пытаясь разрушить внедрившийся вирус, клетка поглощает его и направляет к нему химические вещества, чтобы растворить оболочку вируса. В результате этого из вируса в здоровую клетку попадает генетический материал вируса. Гены вируса находят в метке необходимые для репликации вещества, и вирус начинает размножаться. Из клетки выходят новые вирусы, которые внедряются в другие клетки и выводят их из строя.

12

Т-клетки (Т от лат. thymus — «вилочковая железа»). Основными элементами иммунной системы организма являются белые клетки крови — лимфоциты. Незрелые лимфоциты покидают костный мозг и попадают в кровяное русло. Некоторые из них направляются к тимусу, расположенному у основания шеи, где происходит их созревание. Оба типа зрелых лимфоцитов имеют на своей поверхности рецепторы для распознавания и связывания чужеродных молекул, получивших название «антигены». Что касается Т-клеток, то при связывании их рецепторами значительного количества определенного антигена они начинают секретировать группу веществ, называемых лимфокинами. Некоторые лимфокины вызывают обычные признаки воспаления: покраснение участков кожи, местное повышение температуры. Другие лимфокины привлекают метки, которые могут захватывать и поглощать антиген (вместе со структурой, например бактериальной меткой, на поверхности которой он находится). Еще одна группа лимфокинов способствует разрушению инфицированных меток. Наконец, ряд лимфокинов стимулирует добавочное количество Т-клеток к делению, что обеспечивает быстрое возрастание числа меток, которые отвечают на тот же антиген и выделяют еще больше лимфокинов.

13

Транскрипция (биол.) — биосинтез молекул РНК на соответствующих участках ДНК: считывание генетического кода.

14

Ортопоксвирусы — класс вирусов коровьей, обезьяньей и других вирусов оспы.

15

Эмиль фон Беринг — лауреат Нобелевской премии в области медицины. Превосходный военный врач, ассистент Роберта Коха в Берлине, с 1893 профессор в Халле. с 1895 — в Марбурге. Основатель вакцинологии и иммунологии. Совместно с Шибасабуро Китасато открыл способность животного и человеческого организма к образованию антител против возбудителей инфекции. Его исследования дали толчок для разработки вакцин против дифтерии и тифа.

16

Филовирусы названы так за нитевидную форму (от лат. filamentous — «длинный»).

17

В данном случае имеется в виду категория, по-английски называемая «emerging viruses».

18

Антисыворотка — сыворотка, содержащая в своем составе антитела против определенных антигенов. Может вводиться в защитных целях в качестве временной защиты заболевшего (для создания пассивного иммунитета) от различных заболеваний.

19

В конце 2001 года стало известно, что он скончался от инсульта.

20

В феврале 2000 года я участвовал в Международном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) и встретил там Петровского, который меня узнал, но не поздоровался. Зато другие участники российской делегации стали активно меня фотографировать.

21

Сотрудника звали Сергей Попов. Сейчас он находится в США и работает со мной в области разработки медицинской защиты от биотерроризма.

22

Реплицирование — воспроизведение путем клеточного деления, самовоспроизводство.

23

Лихорадки Ку — острое инфекционное природно-очаговое заболевание, которое вызывается риккетсией Бернета, характеризующееся общей интоксикацией, лихорадкой и частым поражением легких.

24

День Д — 6 июня 1944 г. началась высадка войск союзников в Нормандии, открытие Второго фронта.

25

Кипсек — роскошно изданная подарочная книга с гравюрами начала XIX пека.

26

Управление по оценке технологии (U.S. Office of Technology Assessment) было создано в США в 1972 году как консультативный орган при Конгрессе США. Целью работы данного управления было изучение влияния внедрения новых технологий с медицинской, биологической, экономической, социальной и политической точек зрения.

27

Афлатоксин — ядовитое вещество, выделяемое спорами грибка Aspergillus flaws, которое поражает земляной орех. У некоторых животных этот яд может спровоцировать развитие рака: кроме того, считается, что у людей, живущих в регионах с теплым и влажным климатом, он может привести к развитию рака печени, так как хранимые жителями этих районов орехи и хлебные злаки часто бывают поражены этой плесенью.

28

В 2002 году в США финансирование проектов по биологической защите достигло шести миллиардов долларов в год.

29

Неспецифический (врожденный) иммунитет обусловливает однотипные реакции на любые чужеродные антигены. Главным клеточным компонентом системы неспецифического иммунитета служат фагоциты, основная функция которых — захватывать и переваривать проникающие извне агенты. Для возникновения подобной реакции чужеродный агент должен иметь поверхность, т. е. быть частицей (например, заноза). Если же вещество молекулярно-дисперсное (например, белок, полисахарид, вирус) н при этом не токсичное и не обладает физиологической активностью, оно не может быть нейтрализовано и выведено организмом по вышеописанной схеме. В этом случае реакцию обеспечивает специфический иммунитет. Примером неспецифического иммунитета может служить воспалительная реакция при попадании в кожу занозы, причем при повторном поражении такой же занозой все этапы реакции организма развиваются точно так же, как и при первичном ответе.

30

Гранулоцит — лейкоцит, содержащий в цитоплазме зерна (гранулы). Гранулоциты образуются в костном мозге и защищают организм от бактерий и токсинов.